

ISSN 2587-7844

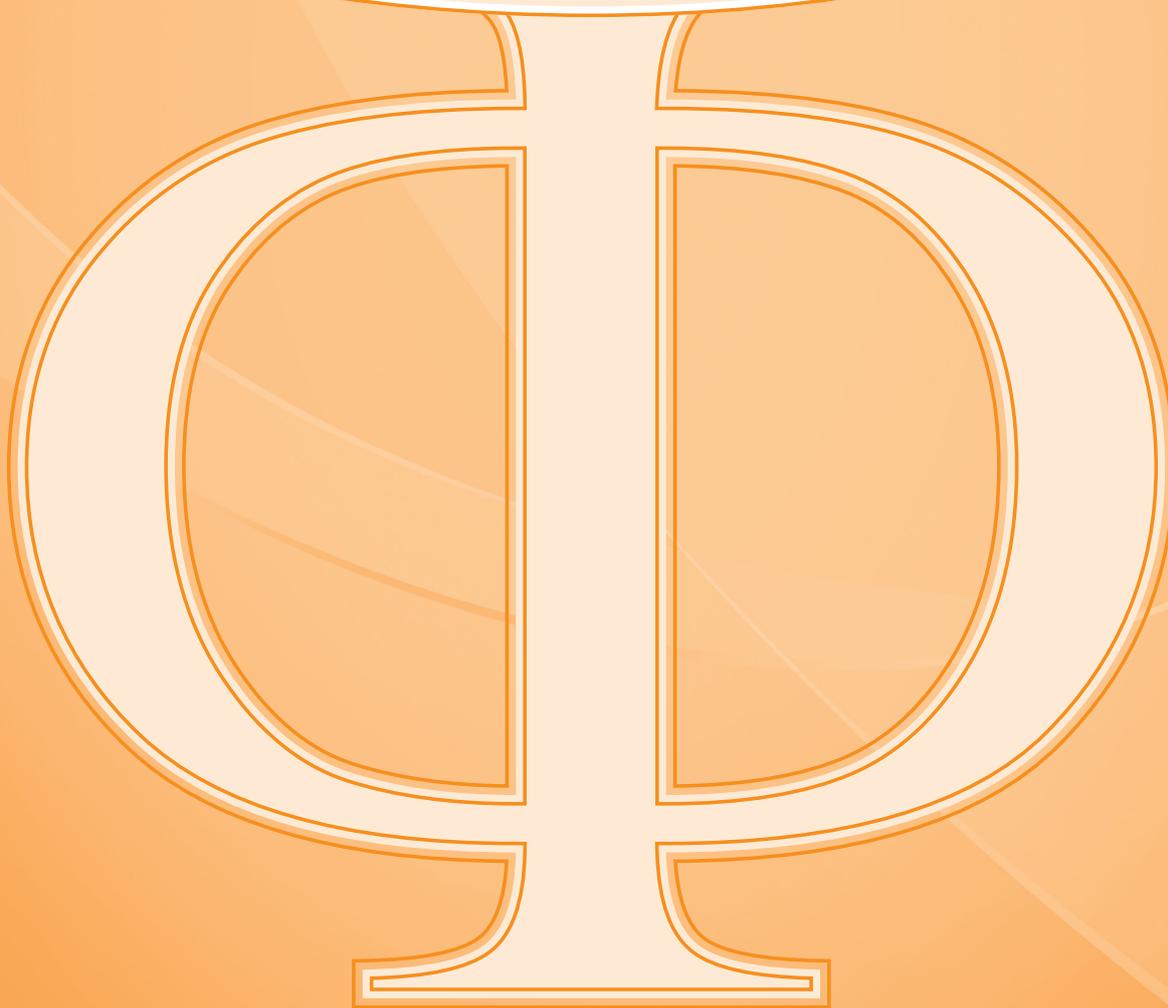
СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2021. № 4 (16)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии 10.00.00

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований
Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.
Россия, 660049, Красноярск,
ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

С 1 марта 2021 г. журнал включен ВАК в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в международную ассоциацию издателей CrossRef, которая разрабатывает общую инфраструктуру (CrossRef DOI) для поддержки наиболее эффективной научной коммуникации (публикациям журнала присваивается идентификатор DOI – индексируемая ссылка к постоянно-местонахождению статьи для получения необходимой информации о ней)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Editor-in-Chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Deputy Editor-in-Chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Бенет Винсент, доктор филологических наук, профессор, INALCO (Франция)
Benet Vincent, Doctor of Philology, Professor, INALCO (France)

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voynovich Yasmina, Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia)

Игнатьева Т.Г., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Ignatieva T.G., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Пак Чжон-Кван, доктор PhD, Национальный университет Кёнбук (Республика Корея)
Park Jong-kwan, PhD, Doctor, Gyeongbuk State University (The Republic of Korea)

Керо Энрике, Университет Гранады (Испания)
Kero Enrique, University of Granada (Spain)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Пикколо Лаура, профессор, Университет РИМ-3 (Италия)
Piccolo Laura, Professor, RIM-3 University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk)

Протасова Е.Ю., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, Университет Хельсинки (Финляндия)
Protasova E.Yu., Doctor of Education, PhD in Philology, University of Helsinki (Finland)

Садовский Я., доктор исторических наук, кандидат филологических наук, профессор Ягеллонского университета, директор Института восточнославянской филологии, заведующий кафедрой языковой и культурной коммуникации (Краков, Польша)
Sadowski J., PhD in Philology, Doctor of History, Professor, Director of the Institute of East Slavic Philology, Head of the Department of Language and Cultural Communication, Jagiellonian University (Krakow, Poland)

Садырина Т.Н., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sadyrina T.N., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Софронова Т.М., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sofronova T.M., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Тышковска-Каспршак Э., доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша)
Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak, Doctor of Philology, Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University

Черняк В.Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Cherniak V.D., Doctor of Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

Шмелева Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Velikiy Novgorod)

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ¹

Актуальные проблемы языкознания

- Т.Г. Боргоякова, А.В. Гусейнова**
ДВУЯЗЫЧИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ УСТАНОВКИ ЖИТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИК ЮЖНОЙ СИБИРИ
В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ
T.G. Borgoiakova, A.V. Guseinova
BILINGUALISM AND LANGUAGE ATTITUDES
OF RESIDENTS OF THE REPUBLICS
OF SOUTHERN SIBERIA
IN THE CONTEXT OF URBANIZATION [4]

- И.В. Бойко**
ЗНАЧЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ
ПРИ ОБУЧЕНИИ МОНГОЛОВ РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ
I.V. Boyko
CONSIDERATION OF MORPHOLOGICAL DIFFERENCES
IN TEACHING RUSSIAN GRAMMAR TO MONGOLIANS [20]

- А.Д. Васильев**
ОБЗОР НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ИЗДАНИЙ
ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН
A.D. Vasilyev
REVIEW OF POPULAR SCIENCE PUBLICATIONS
FOR TEACHING LINGUISTIC DISCIPLINES [31]

- К.В. Волчок**
РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ
В РУССКОЯЗЫЧНОМ СЕГМЕНТЕ ИНТЕРНЕТА
K.V. Volchok
SPEECH STRATEGY OF DISCREDITATION
OF RUSSIAN COMMANDERS
IN THE RUSSIAN-SPEAKING SEGMENT
OF THE INTERNET [45]

- О.В. Фельде**
ВРЕМЕННАЯ И ДИСКУРСИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
КОНЦЕПТА «БОГУЧАНСКАЯ ГЭС»
O.V. Felde
TEMPORAL AND DISCURSIVE VARIATION
OF THE “BOGUCHANSKAYA HYDROELECTRIC
POWER PLANT” CONCEPT [58]

- Ю.В. Щурина, М.В. Вырупаева**
КОНЦЕПТ «РОДНАЯ ЗЕМЛЯ»
В РЕГИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
В КОНТЕКСТЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ
Yu.V. Shchurina, M.V. Vyrupaeva
THE “NATIVE LAND” CONCEPT
IN THE REGIONAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS
IN THE CONTEXT OF THE TRANS-BAIKAL BORDER [72]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ²

Актуальные проблемы литературоведения

- С.Ю. Корниенко**
СИБИРСКАЯ СТЕПЬ
В ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ МОДЕРНА
(КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ – МАРИНА ЦВЕТАЕВА)
S.Yu. Kornienko
SIBERIAN STEPPE IN MODERN AESTHETIC PRACTICES
(KONSTANTIN BALMONT – MARINA TSVETAeva) [83]

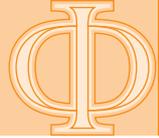
- М.А. Секерина**
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА ЖИЗНИ
НЕСТОЛИЧНОГО ПИСАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА
M.A. Sekerina
SOCIO-CULTURAL PARADIGM OF THE LIFE
OF THE NON-METROPOLITAN WRITERS’ COMMUNITY [97]

- Е.М. Юхименко**
ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ
РИСОВАННЫХ ЛИСТОВ ЕНИСЕЙСКИХ ЧАСОВЕННЫХ
E.M. Yukhimenko
LITERARY AND PICTORIAL SOURCES
OF THE SHEETS PAINTED BY THE YENISEI OLD
BELIEVERS OF CHAPEL CONCORD [109]

- ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ [133]

¹ В разделе публикуются материалы участников Сибирского исторического форума – 2021, секция «Языки и диалекты народов Сибири: история и современность».

² В разделе публикуются материалы участников Сибирского исторического форума – 2021, секция «История региональных литератур: сообщества, диалоги со столицей, стратегии самоопределения».

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-16-4-88>

УДК 81' 272

ДВУАЗЫЧИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ УСТАНОВКИ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИК ЮЖНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ¹

Т.Г. Боргоякова, А.В. Гусейнова (Абакан, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматриваются проблемы софункционирования государственных языков республик Южной Сибири на фоне урбанизационных процессов, влияющих на ускорение этнокультурной и языковой ассимиляции миноритарных этносов.

Цель – выявление особенностей развития национально-русского билингвизма в контексте языковых установок носителей вторых государственных языков – алтайского, тувинского и хакасского – в городском коммуникативном пространстве республик Южной Сибири.

Результаты исследования свидетельствуют о наличии общности развития билингвизма в трех республиках Южной Сибири, определяемой его законодательно закрепленным статусом. Особенности реального использования компонентов билингвизма коррелируют с исторически сложившейся этнодемографической структурой населения, темпами и моноцентризмом урбанизации в столичных городах. Языковые установки городских жителей трех республик по отношению ко вторым государственным языкам в целом позитивны, однако они дифференцированы в разрезе этнической принадлежности респондентов, коррелируя с укоренившимися социальными и этноидентификационными установками по отношению к языкам, имеющим статус разного уровня, который определяет их коммуникативную мощь. Столичные респонденты титульных национальностей демонстрируют более позитивные языковые установки по готовности поддерживать вторые государственные языки по сравнению с русскими респондентами. В то же время в столицах республик Южной Сибири уровень свободного владения всеми видами речевой деятельности на родных языках среди молодежи является более низким по сравнению с сельской местностью.

Ключевые слова: *урбанизация, билингвизм, языки коренных народов, языковые установки, языковое поведение, республики Южной Сибири.*

Постановка проблемы. Растущая урбанизация относится к важнейшим особенностям социально-экономических трансформаций в современном мире. Для миноритарных этносов процессы перехода к дисперсному проживанию в городской среде практически всегда несут ускорение этнокультурной и языковой ассимиляции, несмотря на наличие определенных позитивных аспектов.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00426 «Динамика и перспективы языкового взаимодействия в республиках Южной Сибири».

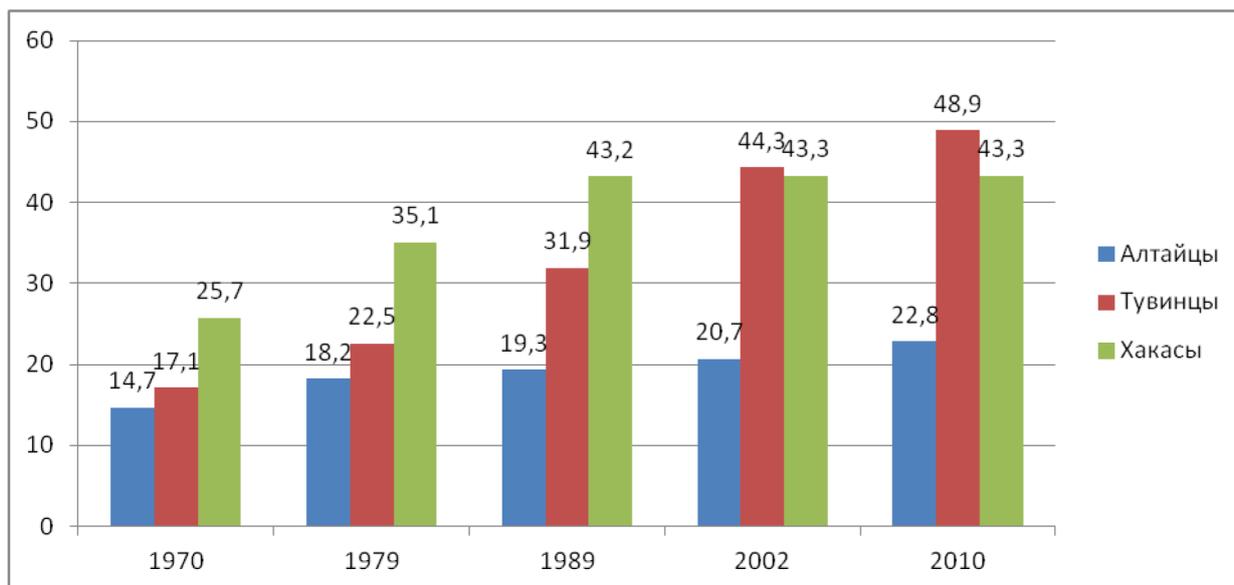
Цель статьи – выявление особенностей развития национально-русского билингвизма в контексте языковых установок носителей вторых государственных языков – алтайского, тувинского и хакасского – в городском коммуникативном пространстве республик Южной Сибири (далее – РЮС). Основная цель работы определила следующие *задачи*: 1) изучение динамики урбанизации титульных этносов РЮС; 2) выявление отношения городских жителей к статусу вторых государственных языков и оценки языковой политики в РЮС; 3) анализ языковых установок и интенсивности национально-русского билингвизма в столицах РЮС.

Методология. Для решения поставленных задач были использованы методы социолингвистического анкетирования, сравнительного анализа экспериментального банка данных и статистических материалов по трем республикам. Социолингвистические опросы более 3000 респондентов были проведены в РЮС в 2020 г., включая полторы тысячи респондентов, проживающих в столичных городах.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые развитие национально-русского билингвизма в трех соседних республиках рассматривается в аспекте урбанизационных процессов с учетом возраста и этнической принадлежности респондентов, проживающих в столицах РЮС. Актуальность исследования обусловлена продолжающимися процессами утраты межпоколенной передачи родных языков титульных этносов и сокращением сфер их функционирования в городском пространстве РЮС, особенно заметного среди молодежи. Высокая значимость исследования национально-русского билингвизма определяется условиями российского этноязыкового контекста, обуславливающего необходимость поиска баланса между повышением статуса русского языка как объединяющего фактора гражданской идентичности, с одной стороны, и развитием и сохранением языков народов России, важной составляющей этнокультурной идентичности их представителей, – с другой [Зинченко и др., 2019]. Практическая значимость работы связана с возможностью применения полученных результатов в работе государственных и муниципальных органов власти, в деятельности других субъектов языковой политики РЮС.

Результаты исследования. В России в целом средний уровень урбанизации к началу 2021 г. составил около 75 %. Что касается республик Южной Сибири, то здесь средний показатель доли горожан ниже 51 %. На первом месте Республика Хакасия (70 %), на втором месте Республика Тыва (54,35 %), и наименьший показатель в Республике Алтай (29,2 %)². Следует отметить, что процессы урбанизации среди титульных народов РЮС протекали по-разному (рис. 1).

² Уровень урбанизации по регионам России в 2021 г. URL: <https://миркарт.рф/карты?id=208>

*Рис. 1. Динамика урбанизации титульных народов РЮС (%)
(по данным переписей населения)³*

*Fig. 1. Dynamics of urbanization of the titular peoples of the Republics of Southern Siberia (%)
(according to population censuses)*

Как видно из рис. 1, в период с 1970 по 2010 г. наиболее впечатляющими были темпы переезда в города у тувинцев: рост составил более 30 %. Наименее урбанизированным народом оставались алтайцы, среди которых за указанные годы доля городских жителей увеличилась лишь на 8 %. Что касается хакасов, то количество горожан среди них возросло на 17,5 % в период с 1970 по 1989 г., но с тех пор осталось практически неизменным – на уровне 43 %. При этом отмеченный в [Боргоякова, 2002, с. 92] моноцентризм расселения горожан, когда большинство городского населения проживает в столицах, остается актуальным для республик Южной Сибири и сегодня. В настоящее время максимальная концентрация городского населения региона в столице характерна для Горно-Алтайска (100 %), что составляет почти треть (29 %) жителей республики. В Кызыле – столице Республики Тыва – проживает 74,8 % горожан Тувы, или 36 % жителей республики, в Абакане – столице Республики Хакасия – 53,6 % горожан Хакасии, составляющих 35 %

³ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1970 г. Городское и сельское население республик СССР по полу и национальности. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussrnac70.php> (дата обращения: 05.10.2021); Всесоюзная перепись населения 1979 г. Городское и сельское население республик СССР по полу и национальности. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_79.php (дата обращения: 05.10.2021); Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения республик СССР по полу и национальности. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php (дата обращения: 05.10.2021); Всероссийская перепись населения 2002 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 05.10.2021); Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 05.10.2021).

жителей республики⁴. Таким образом, в столичных городах проживает в среднем более трети населения РЮС, во многом определяющей направления развития языковых установок и билингвальных компетенций и практик.

Что касается доли представителей титульных этносов в современной структуре населения республиканских столиц, то в Кызыле с населением 120 067 человек тувинцы составляют 68 % [Кан, 2016, с. 59]. В столице Республики Алтай проживает 64 504 человек, из которых 22 % – этнические алтайцы⁵. В Абакане, численность населения которого в настоящий момент составляет 187 239 человек, доля коренного хакасского населения равна 12 % [Боргоякова, Гусейнова, 2019, с. 344]. Из приведенных данных следует, что наибольший процент коренного населения РЮС сосредоточен в Кызыле, где тувинцы составляют большинство, в Горно-Алтайске алтайцы составляют менее четверти населения столицы, в Абакане доля хакасов совпадает с показателями по республике в целом (12 %).

Обратимся к сравнительному анализу материалов, полученных по итогам социолингвистических опросов, проведенных в трех столицах. Одним из первых в анкете был вопрос о том, какой язык или какие языки являются государственными в каждой из республик Южной Сибири (рис. 2, 3).

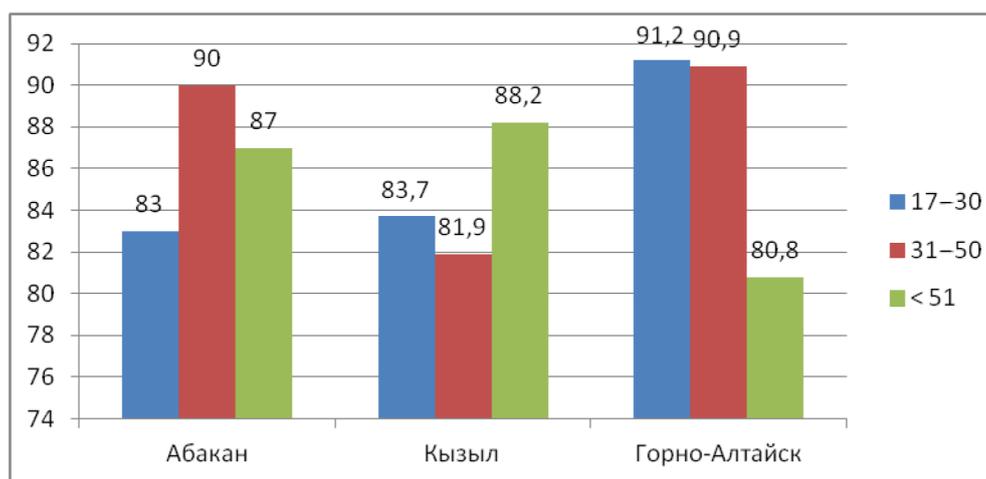

Рис. 2. Информированность респондентов титульных национальностей об официальном двуязычии в РЮС (%)

Fig. 2. Awareness of the respondents of the titular nationalities about the official bilingualism in the Republics of Southern Siberia (%)

Как видно из рис. 2, в целом уровень осведомленности о наличии статуса государственных языков республик для русского и алтайского/тувинского/хакасского среди столичных респондентов титульных этносов достаточно высок (более 80 %). Наиболее высокие показатели (более 90 %) выявлены у респондентов алтайской национальности (далее – АР) в двух возрастных группах – от 17 до 31 года и от 31 до 50 лет, а также в средней возрастной группе хакасских респондентов (далее – ХР).

⁴ Рассчитано по: Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru>

⁵ Национальный состав и владение языками, гражданство: стат. сб. Алтайстат. Горно-Алтайск, 2013. 419 с.

На рис. 3 приведены сравнительные данные по результатам опросов русских респондентов, проживающих в столицах РЮС.

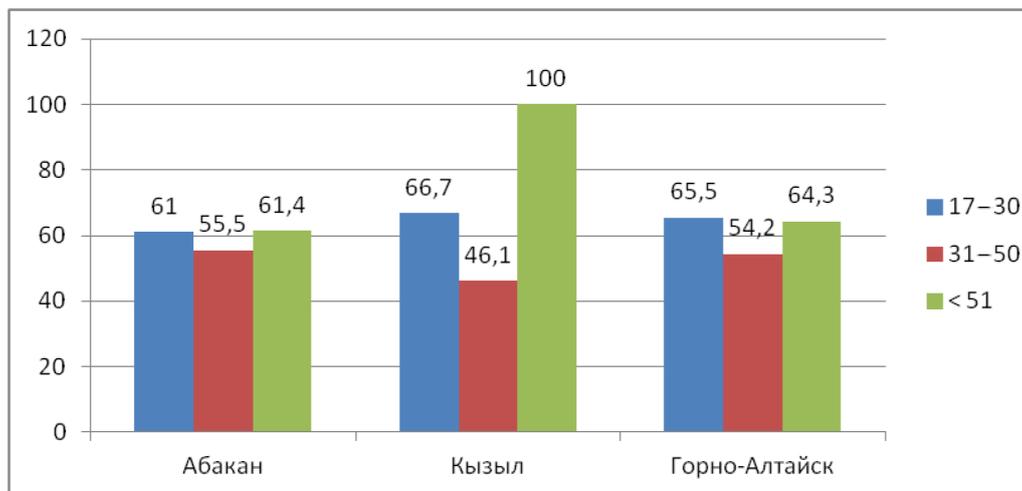

Рис. 3. Информированность русских респондентов об официальном двуязычии в РЮС (%)

Fig. 2. Awareness of Russian respondents about official bilingualism in the Republics of Southern Siberia (%)

Судя по данным рис. 3, информированность столичных русских респондентов (далее – РР) о двух государственных языках в их республиках в среднем более чем на 20 % ниже, чем у представителей титульных этносов. Максимальный возрастной разрыв выявлен у РР, проживающих в Кызыле, где наиболее и наименее осведомленными оказались представители старшей (100 %) и средней возрастной (46 %) групп соответственно. В Абакане и в Горно-Алтайске показатели превышают 60 % в старшей и молодежных группах с более низкой осведомленностью горожан в возрасте от 31 до 50 лет.

Выявленная дифференциация знаний о статусе двух языков между русскими респондентами и представителями титульных этносов столичных городов РЮС, несомненно, коррелирует с укоренившимися социальными установками по отношению к языкам, имеющим статус разного уровня (см. [Боргоякова, Покоякова, 2021]).

В структуре языковых установок исследователи выделяют когнитивный и оценочный компоненты, которые «сливаются в конативном компоненте в форму готовности к определенному поведению», включая выбор какого-либо языка [Хилханова и др., 2016, с. 38]. Рис. 4 дает представление о выборе родного языка респондентами титульных этносов в трех республиканских столицах в разрезе возрастной дифференциации.

В целом позитивные языковые установки по признанию этнического языка родным являются высокими, составляя в среднем 90,9 %. Лидером в рейтинге столиц по среднему показателю является Кызыл (94,2 %), на втором месте Горно-Алтайск – 91,8 % и на третьем Абакан – 86,8 %. Интересно отметить максимальный уровень признания родного языка во всех трех средних возрастных группах (31–50) с превышением 90 %. Среди молодежных групп наиболее позитивная установка по признанию этнического языка родным выявлена среди тувинских

респондентов (далее – ТР) – 96 %. В двух других столицах она составляет минимум в 79,2 % в Абакане и 85,7 % в Горно-Алтайске.

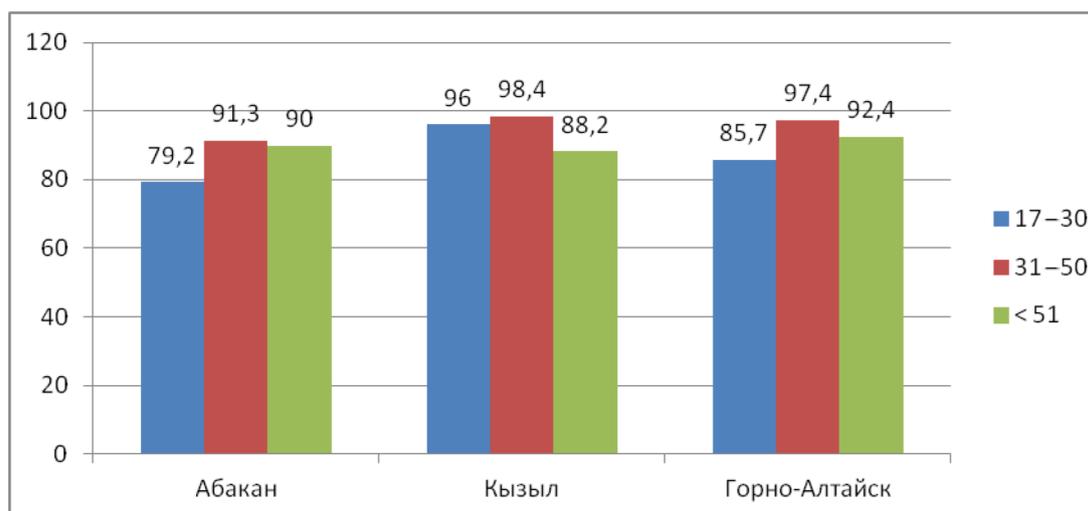

Рис. 4. Признание этнического языка родным или одним из двух родных наряду с русским (%)
Fig. 4. Recognition of an ethnic language as a native or one of two native languages along with Russian (%)

Что касается РР, то подавляющее большинство из них (98,6 % в Абакане, 95,1 % в Горно-Алтайске и 88,9 % в Кызыле) признают родным свой этнический язык, однако единичные случаи указания на тувинский, алтайский или хакасский языки в качестве родных или одного из двух родных (наряду с русским) также встречаются.

Изучение ответов столичных респондентов на вопрос о готовности оказывать личную поддержку сохранению и развитию вторых государственных языков РЮС позволило установить в целом позитивную направленность их языковых установок с дифференциацией в разрезе возраста и этнической принадлежности (рис. 5, 6).

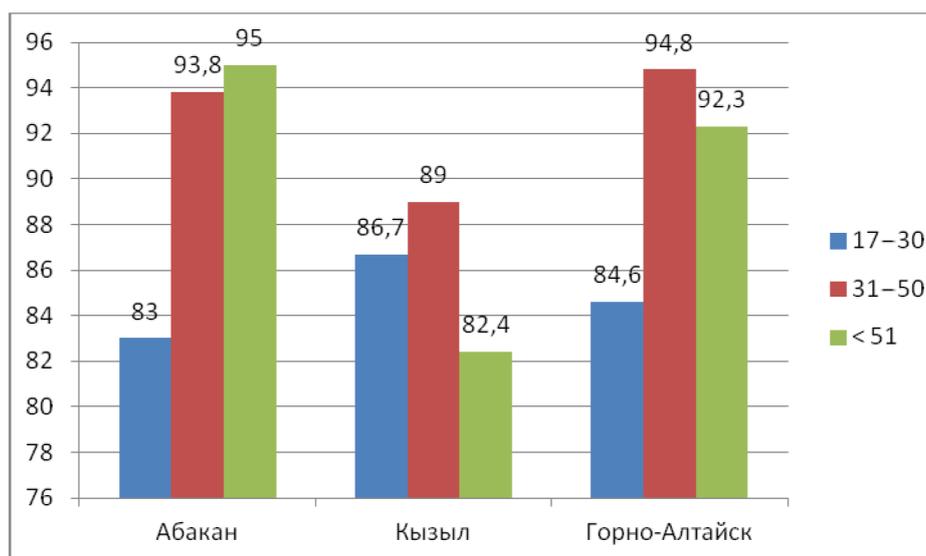

Рис. 5. Готовность респондентов титульной национальности оказывать поддержку сохранению и развитию родного языка (%)
Fig. 5. The readiness of the respondents of titular nationality to support the preservation and development of the native language (%)

В приведенном рис. 5 обращает на себя внимание общий высокий уровень поддержки родных языков, превышающий 80 % во всех группах респондентов. При этом выявлен более высокий уровень готовности поддерживать родной язык в средней и старшей возрастных группах АР и ХР респондентов (более 90 %), который превышает показатели ТР старшего возраста более чем на 10 %. У молодых ТР степень позитивных языковых установок в этом вопросе оказалось самой высокой в данной возрастной группе.

Значительно ниже оказался уровень готовности поддерживать титульные языки у РР, проживающих в столицах РЮС (рис. 6).

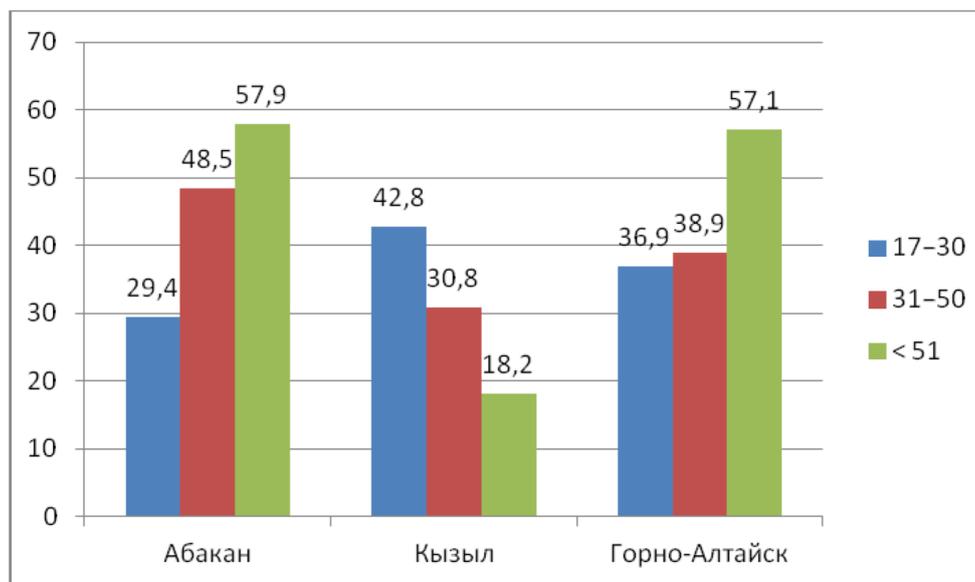

Рис. 6. Готовность русских респондентов оказывать поддержку сохранению и развитию языка титульного народа (%)

Fig. 6. The readiness of Russian respondents to support the preservation and development of the language of the titular people (%)

Отметим, что если готовность поддерживать язык соседей в Абакане и Горно-Алтайске с возрастом повышается, достигая более 57 %, то в Кызыле, напротив, снижается и составляет лишь 18 % в старшей возрастной группе. Возможно, это связано с пережитым старшим поколением негативным опытом развития межэтнических отношений в Туве в начале 90-х гг. прошлого века. В то же время молодое поколение, не имеющее такого опыта, вероятно, связывает свое будущее с Республикой Тыва, где позиции тувинского языка довольно сильны, поэтому уровень поддержки республиканского языка в группе молодых русских кызылчан выше, чем в аналогичных абаканской и горно-алтайской группах.

Данные анкетирования, приведенные ниже в таблице, позволяют установить расхождение между выявленным высоким уровнем позитивных установок по отношению к родным языкам и реальным языковым поведением респондентов титульной национальности в разных коммуникативных сферах (см. об этом также в [Borgoiakova, Guseinova, 2021]).

**Языковое поведение в условиях национально-русского двуязычия
в столицах РЮС (%)**
**Language behavior in the conditions of national-Russian bilingualism
in the capitals of the Republics of Southern Siberia (%)**

Сфера общения	Абакан			Кызыл			Горно-Алтайск		
	17–30	31–50	< 51	17–30	31–50	< 51	17–30	31–50	< 51
Общение с родителями: на родном языке;	11,3	44,4	47,5	53,2	70	70,6	27,5	71,4	46,1
на родном и русском	32	28,4	30	41,9	22,8	20,6	51,6	23,4	38,5
Общение с бабушками и дедушками: на родном языке;	20,7	53	65	75,4	84,2	79,4	49,5	83,1	61,5
на родном и русском	37,7	27,2	25	19,2	9,4	11,8	33	11,7	30,8
Общение с друзьями: на родном языке;	1,9	2,5	5	26,6	30,7	14,7	1,09	16,9	11,5
на родном и русском	24,5	56,8	67,5	63	59,8	76,5	78	75,3	73
Общение с коллегами: на родном языке;	5,7	12,3	2,5	17,2	15	2,9	0	7,8	15,4
на родном и русском	22,6	44,4	67,5	66,5	72,4	88,2	45	64,9	53,8

Как видно из таблицы, наиболее активно столичные респонденты из числа титульных народов РЮС используют родные языки для общения со старшим поколением: бабушками, дедушками и родителями. У ТР всех возрастных категорий здесь наблюдается перевес в сторону использования исключительно родного языка. Что касается АР, то в младшей группе респондентов говорят с бабушками и дедушками только по-алтайски менее половины, а с родителями – менее трети, однако исключительно на русском языке общение в семье происходит менее чем у 20 % АР. Минимальные показатели общения только на родном языке выявлены в группе молодых абаканцев: с родителями говорят по-хакасски лишь чуть более 10 % респондентов, а с бабушками и дедушками – чуть более 20 %. Более трети из них используют в семейном общении два языка, однако нельзя не отметить, что в общении респондентов с родителями лидирующие позиции занимает русский язык (56,7 %), да и в общении со старшим поколением на него приходится более 40 % (41,6 %). В Горно-Алтайске почти треть молодых респондентов используют только родной язык в общении с родителями и почти половина – в общении с бабушками и дедушками. Самые высокие коммуникативные позиции в семейном общении столичной молодежи РЮС занимает тувинский язык, хотя нельзя не отметить усиление доли смешанного общения с параллельным использованием русского языка в общении с родителями.

В сфере внешнего общения, происходящего в столицах РЮС за пределами семьи, во всех возрастных группах более устойчивым является положение тувинского языка: на нем общается в среднем 90,4 % респондентов, включая использование только тувинского языка – 24 % и смешанного участия языков – тувин-

ского и русского – 66,4 %. Интересно отметить минимальную степень использования только родного языка в общении с коллегами и друзьями (2,9 и 14,7 % соответственно) в группе старшего поколения ТР города Кызыла (старше 50 лет), взрослевшей в советское время при иной структуре этнического состава столицы и направленности языковой идеологии.

Особенности корреляции языкового поведения молодых респондентов титульных национальностей столичных городов с их самооценкой языковых компетенций на родном языке можно рассмотреть на примере данных, представленных на рис. 7.

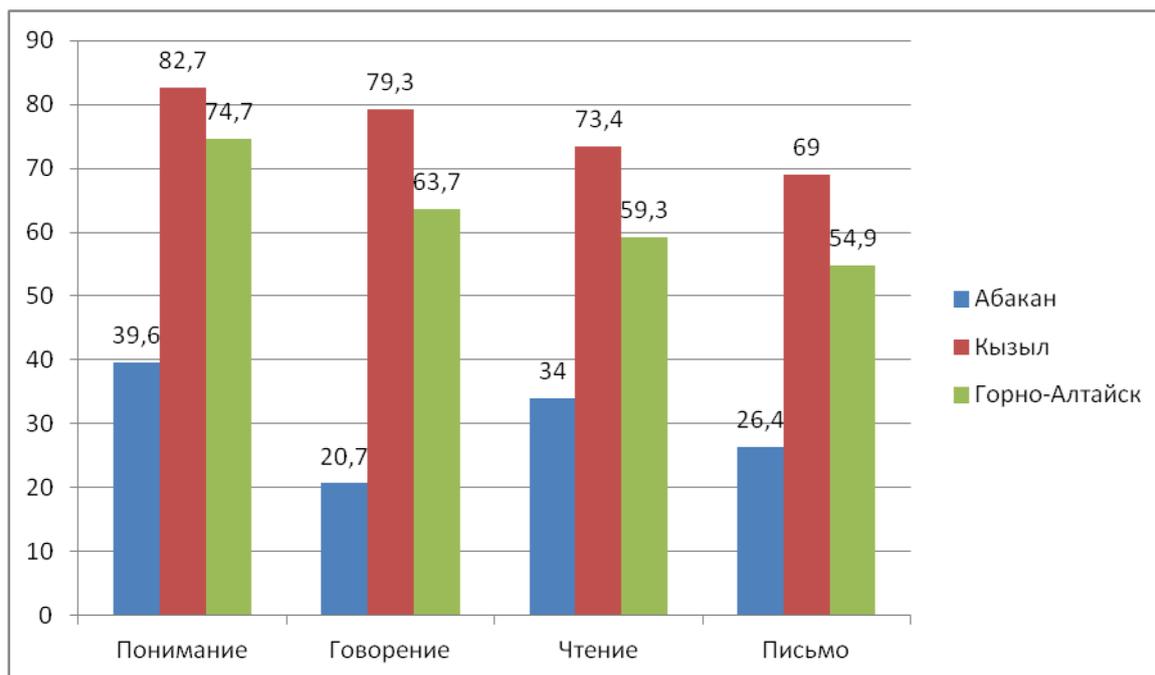

Рис. 7. Свободное владение родным языком молодыми жителями столиц РЮС (%)
 Fig. 7. Fluency in their native language by young residents of the capitals of the Republics of Southern Siberia (%)

Как показывают приведенные данные по трем столицам РЮС, наилучшие показатели владения родным языком (как и признания его в качестве родного) в разных видах речевой деятельности демонстрируют ТР, в том числе в младшей группе. В этой связи следует отметить тенденции последних десятилетий по активному переселению тувинцев из сел в города, что оказывает положительное влияние на актуализацию присутствия тувинского языка в городской среде, так как для мигрантов характерен высокий уровень владения родным языком, являющемся языком детства и школьного образования [Монгуш, 2010, с. 128]. При этом проведенный нами анализ уставов школ Кызыла позволил установить, что в большинстве из них в качестве языков обучения заявлены русский и тувинский (исключение составляют только Государственный лицей Республики Тыва и Кызыльское Президентское кадетское училище, где единственным языком обучения является русский). При этом возможно, что на тувинском языке преподаются

только дисциплины «Родной язык» и «Родная литература» («Литературное чтение на родном языке») и только в классах, где обучение ведется на русском языке, но наряду с ним изучается тувинский язык (как родной и неродной). На сайтах школ представлены учебные планы двух вариантов: для классов с русским (родным) языком обучения и для классов с изучением родного языка наряду с преподаванием на русском языке, то есть тувинский язык в этих школах является одним из изучаемых языков, а не языком обучения (см. об этом также в [Боргоякова, Биткеева, 2020]).

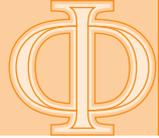
Приведем мнение тувинского исследователя С.Ф. Сегленмей о противоречивости развития билингвизма и софункционирования государственных языков Республики Тыва, во многом объясняющее и темпы урбанизации в этой республике:

«В Туве складывается три типа билингвов: в тех местах, где есть русскоязычная среда, часть детей «чистые» билингвы – они хорошо владеют и родным (тувинским) языком, и русским языком, другая часть – дети, которые владеют только русским языком, они не говорят по-тувински, полагая, что это не обязательно (их число все возрастает), родители этих детей считают, что родной язык – лишний предмет, мешающий учебе. И, в-третьих, дети, плохо владеющие русским языком, или вовсе не говорящие на нем... дети из моноязычной сельской среды» [Сегленмей, 2016, с. 106]. Другими словами, «в республике два государственных языка: тувинский и русский, – и две прямо противоположные проблемы. В селах существует проблема обучения и владения русским языком, а многие кызылчане не владеют тувинским. Незнание русского языка ведет к значительным осложнениям при поступлении в „засаянские“ вузы, срочной службе в армии, устройстве на работу и так далее. Незнание тувинского языка также приносит бытовые и рабочие проблемы»⁶.

Наименьший уровень компетенций во всех четырех видах речевой деятельности на родном языке выявлен в молодежной группе ХР, проживающих в Абакане (рис. 7). О свободном уровне говорения заявили только 20,7 % (на фоне 79,3 % ТР и 63,7 % АР) и 26,4 % свободно пишут на родном языке (69 и 54,9 % у кызыльских и горно-алтайских молодых респондентов соответственно). Сегодня в Абакане изучать хакасский язык как учебный предмет можно в школах № 3, 20, 22, 24, 31. В первой и пятой школах хакасский язык в виде учебного курса «Язык солнечного края» преподается для пятых и седьмых классов. В рамках внеурочной деятельности ФГОС хакасский язык и культура изучаются практически во всех школах города Абакана⁷. По имеющимся данным, число абаканских школьников, изучающих второй государственный язык в разных формах, постоянно растет: если в 2013–2014 учебном году хакасский язык изучали 1228 школьников,

⁶ В Кызыле открылись курсы тувинского языка для желающих. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/5532-kursy.html>

⁷ В Абакане хакасский язык с нового учебного года начнут изучать еще в одной школе. URL: <https://r-19.ru/news/obshchestvo/91657/>

то в 2020 г. – 3375 учеников. Кроме того, растут и показатели изучения хакасского языка в дошкольных учреждениях: если в 2013–2014 учебном году хакасский язык изучали 484 дошколенка в 14 детских садах Абакана, то в 2019–2020 учебном году – уже 1843 ребенка в 29 дошкольных образовательных учреждениях⁸. Однако показатели свободного владения молодых абаканских хакасов активными видами речевой деятельности на родном языке свидетельствуют о том, что его ограниченное изучение как школьного предмета (а чаще как факультатива или кружка) в контексте минимальных возможностей погружения в языковую среду дома и в более широком внешнем социальном пространстве представляет угрозу полноценному функционированию хакасского языка в столице республики даже как функционально второго. По имеющимся сведениям, как язык обучения хакасский не используется ни в Абакане, ни в одной республиканской школе.

По данным официального интернет-портала Республики Алтай, «в системе образования Республики Алтай созданы условия для преподавания алтайского языка в 89 дошкольных организациях (55 %) и в 127 (70 %) школах региона. Доля обучающихся, изучающих алтайский язык в 2019–2020 учебном году, составляет 29 % (11 260 чел.) от общего числа, из них: 7495 обучающихся изучают алтайский язык по основной программе, 3765 чел. изучают по программе „Алтайский язык как государственный язык Республики Алтай”»⁹. А.Э. Чумакаев отмечает, что «по программе „Алтайский язык как государственный язык Республики Алтай”» занимаются учащиеся, не владеющие или слабо владеющие алтайским языком, а это достаточно большое количество детей – 3765 чел. (33,5 %), что вызывает определенную тревогу за будущее алтайского языка» [Чумакаев, 2020, с. 107]. Впрочем, все эти данные не позволяют установить, какое количество детей алтайской национальности охвачено изучением родного языка. Проведенный нами анализ уставов и учебных планов школ Горно-Алтайска показывает, что языком обучения в них является русский, а изучение алтайского языка возможно по выбору родителей (исключение составляет школа № 7, пункт 5.23 устава которой гласит: «В Учреждении в качестве родного языка преподается алтайский язык с 1 по 11 класс по основной программе и по программе для начинающих (для невладеющих и (или) слабо владеющих детей)»¹⁰).

При этом анкетирование 400 молодых жителей РЮС титульных национальностей, проживающих в сельской местности, позволило установить, что показатели свободного владения родным языком у сельской молодежи во всех трех республиках заметно превышают показатели их городских ровесников (рис. 8):

⁸ В Абакане записывают в 1-е классы с изучением хакасского. URL: <https://gazeta19.ru/index.php/obshchestvo/item/48015-v-abakane-zapisyvayut-v-1-klassy-s-izucheniem-khakasskogo>

⁹ Образование / Республика Алтай. URL: <https://altai-republic.ru/society/education/>

¹⁰ Устав муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 7 Горно-Алтайска». URL: <http://altayschool7.edusite.ru/DswMedia/ustavschool7.pdf>

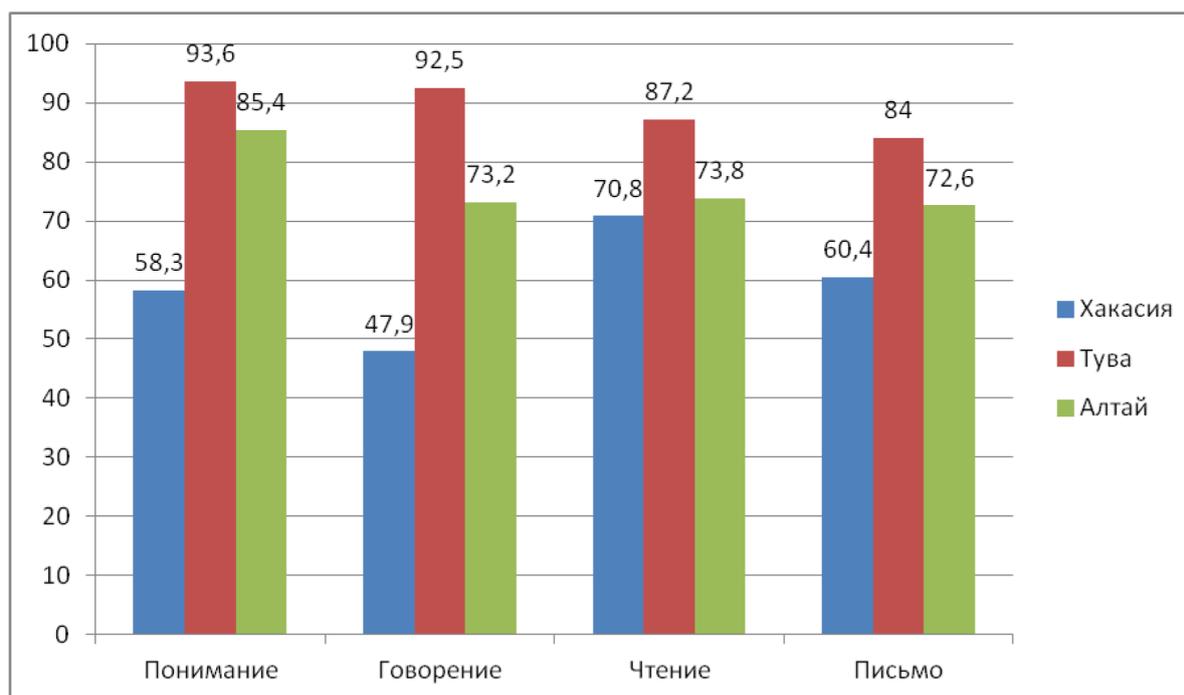
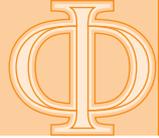

Рис. 8. Свободное владение родным языком молодыми сельскими жителями РЮС (%)
Fig. 8. Fluency in their native language by young rural residents of the Republics of Southern Siberia (%)

Как видно, в сельской местности свободно владеют всеми видами речевой деятельности на родном языке не менее 70 % АР и не менее 80 % ТР. При этом в городе данные показатели составляют не менее 50 % для алтайцев и почти 70 % для тувинцев, то есть разрыв составляет 20 и 10 % у городских и сельских алтайцев и тувинцев соответственно. У ХР разрыв в свободном владении всеми видами речевой деятельности между городской и сельской молодежью составляет более 30 %. Несмотря на то что почти половина (47,9 %) опрошенных молодых сельских хакасов указали, что свободно говорят на родном языке, это, во-первых, все же значительно ниже, чем у их ровесников из Тувы и Алтая, а во-вторых, заметное (более чем на 10 %) превышение показателей свободного владения навыками чтения и письма над навыками понимания и говорения подтверждает процессы интенсификации перехода хакасского языка в категорию функционально второго, усвоенного частично и дополнительно к функционально первому (русскому) языку даже в сельской местности (см. об этом [Боргоякова, Гусейнова, 2017, с. 120]).

Выводы и заключение. Общность развития билингвизма в трех РЮС связана с официальным, законодательно закрепленным характером билингвизма. Особенности реального использования его компонентов коррелируют с этнодемографической структурой населения и темпами урбанизации. В столицах РЮС отмечен более низкий уровень свободного владения всеми видами речевой деятельности на родных языках среди городской молодежи по сравнению с сельской. В школах республиканских столиц предлагается изучение вторых государственных языков РЮС по выбору родителей или законных представителей учащихся

в форме учебного предмета или внеурочной деятельности. Языковые установки городских жителей трех республик по отношению ко вторым государственным языкам в целом позитивны, однако они дифференцированы в разрезе этнической принадлежности респондентов, коррелируя с укоренившимися социальными установками по отношению к языкам, имеющим статус разного уровня.

Наиболее высокий уровень признания этнического языка родным демонстрируют респонденты-тувинцы, особенно среди молодежи. У городских тувинцев всех возрастных категорий наблюдается перевес в сторону использования исключительно родного языка в семье, в то время как среди алтайцев и хакасов набирает обороты процесс вытеснения родных языков русским даже из сферы внутрисемейного общения. При этом городские респонденты титульных национальностей демонстрируют более позитивные языковые установки по готовности поддерживать вторые государственные языки по сравнению с русскими респондентами.

Библиографический список

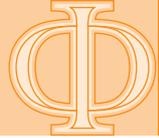
1. Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Динамика языкового поведения и языковых убеждений в контексте языковой политики Республики Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 11. С. 342–347. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.72
2. Боргоякова Т.Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2002. 166 с.
3. Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 2017. 136 с.
4. Боргоякова Т.Г., Покоякова К.А. Структура и содержание ассоциативного восприятия разностатусных языков (английского, русского и хакасского) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 9. С. 2823–2826. DOI: 10.30853/phil210438
5. Боргоякова Т.Г., Биткеева А.Н. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 50–61. DOI: 10.25178/nit.2020.1.4
6. Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А., Долгих А.Г., Савельева О.А. Методологические проблемы исследования влияния двуязычия на когнитивные процессы и этнокультурную идентичность // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2019. № 1. С. 174–194. DOI: 10.11621/vsp.2019.01.174
7. Кан В.С. Этносоциальный профиль тувинцев // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 52–72.
8. Монгуш М.В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака: Национальный музей этнологии, 2010. 359 с.
9. Сегленмей С.Ф. Роль родного языка как языка обучения в начальной школе // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. 2016. № 4 (31). С. 105–112.
10. Соловьев Е.В., Шабыков В.И. Влияние урбанизации на динамику языкового поведения нерусских этносов Республики Марий Эл // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2019. № 4 (75). С. 42–51.
11. Хилханова Э.В., Дырхеева Г.А., Любимова Л.М., Сундуева Д.Б. Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных районов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края). М.: Наука – Вост. лит., 2016. 174 с.
12. Чумакаев А.Э. О сферах функционирования алтайского языка и его диалектов: проблемы и перспективы // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. 2020. № 8-2. С. 106–109. DOI: 10.37882/2223-2982.2020.08-2.22

13. Borgoiakova T.G., Guseinova A.V. Contextualized Bilingualism in the Republics of Southern Siberia // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14, No. 4. P. 466–477. DOI: 10.17516/1997-1370-0734

Сведения об авторах

Боргоякова Тамара Герасимовна – доктор филологических наук, профессор, директор института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан); e-mail: tamarabee@mail.ru

Гусейнова Аурика Вагифовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан); e-mail: aurika_guseynova@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-16-4-88>

BILINGUALISM AND LANGUAGE ATTITUDES OF RESIDENTS OF THE REPUBLICS OF SOUTHERN SIBERIA IN THE CONTEXT OF URBANIZATION

T.G. Borgoiakova, A.V. Guseinova (Abakan, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines the problems of co-functioning of the state languages of the republics of Southern Siberia in the context of urbanization processes that affect the acceleration of ethnocultural and linguistic assimilation of minority ethnic groups.

The purpose of the article is to identify the features of the development of national-Russian bilingualism in the context of the linguistic attitudes of the speakers of the second state languages – Altai, Tuvan and Khakass, in the urban communicative space of the republics of southern Siberia.

Research results indicate the commonality of bilingualism development in the three republics of Southern Siberia, determined by its legislatively enshrined status. The features of the actual use of its components correlate with the historically established ethno-demographic structure of the population, the pace and monocentrism of urbanization in the capital cities. Language attitudes of urban residents of the three republics in relation to the second state languages are generally positive, however, they are differentiated in the context of the ethnicity of the respondents, correlating with the ingrained social and ethno-identification attitudes in relation to languages of different status, which determines their communicative power. The metropolitan respondents of the titular nationalities demonstrate more positive linguistic attitudes in terms of their readiness to support the second state languages in comparison with the Russian respondents. At the same time, the level of fluency in all types of speech activity in native languages among young people in the capitals of the republics of Southern Siberia is lower than in rural areas.

Keywords: *urbanization, bilingualism, indigenous languages, language attitudes, language behavior, the republics of Southern Siberia.*

References

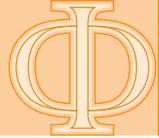
1. Borgoiakova T.G., Guseinova A.V. Dynamics of linguistic behaviour and linguistic views in the context of language policy in the Republic of Khakassia // *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2019. Vol. 12, № 11. P. 342–347. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.72
2. Borgoiakova T.G. *Sociolinguistic processes in the republics of Southern Siberia*. Abakan: Publishing house of the Katanov Khakass State University, 2002.
3. Borgoiakova T.G., Guseinova A.V. *Status and functioning of the Turkic languages of Southern Siberia*. Abakan: Publishing house of the Katanov Khakass State University, 2017.
4. Borgoiakova T.G., Pokoiakova K.A. Structure and content of associative perception of languages with different status (English, Russian and Khakass) // *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2021. Vol. 14, No. 9. P. 2823–2826. DOI: 10.30853/phil210438
5. Borgoiakova T.G., Bitkeeva A.N. Tuvan language in legal and functional aspect // *New Research of Tuva*. 2020. No. 1. P. 50–61. DOI: 10.25178/nit.2020.1.4
6. Zinchenko Yu.P., Shaigerova L.A., Dolgikh A.G., Savelieva O.A. Methodological issues of studying the impact of bilingualism on cognitions and ethnocultural identity // *Bulletin of Moscow University. Psychology*. 2019. No. 1. P. 174–194. DOI: 10.11621/vsp.2019.01.174
7. Kan V.S. Ethnosocial profile of tuvans // *New Research of Tuva*. 2016. No. 2. P. 52–72.

8. Mongush M. V. One people: three destinies. Tuvans of Russia, Mongolia and China in a comparative context. Osaka: National Museum of Ethnology, 2010.
9. Seglenmej S.F. Role of the native language as the language of instruction in primary schools // Bulletin of Tuvan State University. Pedagogical Sciences. 2016. No. 4 (31). P. 105–112.
10. Soloviev E.V., Shabykov V.I. Istit behavior of non-Russian ethnic groups of the republic of Mari El // SEARCH: Politics. Public Studies. Art. Sociology. Culture. 2019. No. 4 (75). P. 42–51.
11. Khilkhanova E.V., Dyrkheeva G.A., Lyubimova L.M., Sundueva D.B. Language consciousness and language attitudes of the residents of the border areas of the East of Russia (on the example of the Republic of Buryatiya and Zabaikalsky territory). Moscow: Science. Oriental literature? 2016.
12. Chumakaev A.E. About the spheres of functioning of the Altai language and its dialects: problems and prospects // Modern science. Current problems of theory and practice. 2020. No. 8-2. P. 106–109. DOI: 10.37882/2223-2982.2020.08-2.22
13. Borgoiakova T.G., Guseinova A.V. Contextualized Bilingualism in the Republics of Southern Siberia // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14, No. 4. P. 466–477. DOI: 10.17516/1997-1370-0734

About the authors

Borgoiakova Tamara Gerasimovna – DSc (Philology), Professor, Director of the Institute for Humanities and Sayan-Altai Turkology, Katanov Khakass State University (Abakan, Russia); e-mail: tamarabee@mail.ru

Guseinova Aurika Vagifovna – PhD (Philology), Senior Researcher at the Institute for Humanities and Sayan-Altai Turkology, Katanov Khakass State University (Abakan, Russia); e-mail: aurika_guseynova@mail.ru

DOI: <https://DOI.ORG/10.25146/2587-7844-2021-16-4-89>

УДК 808.2-5(075.8)

ЗНАЧЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ МОНГОЛОВ РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

И.В. Бойко (Иркутск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Русский и монгольский языки неродственные, разноструктурные, отличающиеся друг от друга во всех лингвистических аспектах, прежде всего грамматики, однако, к сожалению, до сих пор отсутствует их системное сопоставительное описание. К тому же русский язык из обязательного для изучения (во всех школах и вузах) иностранного языка, каким он был раньше, стал изучаться только в 7–9-х классах общеобразовательных школ. Все это отрицательно сказывается на подготовке учителей-русистов, у многих из которых недостаточно сформированы лингвистическая и речевая компетенции, поэтому, по нашему представлению, следует усовершенствовать подход к преподаванию русской грамматики в монгольской аудитории.

Цель статьи – на основе сопоставительной характеристики глаголов и имен существительных спрогнозировать наиболее острые зоны интерференции в построении синтаксических структур и помочь избежать отрицательного взаимовлияния.

Результаты исследования. В работе представлена системная сопоставительная характеристика морфологических категорий существительных и глаголов в русском и монгольском языках, сделанная автором на основе исследований С. Галсана и Ц. Цэдэндамбы.

Выводы. В результате определяются основные зоны интерференции. Это, во-первых, структурное несовпадение русских односоставных предложений с их монгольскими эквивалентами и, во-вторых, синтаксические модели с детерминантами вообще и с субъектно-объектными в частности. Знание этого позволит учителю при планировании уделять больше времени данным структурам, последовательной непрерывающейся работе с ними, что в итоге поможет формированию лингвистической, речевой и коммуникативной компетенций.

Ключевые слова: морфологические категории, сопоставительное описание языков, речевой образец, синтаксическая модель, субъектный детерминант, субъектно-объектный детерминант, лингвистическая, речевая и коммуникативная компетенции.

Постановка проблемы. В XX в. русский язык в Монголии был обязательным для изучения в средней общеобразовательной школе и во всех высших учебных заведениях, его знали практически все. Однако в настоящее время он утратил свои позиции и изучается лишь в 7–9-х классах. Сократилась и потребность в квалифицированных специалистах по русскому языку как иностранному; учителям рекомендовалось «переориентироваться» на английский, в результате чего снизился уровень подготовки учителей-русистов и значительно уменьшилось количество людей, говорящих на русском языке. В этом нас убедила работа на курсах повышения квалификации по русскому языку как иностранному для монгольских учителей-словесников и на занятиях с учащимися

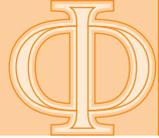
7–12-х классов, выполняемая Иркутским государственным университетом в рамках грантовых программ фонда «Русский мир».

Обзор научной литературы. К сожалению, до сих пор нет полного системного сопоставительного описания русского и монгольского языков. В 40–70-е гг. XX в. появились исследования по изучению монгольского (бурят-монгольского) языка [Бертагаев, 1964; Санжеев, 1940], а также работы по компаративной характеристике названных языков [Галсан, 1975; Цэдэндамба, 1974; 1978], но этого недостаточно для успешного изучения русского как иностранного. К тому же в настоящее время, насколько нам известно, не ведутся исследования по синтаксису монгольского языка с учетом достижений современной лингвистики, тогда как знание основных синтаксических моделей предикативных единиц и умение применять их на практике говорит о формировании всех видов компетенций: языковой, речевой и коммуникативной. Осознанное же овладение речевыми образцами – синтаксическими моделями, считаем, невозможно без умения сопоставлять как грамматическую систему родного языка обучающихся, так и систему изучаемого языка (в нашем случае монгольского и русского). Эти знания и умения необходимы прежде всего преподавателю русского языка как иностранного, работающего в современной монгольской школе; в противном случае, как нам кажется, статус русского языка в этой стране еще более понизится. На наш взгляд, необходимо усовершенствовать подход к преподаванию русской грамматики в монгольской аудитории.

В связи с этим *цель* нашей статьи – на основе сопоставительной характеристики глаголов и имен существительных спрогнозировать наиболее острые зоны интерференции в построении синтаксических структур и помочь избежать их отрицательного взаимовлияния. Зоны интерференции трактуем как весь ареал грамматических конструкций в изучаемом языке, не имеющих эквивалентных построений в родном и поэтому являющихся объектом потенциального отрицательного взаимодействия. Так, поскольку в монгольском языке нет слов категории состояния, можно констатировать, что любые русские синтаксические модели, в которых есть названная морфологическая форма, будут трудными для монголов. Следовательно, необходимо учитывать этот факт в практике преподавания русского языка как иностранного в монгольской среде.

Результаты исследования. Общеизвестно, что основным принципом преподавания грамматики иностранцам является представление лингвистического явления в контексте: в словосочетании или предложении. В статье мы остановимся на введении в активную речевую практику простых предикативных конструкций, а «строительным материалом» для них в сопоставляемых языках служат морфологические формы. Для сравнения мы представим не все морфологические средства, а только те, которым в любом языке отводится роль синтаксических инструментов и которые выполняют функции субъекта, предиката и модификаторов в простом неосложненном предложении.

Функции субъекта и предиката в обоих языках преимущественно выполняют существительное и глагол.

В лингвистике понятие *модификатор* дискуссионно, косвенным свидетельством чему является отсутствие толкования термина в современных словарях.

Мы понимаем под *модификатором* непредикативную синтаксическую конструкцию, выполняющую роль смыслового конкретизатора либо распространителя предикативной основы, манифестирующего конкретную синтаксическую функцию.

В русском языке модификаторами могут быть как самостоятельные падежные словоформы, так и словоформы в сочетании с предлогами, роль которых заключается в выражении смысловых отношений между ними. Предлоги тесно связаны с категорией падежа. В монгольском же языке «нет предлогов. Связь между словами и словосочетаниями в предложениях в основном осуществляется посредством падежных аффиксов и послелогов» [Цэдэндамба, 1978, с. 124]. Монгольские послелогии в основном эквивалентны русским предлогам [Галсан, 1975, с. 274–286; Цэдэндамба, 1978, с. 123–127], то есть так же, как предлоги в русском языке, конкретизируют синтаксическую функцию непредикативных – второстепенных членов предложения.

Сравним морфологические категории имен существительных в сопоставляемых языках.

Таблица 1

Сопоставление морфологических категорий имен существительных в русском и монгольском языках

Table 1

Noun Morphological Category Comparison in the Russian and Mongolian languages

Грамматические категории	Русский язык	Монгольский язык
Категория одушевленности / неодушевленности	Имеется	Отсутствует [Галсан, 1975, с. 120]
Категория рода	Мужской Женский Средний	Отсутствует [Галсан, 1975, с. 120]
Категория числа	Единственное Множественное	Нуждается в специальном исследовании [Галсан, 1975, с. 129]
Категория падежа	6 падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный	8 падежей: именительный, родительный, дательно-местный, винительный, исходный, творительный, направительный, совместный [Галсан, 1975, с. 130–148; Цэдэндамба, 1974, с. 28–49]

Из приведенных данных видно, что в основном морфологические категории существительных в сопоставляемых языках не совпадают.

Отсутствие грамматической категории рода существительных в монгольском языке и неопределенность в обозначении грамматической формы числа означают, что при построении русского предложения потенциальны ошибки в следующих ситуациях: 1) согласование в формах рода, числа и падежа; 2) склонение.

Отметим, что синтаксической связи согласования в монгольском языке нет [Цэдэндамба, 1978, с. 14]. Следовательно, необходимо использовать как можно больше упражнений на отработку моделей «прилагательное + существительное». Методисты знают: чтобы грамматическое явление было усвоено и был выработан навык в его употреблении, нужно повторение его не менее 15–25 раз [Акишина, Каган, 2004].

Несмотря на то что названия пяти из восьми монгольских падежей совпадают с русскими, семантическое содержание их в большинстве случаев различно. Так, например, в русском языке существительным в родительном падеже со значением качественной семантики (*Это был мальчик **семи лет**; человек **высокого роста***) соответствует монгольская форма совместного падежа (*Долооннастай жаал* (буквально: *семь с возрастом мальчик*); *Өндөрнуруутай хун* (буквально: *высокий с ростом человек*) [Галсан, 1975, с. 142].

Еще один пример. В русском языке при обозначении живых существ, лиц при переходных глаголах употребляется форма винительного падежа имени существительного: *читать книгу; поздравлять бабушку; любить сестру*. В монгольском же языке из-за отсутствия грамматической категории рода формы винительного падежа совпадают с формами родительного, за исключением сочетаний с глаголами *любить* и *поздравлять*, которые требуют после себя дательного падежа (типа *Поздравляю вам, любить нам*) [Галсан, 1975, с. 147].

Особый интерес для нас представляет тот факт, что русской словоформе в дательном падеже «при предикативных наречиях и безличных глаголах... никогда нет соответствия» [Галсан, 1975, с. 145]. Причину этого определим в ходе дальнейшего исследования.

Обратимся к сравнению глаголов, представляя их грамматические характеристики в таблице. (Мы намеренно не останавливаемся в этой работе на их формах – деепричастии и причастии, которым в монгольском языке отводится значительная роль: они могут выступать как знаменательные и служебные части речи и имеют существенное значение в образовании сложных предложений.)

Таблица 2

**Сопоставление морфологических категорий глаголов
в русском и монгольском языках**

Table 2

Verb Morphological Category Comparison in the Russian and Mongolian languages

Грамматические категории	Русский язык	Монгольский язык
1	2	3
Вид	Совершенный Несовершенный	Отсутствует [Галсан, 1975, с. 203; Цэдэндамба, 1974, с. 80]
Время	Настоящее Прошедшее Будущее	Настоящее Прошедшее (давнопрошедшее, недавнопрошедшее) Будущее [Галсан, 1975, с. 209–217]

Окончание табл. 2

1	2	3
Наклонение	Изъявительное Повелительное Сослагательное	Изъявительное Повелительно-желательное: со значениями побуждения, просьбы, предостережения, напоминания, опасения Отсутствует [Галсан, 1975, с. 223]
Залог	Действительный Страдательный	Прямой Страдательный Побудительный Совместный Взаимный [Галсан, 1975, с. 224–227]
Число	Единственное Множественное	Отсутствует [Галсан, 1975 с. 197–203]
Лицо	1 л., 2 л., 3 л.	Отсутствует [Галсан, 1975, с. 197–203]
Род	У глаголов в форме прошедшего времени (муж., жен., сред. р.)	Отсутствует [Галсан, 1975, с. 197–203]

Таким образом, мы имеем несовпадения во многих глагольных категориях, что служит потенциальным показателем интерференции, или влияния родного языка на изучаемый, при построении предложений, в которых глагол выполняет роль предиката. Не случайно Ц. Цэдэндамба отмечал невозможность структурного совпадения многих русских предикативных конструкций с монгольскими [1978, с. 13]. Прежде всего это касается образования односоставных предложений, соотносительных с русскими глагольно-личными и безличными, чему есть объяснение: в качестве средства выражения главных членов в русских односоставных предложениях выступают глаголы с показателями определенных морфологических категорий. Так, например, в безличных структурах главный член может быть выражен либо глаголом в форме 3 лица настоящего / будущего времени, либо в форме прошедшего времени единственного числа среднего рода, либо словами категории состояния. В монгольском же языке, как уже говорилось, вопрос о грамматическом числе и грамматическом роде у глаголов и существительных до сих пор является предметом дискуссий и разногласий [Галсан, 1975; Цэдэндамба, 1978]. Слова категории состояния в монгольской грамматике также отсутствуют [Галсан, 1975, с. 201–202]. И именно в этих синтаксических группах имеется больше всего нарушений, выражающихся в незнании речевых образцов типа *Я нравится*, *У них еще трудно*; *Ей что-то случилось* [Бойко, 2017, с. 101–102].

Смысловое содержание русских безличных предложений выражается в монгольском языке иными – двусоставными предикативными структурами, например:

1) Сегодня на улице холодно – *Оноордор гадаа хуйтэн байна* – досл.: *Сегодняшний день холод есть*;

2) Ему скучно – *Тэр уйтгартай байна* – досл.: *Он скука есть*;

3) Мне не хочется ехать в гости – *Би зочиллохыг хусэхгүй байна* – досл.: *Я гости не хочу быть*;

4) У нас нет билетов в театр – *Бидэнд театр явах билет байхгүй* – досл.: *Мы театр ехать билет не имеем.*

Двусоставные эти структуры потому, что, как мы полагаем, в монгольском языке не может быть предложений без подлежащего, занимающего препозицию в предложении, и сказуемого, стоящего в абсолютном конце синтаксической конструкции. Наблюдается взаимозависимость между жесткой конструкцией структурной схемы монгольского простого предложения и синтаксической ролью членов этой схемы, которые определяются их морфологическими свойствами.

Как видим, хотя перевод транслирует основное содержание, все же он не передает основную семантику безличных предложений – отсутствие активного деятеля или носителя признака, о чем свидетельствует сама форма главного члена, не допускающая грамматического подлежащего – имени существительного или местоимения в именительном падеже.

Особенно трудны для монголов безличные структуры, включающие в свой состав слова категории состояния и отрицание, так как в монгольском языке при отрицании требуется именительный падеж: *Книга нет; Мама нет* [Цэдэндамба, 1978, с. 30]. Следовательно, надо уделить серьезное внимание отработке модели «Нет + имя в род. п./ Нет N₂».

Остановимся более подробно на структурах со словами категории состояния, потому что, как уже отмечалось, их нет в монгольском языке. Однако уже в 7-м классе (IV четверть) при изучении лексической темы «Окружающая среда. Какая сегодня погода?» от ребят требуется знать слова *жарко, холодно, тепло, прохладно* в сочетании с темпоральными распространителями *сегодня, вчера, завтра* и уметь употреблять их в речи [Русский язык VII, 2017]. И учащиеся неплохо усваивают названные структуры.

Трудности появляются, когда в предложении имеется детерминант (модификатор), выраженный существительным / местоимением в косвенном падеже или предложно-падежной формой.

В этом случае предлагаем следующий алгоритм работы.

Вначале грамматическая структура (временной детерминант + слово категории состояния / Adv_{tempor} Praed) вводится лексически как цельная лексико-синтаксическая единица (*Сегодня/вчера/завтра жарко/было/будет*) и констатируется, что такая конструкция употребляется в русском языке в ситуации, когда требуется сказать, какая погода.

Затем даются модификации модели с пространственными распространителями (В / На предл. п. – слово категории состояния / В / На N_{6 locum} Praed) в ее конкретном лексическом воплощении: *В городе / на улице... (сегодня) холодно.*

По мере изучения языка следует продолжать расширять список лексем-распространителей и слов категории состояния. Рекомендуем завести «Синтаксический словарь», где базовая модель дополняется конкретными лексемами, по возможности указывая их принадлежность к определенной лексико-семантической группе: одушевленное/неодушевленное, собственное/нарицательное существи-

тельное, личное местоимение, существительное со значением места и др. При этом, на наш взгляд, следует «разводить» омонимичные по способу выражения главного члена структуры с разным семантическим содержанием. Так, например, формы «N₃ / Pronom₃ Praed»: *Мне холодно* – должны располагаться в другом месте (на другой странице), где будет идти речь об иной семантике, а именно о физическом состоянии человека, независимом от его воли и желания. И здесь будет другой список детерминантов – одушевленных существительных.

Позже, когда будет изучаться тема «Повседневная жизнь. Как ты себя чувствуешь?» (8-й класс, 2-я четверть), будут введены слова *плохо, хорошо* [Русский язык VIII, 2016]. Предикаты *надо/нужно* + *инфинитив* вводятся при изучении темы «Семья. Какие твои обязанности по дому?» (9-й класс, 1-я четверть) [Русский язык IX, 2015].

И лишь на продвинутом этапе обучения можно говорить о психическом состоянии человека и вводить данную структурную модель, наполняя ее другими лексемами: *весело, грустно, интересно*.

К сожалению, наш опыт работы показывает, что школьные учителя тоже нуждаются в повторении представленного грамматического материала. В их речи встречаются ошибки типа: *Учитель надо любить ученики; И мы надо вступить во владение свою профессию; Учитель необходимо быть точным и пунктуальным; Мне рады, что вы приехали* [Бойко, 2017, с. 102]. Получается, что вроде бы коммуникативная компетенция есть, понимание достигнуто, но речевая и лингвистическая компетенции недостаточно сформированы, а это недопустимо для учителя русского языка как иностранного. Считаем, опираясь на многолетнюю практику преподавания РКИ монгольским учителям-русистам, что и им следует сначала вводить синтаксические модели безличных предложений лексически, чтобы употребление детерминанта в форме дательного падежа было доведено до автоматизма. Предполагаем, что нынешним учителям в период их обучения было предложено толкование этого грамматического явления как дательного субъекта и предложен его двусоставный аналог раньше, чем они научились правильно использовать базовую синтаксическую модель, то есть до формирования у них речевой компетенции.

Повторим, что в случае изучения таких разносистемных, разноструктурных языков, как русский и монгольский, изучаемую грамматическую модель вводят лексически, как единый грамматический комплекс, поясняя, в каких ситуациях это грамматическое явление употребляется. А в дальнейшем учащиеся сами сумеют сделать вывод о глубине лексического и семантического объема данной синтаксической модели.

Приведенные выше примеры с грамматическими искажениями еще раз говорят об актуальности знания морфологических различий сопоставляемых языков и их учета в определении зон интерференции, с тем чтобы при планировании работы уделять структурам, подвергающимся отрицательному взаимовлиянию, особое внимание.

Рассмотрим еще несколько предикативных структур, которые сложны для монголов, изучающих русский язык. Это модели: 1) «Дат. п. имени – количественно-именное сочетание / $N_3 N_1$ » (Мне / брату 17 лет) и 2) «Род. п. имени с предлогом У – имен. п. сущ. / $У N_2 N_1$ » (У нее / у сестры (есть) дочь).

Как уже упоминалось, в монгольском языке предикативная структура всегда двусоставна (без сказуемого предложение не оформляется), поэтому и названные синтаксические модели – аналоги русских номинативных предложений с детерминантами – тоже двусоставны. Этим и объясняются грубые грамматические нарушения: *Этот раз она 40 лет, то есть у нее было 40 лет* [Бойко, 2017, с. 102].

В монгольском языке первой модели соответствует двусоставное предложение, расширенная структурная схема которого имеет такой вид: «Существительное / местоимение в именительном падеже – числительное / количественно-именное сочетание – глагол» (досл.: *Я 17 лет есть*).

Тем не менее знание русской речевой модели необходимо уже на начальном этапе обучения: в 7-м классе (1-я четверть) при изучении темы «Семья. Сколько тебе лет?» [Русский язык VII, 2017]. От учащихся требуется умение употреблять личные местоимения в форме дательного падежа. Рекомендуем сразу же добавить в эту модель названия родственников в форме дательного падежа (брату, отцу, папе, маме, сестре, бабушке, дедушке), а затем личные имена русских (Ивану, Петру, Ольге, Наталье, Ване, Наташе...). Позднее, по мере изучения лексических тем, вносим в список, заполняя «Синтаксический словарь», названия животных (баран, верблюд, конь, собака, овца и др.), городских/деревенских объектов (городу, дворцу, дому, театру, памятнику, деревне, улице и др.). Далее можно распространять детерминанты согласованными определениями (*моему брату, старшей сестре...*). Иными словами, в рекомендованном «Синтаксическом словаре» синтаксическая модель « $N_3 N_1$ » может быть представлена в таком лексическом воплощении.

Форма дательного падежа	Количественно-именное сочетание
1) <i>мне/я, тебе/ты, ему/он, ей/она, им/они</i> (личные местоимения);	1) <i>1–100–1000</i> (количественные);
2) <i>Брату/брат, сестре/сестра, маме/мама, папе/папа...</i>	2) <i>тысяча, миллион</i> (сущ.) ЛЕТ;
(одушевленные сущ., названия родственников);	3) <i>много, мало</i> ЛЕТ (неопределенно-количественные слова)
3) <i>Петру (Петр) / Пете (Петя), Татьяне (Татьяна) / Тане (Таня); Иванову (Иванов); Ивановой (Иванова), Надежде Алексеевне (Надежда Алексеевна), Юрию Сергеевичу (Юрий Сергеевич), Кузнецову Ивану Петровичу (Кузнецов Иван Петрович), Симоновой Наталье Владимировне (Симонова Наталья Владимировна)...</i>	
(личные имена);	

- 4) *мальчику/мальчик, девочке/девочка, дедушке/дедушка...* (одушевленные сущ.);
 5) *верблюду/верблюд, коню/конь, барану/баран, овце/овца, собаке/собака, лошади/лошадь, птице/птица...* (сущ., названия животных, птиц);
 6) *дворцу/дворец, дому/дом, заводу/завод, театру/театр, городу/город, стране/страна, площади/площадь, зданию/здание* (неодушевленные сущ., названия городских объектов);
 7) *моему папе (мой папа), моей старшей сестре (моя старшая сестра)...* (распространение определениями).

Постоянная планомерная работа приводит к закреплению данной структурной схемы в речи учащихся. Сложнее обстоит дело с моделью «У N₂ N₁» (например: *У него ангина*), во-первых, потому, что субъектный детерминант в монгольском языке, как и в предыдущей структурной схеме, предстает в форме именительного падежа, и во-вторых, потому, что главный член русского предикативного построения передается разными формами – дательного-местного или совместно-падежей [Цэдэндамба, 1978, с. 18]. Приблизительный перевод может быть таким: *Он ангина есть; Он с ангиной есть*. Следовательно, и при введении в активную речевую практику этой структурной схемы следует неустанно повторять данную модель, пополняя новыми лексемами (одушевленными существительными – названиями родственников, людей, животных, птиц, личными именами; неодушевленными существительными – названиями объектов и др.).

Названной модели еще и потому следует уделять особое внимание, что детерминант «У N₂» частотен и в других односоставных (безличных) и двусоставных построениях типа: *У брата нет дачи; У меня болит голова; У сестры есть машина*. Монгольский эквивалент таких предложений в переводе на русский всегда двусоставный: *Брат дача нет; Я, который голова болит; Сестра машина есть*.

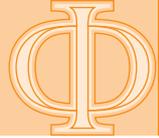
Выводы. В предлагаемой статье мы остановились только на некоторых, на наш взгляд, самых сложных для монголов грамматических явлениях, вызванных интерференцией и легко прогнозируемых при системном учете морфологических различий сопоставляемых языков. Зоны интерференции распространяются, во-первых, на структурное несовпадение русских односоставных предложений с их монгольскими эквивалентами и, во-вторых, на синтаксические модели с детерминантами вообще и с субъектно-объектными в частности. Знание этого позволит учителю при планировании работы уделять больше времени данным структурам, последовательной непрекращающейся работе с ними, что в результате поможет формированию лингвистической, речевой и коммуникативной компетенций.

Библиографический список

1. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного. М.: Рус. яз. Курсы, 2004. 256 с.
2. Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., 1964. 279 с.
3. Бойко И.В. Русский язык в современной монгольской школе // Русский язык за рубежом. 2017. № 2. С. 100–105.
4. Галсан С. Сопоставительная грамматика русского и монгольского языков (Фонетика и морфология). Улан-Батор, 1975. Ч. 1. 320 с.
5. Русский язык VII / П. Тунгалаг, И. Мяндал, Р. Бямбадулам и др. Улан-Батор, 2017. 136 с.
6. Русский язык VIII / П. Тунгалаг, Р. Бямбадулам, М. Осохбаяр и др. Улан-Батор, 2016. 168 с.
7. Русский язык IX / П. Тунгалаг, И. Мяндал, О. Туул. Улан-Батор, 2015. 168 с.
8. Санжеев Г.Д. Синтаксис бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1940. 146 с.
9. Цэдэндамба Ц. Очерки по сопоставительной грамматике русского и монгольского языков. Улан-Батор, 1974. 136 с.
10. Цэдэндамба Ц. Сопоставительный синтаксис русского и монгольского языков. Улан-Батор, 1978. 133 с.

Сведения об авторе

Бойко Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и методики педагогического института, Иркутский государственный университет; ORCID: <https://orcid.org/>; e-mail: iv.boj@mail.ru

DOI: <https://DOI.ORG/10.25146/2587-7844-2021-16-4-89>

CONSIDERATION OF MORPHOLOGICAL DIFFERENCES IN TEACHING RUSSIAN GRAMMAR TO MONGOLIANS

I.V. Boyko (Irkutsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Russian and Mongolian languages are unrelated, multi-structured, differing from each other in all linguistic aspects, first of all, in grammar. However, unfortunately, their systemic comparative description is still lacking. Besides, the Russian language which used to be compulsory for study as a foreign language in all educational institutions nowadays is studied only in the 7th-9th grades of comprehensive schools. All this negatively affects the Russian language teachers training, many of whom have linguistic and speech competencies insufficiently formed; therefore, in our opinion, the approach to teaching Russian grammar in the Mongolian audience should be improved.

The purpose of the article is as follows: on the basis of the comparative characteristics of verbs, nouns and prepositions, to predict the most acute zones of interference in the construction of syntactic structures and to help avoid negative mutual influence.

As a result, the main areas of interference are determined. This is, firstly, the structural mismatch of Russian one-piece sentences with their Mongolian equivalents and, secondly, syntactic models with determinants in general and with subject-object ones, in particular. Knowing this will allow the teacher, when planning, to devote more time to these structures, consistent continuous work with them, which ultimately will help the formation of linguistic and speech competence.

Keywords: *morphological categories, comparative description of languages, speech pattern, syntactic model, subject determinant, subject-object determinant, linguistic, speech and communicative competence.*

References

1. Akishina A.A., Kagan O.E. Uchimsya uchit'. Learning to teach. For a teacher of Russian as a foreign language. M.: Rus. Yaz. Kursy, 2004. 256 p.
2. Bertagaev T.A. The syntax of the modern Mongolian language in comparative coverage. Simple sentence. M., 1964. 279 p.
3. Bojko I.V. The Russian language in the modern Mongolian school // [The Russian language abroad]. 2017. No. 2. 279 p.
4. Galsan S. Comparative grammar of the Russian and Mongolian languages (Phonetics and Morphology). Ulan-Bator, 1975. P. 1. 320 p.
5. The Russian language VII / P. Tungalag, I. Myandas, R. Byambadulam et al. Ulan-Bator, 2017. 136 p.
6. The Russian language VIII / P. Tungalag, R. Byambadulam, M. Osohbayar et al. Ulan-Bator, 2016. 168 p.
7. The Russian language IX / P. Tungalag, I. Myandas, O. Tuul. Ulan-Bator, 2015. 168 p.
8. Sanzheev G.D. The syntax of the Buryat-Mongolian language. Ulan-Udeh, 1940. 194 p.
9. Cehdehdamba C. Essays on the comparative grammar of the Russian and Mongolian languages. Ulan-Bator, 1978. 136 p.
10. Cehdehdamba C. Comparative syntax of Russian and Mongolian languages. Ulan-Bator, 1978. 133 p.

About the author

Boyko Irina Vladimirovna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Philology and Methodology, Pedagogical Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia); ORCID <https://orcid.org/>; e-mail: iv.boj@mail.ru

DOI: <https://DOI.ORG/10.25146/2587-7844-2021-16-4-90>

УДК 81'44

ОБЗОР НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ИЗДАНИЙ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Важнейшее место в школьной программе должно принадлежать преподаванию русского языка. Это объясняется и его конституционно закрепленным статусом, и культурно-исторической ролью, и функцией средства межнационального общения, и тем, что русский язык является родным для большинства населения РФ. Учет объективных реалий ориентирует на подготовку квалифицированных учителей-предметников (а не почти беспомощных в лингводидактическом отношении выпускников, избыточно нагруженных информацией психолого-педагогического цикла).

Несомненно, что при обучении в вузе будущих русистов-словесников используются прежде всего официально утвержденные учебники и учебные пособия, иногда дополняемые также результатами собственных изысканий преподавателей. Однако по мере накопления педагогического багажа становится понятным: ограничиваться лишь кругом хорошо апробированной специальной литературы явно недостаточно, поскольку и в жизни общества, и в живом речевом обороте постоянно происходят изменения и возникают все новые феномены. Не будучи отмеченными ранее, они нередко упускаются из поля зрения некоторыми преподавателями, но могут быть хорошо известными студентам. Такой дисбаланс недопустим.

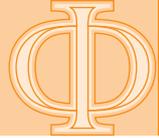
Цель статьи – анализ текстов научно-популярных источников в отношении возможностей использования изданий указанного жанра в практике преподавания лингвистических дисциплин.

Результаты анализа. Значительным подспорьем в практике преподавания способны стать научно-популярные издания, и в первую очередь те, которые написаны подлинно выдающимися исследователями. В данной статье рассматривается ряд научно-популярных книг, посвященных русскому языку. При оценке их достоинств либо недостатков (то есть степени полезности применения в учебном процессе) автор исходит из своего научно-педагогического опыта.

Заключение. Высокоинформативный материал по ряду неизменно актуальных лингвистических направлений: этимология, этнонимия, ономастика, историческая лексикология, языковая политика, – содержат научно-популярные труды О.Н. Трубачёва, В.В. Колесова, Б.Ю. Нормана, Ю.М. Полякова и других авторов.

Ключевые слова: русский язык, преподавание, воспитание, учебная литература, совершенствование подготовки учителей, научно-популярные издания.

Постановка проблемы. Исторически недавно образование (притом бесплатное) на разных его ступенях рассматривалось государством не как «услуга», но как одна из важнейших областей деятельности. Конечно, можно сказать, вторя некоторым малообъективным ангажированным авторам, что в советское время оно было идеологизированным. Однако, во-первых, такой воспитательный компонент был вполне оправданным, ибо из подрастающего поколения

готовили активных и сознательных граждан социалистического общества; во-вторых, привитие коллективизма вовсе не исключало усвоения научных знаний; в-третьих, современный четвертьвековой опыт свидетельствует, что пресловутая «деидеологизация», подававшаяся наивной аудитории как панацея, в действительности обернулась «соросовизированной» пропагандой чужекультурных ценностей, примитивизацией учебного процесса, падением уровня подготовки учащихся и многими другими разрушительными для страны последствиями.

Особое место в российской школьной программе должно принадлежать русскому языку, который в РФ является и конституционно государственным, и высокоэффективным средством межнационального общения, и родным для большинства населения страны, обеспечивающим с его помощью остро необходимое во всех аспектах поддержание своей исконной ментальности (официально формулируемой как «идентичность», которая к тому же выдается за фантастическую «российскую»)¹.

Естественно, что для полноценного преподавания русского языка необходимы хорошо подготовленные учителя-предметники, обладающие должным запасом специальных знаний и умеющие грамотно применять их на практике. Последнее обстоятельство вовсе не делает насущно необходимым недальновидное вытеснение с филологических факультетов лингвистических дисциплин за счет массивного насаждения избыточных курсов психолого-педагогического цикла, что ведет к формированию универсальных дилетантов-недоучек (приблизительно то же самое в оптимизированной медицине – заведомо опасные для пациентов «врачи общей практики»).

Следует заметить: в своем выступлении на заседании Совета по русскому языку 5 ноября 2019 г. В.В. Путин говорил как о требующем особого внимания «повышении качества подготовки п р о ф и л ь н ы х педагогов образовательных организаций всех уровней» [Заседание Совета по русскому языку]. По-видимому, это пожелание отразилось в формулировке одного из поручений президента правительству РФ от 01.03.20: «рассмотреть <...> вопрос об организации подготовки педагогических кадров по всем уровням высшего образования» [Перечень поручений...]; небезынтересна в этом тезисе, кроме заведомой диффузности задачи («рассмотреть вопрос»), подмена предполагаемых адресантов – вместо «образовательных организаций всех уровней» фигурируют «все уровни высшего образования».

Для повышения и разнообразия качества дидактического материала весьма полезно введение в его массив помимо сведений, содержащихся в рекомендуемых учебниках, монографиях и иных научных публикациях, также информации из научно-популярных изданий. Это хорошо известно многим опытным и высококвалифицированным преподавателям (впрочем, эти два признака не всегда совпадают). Некоторые научно-популярные книги по русистике рассматриваются в данной статье.

¹ Пресс-конференция В.В. Путина. 17.12.20.

Цель статьи – анализ текстов научно-популярных источников в отношении возможностей использования изданий указанного жанра в практике преподавания лингвистических дисциплин на основании научно-педагогического опыта автора настоящей публикации.

Прежде чем перейти собственно к анализу текстов научно-популярных книг (либо таких, которые могут привлекаться в подобном качестве), целесообразно сделать некоторые предварительные замечания пояснительного характера.

В ходе преподавания специальных лингвистических дисциплин в качестве дополнительного препятствия приходится учитывать и преодолевать отношение многих учащихся к русскому языку как ущербному и третьесортному. Этот печальный для России стереотип сложился в последние 25–30 лет целенаправленными усилиями российских же средств массовой информации (см. об этом, например: [Васильев, 2000, с. 77–82; 2003, с. 109–114; 2013а, б, с. 39; 2017, с. 38–48; и др.]). Парадоксально, но и государственные (в том числе) телеканалы культивируют у граждан неприязнь к государственному, а для многих – и родному языку.

Обзор научной литературы. Конечно, к лингвистике непосредственно не относятся дифирамбические либо пейоративные характеристики тех или иных национальных языков, порождаемые в каждом конкретном случае определенными причинами (например, сатирой на шовинизм² или попыткой «объяснить» высоко-родному адресату значимость грандиозного научного труда³). В сугубо научном аспекте невысока ценность известных эмоциональных оценок, вроде: «...Люблю свой русской природной язык»⁴ – хотя справедливо мнение выдающегося ученого и педагога: «Слушатели педтехникумов будут прежде всего учителями русского языка, а потому должны любить и хорошо знать его»⁵, с примечанием: «Пусть читатель не смущается этим сантиментальным словом: заниматься с успехом все же можно только тем, что любишь»⁶. Вообще же любые попытки поисков сравнительных достоинств или недостатков национальных языков могут – в лучшем случае – дать некоторое представление о своеобразии каждого из них, но не повод для «сантиментов», то есть восторга и благоговения, либо, напротив, для презрения и уничижения (см. подробнее [Васильев, 2017, с. 37–48]).

С другой стороны, статус национального языка – в том числе и в глазах членов соответствующего этносоциума – должен быть несомненно высоким в иерархии его основных ценностей. Ср.: «Язык – не только орудие познавательной и мыслительной силы человека, но самая эта сила...»⁷ – и: «Язык – единственная сила, которая

² Свифт Дж. Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей. М., 1989. С. 54.

³ Ломоносов М.В. Российская грамматика (фрагмент) // Ломоносов М.В. Избранная проза. М., 1980. С. 392–393.

⁴ Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие сочинения. Иркутск, 1978, с. 78.

⁵ Щерба Л.В. Безграмотность и ее причины // Избранные труды по русскому языку. М., 1957. С. 61.

⁶ Там же.

⁷ Срезневский И.И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте // Срезневский И.И. Русское слово. М., 1986. С. 140.

еще осталась у нас как возможность развития культуры» [Колесов, 1999, с. 226]. Необходимо ясное и точное понимание этих постулатов, причем, конечно, не только преподавателями и учащимися: пренебрежение собственным языком ведет к самоуничтожению и обессиливанию этноса, а потеря им чувства собственного достоинства – к моральному поражению, обычно предшествующему падению страны.

Вдумчивые и добросовестные русисты неоднократно обращались к этой проблематике. Например, Н.К. Фролов считал русский язык «духовным коммуникативным орудием русской нации» [Фролов, 2005, с. 480], а по мнению А.С. Герда, «язык снова выступает как знак, как символ и как знамя борьбы за спасение своего народа, своей культуры» [Герд, 2009, с. 2]. Следует сказать, что, по крайней мере, в оценочной тональности, избираемой тем или иным автором в отношении русского языка, нередко проявляются отнюдь не лингвистические симпатии или антипатии. Не повторяя сказанного выше, строго научно надо воспринимать любой национальный язык как некую (притом, конечно, чрезвычайно важную) данность: он объективно «существует – и ни в зуб ногой»⁸. Однако диапазон индивидуального (а зачастую и группового) оценивания, например русского языка, довольно широк, что определяется разными исходными позициями его наблюдателей (вместе с тем подчас и носителей).

Довольно просто объясняются оценки, даваемые иноземцами: для них, как просвещенных европейцев, это варварский язык страны временного пребывания («Смеясь, он дерзко презирал Земли чужой язык и нравы»⁹). Даже укоренившись в ней, они могут в сути своей и не меняться, ибо «для них все равно: бегать ли им под орлом французским или русским языком позорить все русское – были бы только сыты»¹⁰. Несколько сложнее комплекс причин, определяющих настроения других речедееателей. Например, это те, кого еще в 1995 г. называли – как и благоволящих иноземцам в Древней Руси – «гостомыслами» (они «мыслили гостям»): «Люди, определяющие сегодня судьбу страны, не только зачастую „мыслят гостям”, но и мыслят как гости» [Поляков, 2005, с. 152]. Понятно, что подобные им занимают свои насиженные ниши со смутных ельцинских времен не только в коридорах власти, но и в СМИ, и в научных школах, где явно обнаруживаются «национальные предпочтения» [Колесов, 1999, с. 111]. При этом т.н. «русскоговорящие» «и любят Россию»¹¹, и зарабатывают здесь, но сердце и все приоритеты в другом месте» [Есин, 2002, с. 152]; сюда могут примешиваться и национально-ментальные черты¹². На них почти неизбежно накладывается отпечаток первоначального базового образования; немало сегодняшних, да и уже ушедших

⁸ Маяковский В.В. Юбилейное // Маяковский В.В. Избранное. М., 1979. С. 350.

⁹ Лермонтов М.Ю. Смерть Поэта // Лермонтов М.Ю. Соч.: в 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 297–299.

Пушкин А.С. Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 171.

¹¹ Возможно, «странною любовью» – впрочем, своеобразие чувств поэта, по-видимому, имело совсем особые корни.

¹² «Библейцы <...> как бы боятся показать свою житейскую технологию, обнажить свою душу. А может быть, и сами понимают свой душевный изъян».

русистов (точнее – русисток) в юности прилежно изучали вовсе не русский, а иностранные языки. В овладении ими, конечно же, можно усмотреть значительную пользу для индивидуума, но их влияние на сознание речедателя может привести и к вряд ли желательным последствиям. Стоит учитывать, что на факультетах и в институтах иностранных языков учились в основном дочери компартийно-советско-хозяйственной номенклатуры, а для большинства их советских современниц иняз был «факультетом ненужных вещей». Помнится некая высокомерная отстраненность, с которой держались тогда обладательницы сакральных знаний. Неудивительно, что, защитив диссертации по русистике (или как-то связанные с ней тематически), новоиспеченные специалистки придерживаются тех же ценностных ориентиров, как и их зарубежные коллеги, «все земное мышление сводя <...> к категориям и формам английского языка» [Колесов, 2004, с. 15].

Результаты анализа. Прежде всего, следует назвать ряд исследований академика О.Н. Трубочёва. Собственно говоря, его научные труды в основном и были посвящены проблемам формирования и эволюций древнейшего общеславянского лексического фонда, самым естественным образом переплетавшимся с проблемами сложения и развития культур славянских народов, в частности русского. Что же касается научно-популярных публикаций подобной тематики, то импульсом к их появлению (сначала – в газетно-журнальной периодике) оказалась мутная русофобская волна, ставшая важнейшим компонентом перестроечно-реформаторской пропаганды, которая захлестнула немалую часть социума. О.Н. Трубочёв как ученый и патриот аргументированно отстаивал отечественные духовные ценности, используя убедительные и объективные историко-лингвистические данные. Академик справедливо полагал: «Было бы обидно, если бы книги писались специалистами для специалистов, то есть для самих себя...» [Трубочёв, 2004, с. 84]. Те изыскания, что сам он снисходительно называл «лингвистическими досугами» [Трубочёв, 2004, с. 201], вышли в свет будучи собранными под обложкой книги, затем переизданной с дополнениями [Трубочёв, 1992; 1997]). После безвременной кончины О.Н. Трубочёва сборники тематически связанных статей были вновь выпущены в расширенном составе заботами Г.А. Богатовой, разделявшей его научные и гражданские позиции [Трубочёв, 2004; 2005]. Горячо выступая против «игр в слова, замешенных на дурной политике» [Трубочёв, 2004, с. 72], выдающийся исследователь обоснованно утверждал: «...Ни одна подлинно великая страна не кончается там, где кончается ее территория <...>. Значительно дольше простирается влияние культуры великой страны, и это влияние идет практически всегда через ее язык <...>» [Трубочёв, 2004, с. 7].

Еще большей активностью характеризуется творчество в научно-популярной сфере выдающегося русиста В.В. Колесова. Конечно, применительно к его трудам в определении «научно-популярный» акцент следует делать именно на первой части этой дефиниции. Ведь именно на солидном лингвистическом фундаменте, сложившемся во многом из результатов собственных изысканий, строятся

наблюдения и выводы, интереснейшие действительно для широкого круга читателей, а для специалистов постоянно служащие источниками новых идей и разработок эмпирического материала. Популяризаторским книгам В.В. Колесова присущи строгая логичность и обилие ярких примеров, иллюстрирующих историческую непрерывность эволюций русского языка от глубокой древности до наших дней. Столь же неотъемлемой чертой является постоянное внимание к непреложным лингвистическим постулатам о социальной природе языка и его постоянной взаимосвязи с мышлением. Сказанное относится к публикациям на самые разные темы: об истории русского языка [Колесов, 1988; 2007], об актуальных проблемах культуры речи [Колесов, 1988] и их общественной значимости [Колесов, 1998], о непреходящей ценности действительных научных достижений и кардинальных задачах лингвистики [Колесов, 1999] и многом другом, столь же насущном. Совершенно справедливо, в частности, что «язык – не только средство коммуникации, язык – основание мысли» [Колесов, 1999, с. 144].

Особое место принадлежит книге, посвященной исследованию отечественной ментальности в категориях русского языка, ибо «и язык, и ментальность пропитаны <той> неуловимо таинственной силой духовной и умственной жизни человека» [Колесов, 2004, с. 7]. Ментальность же – «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов, 2004, с. 15].

Книга Б.Ю. Нормана «Язык: знакомый незнакомец» [Норман, 1987] относительно невелика по объему, однако текст ее весьма насыщен интересными лингвистическими сведениями, поданными преимущественно в форме, довольно доступной для восприятия неспециалистами, к тому же снабженными иллюстративными примерами. Ведь, «изучая язык, филолог имеет дело с речью: другого объекта наблюдения ему не дано» [Норман, 1987, с. 34]. Конечно, здесь проявляется значительный преподавательский опыт автора, среди задач которого – освещение аспектов языка, редко попадающих в поле внимания популяризаторов, однако позволяющее яснее увидеть его устройство [Там же, с. 3]. При этом Б.Ю. Норман нередко полемизирует с известнейшими авторитетами, поощряя тем самым потенциального читателя к самостоятельному критичному мышлению [Там же, с. 5–23 и др.]. Одно из принципиально важных лингводидактических положений: для филолога недостаточно регистрировать ошибку в речи, но ее надо еще объяснить, рассматривая такой факт (и, конечно, подобные ему) как объект исследования [Там же, с. 60–70]. В книге приводится немало и других лингвистически фундаментальных установок: о роли языка в мышлении и сложении образа мира [Там же, с. 30–31], безусловно универсальном характере языка [Там же, с. 106 и др.], о социальной стратификации речи [Там же, с. 112–114 и др.] и значимости фатической функции [Там же, с. 124–126] и мн. др. Почти самостоятельную ценность имеет «Этимологический словарь» [Там же, с. 207–221] – не только как одно из воплощений игр со словами, но и как демонстрация широчайших

возможностей русского словообразования, допускающего реализацию потенциальных слов, и как свидетельство связи лексики с внеязыковой действительностью¹³. Отчасти это еще и пародия на квазиэтимологические экскурсы.

Вместе с тем некоторые формулировки Б.Ю. Нормана представляются несколько спорными. Например, о том, что «история может быть обращена в перспективу» [Норман, 1987, с. 10] (см. [Васильев, 2017, с. 108–120]), или о возможности абсолютно точного двуязычного перевода [Норман, 1987, с. 102–104] (см. также [Васильев, 2020, с. 117–121]), или об интерпретации известных пушкинских строк [Норман, 1987, с. 72] (см. [Васильев, 2013б, с. 175–184]) и др. Впрочем, и сам автор предупредил аудиторию (чрезвычайно многочисленную, судя по тиражу издания, 43 тыс. экземпляров! Трудно представить себе аналогичный размах для научно-популярной книги в послесоветские времена) о спорности некоторых его идей.

Ю.М. Поляков хорошо известен не только как разнообразно талантливый писатель – прозаик и драматург, один из немногих, кого в современной отечественной литературе можно обоснованно считать Мастером. Благодарного внимания читателей заслуживают и его острые и аргументированные публицистические выступления, в которых (в несколько иной форме, нежели в беллетристике) высказываются те же справедливые суждения относительно глубоко взаимосвязанных феноменов: литературы, культуры, общественной жизни, государственной политики и проч.

В новой книге Ю.М. Полякова, где собраны его статьи и эссе разных лет [Поляков, 2019], автор, среди других актуальных проблем, обращается, в частности, и к вопросам, входящим в компетенцию языкознания, но, как и многие подобные, не являющиеся узколингвистическими.

Например, такова проблема автоэтнонима, который в РФ настойчиво вытесняют этатонимом (см. об этом также [Васильев, 2013а, с. 359–446; 2019, с. 218–295; Васильев, Васильева, 2020]). Конечно же, «русский тот, кто считает себя русским, не россиянином, а именно русским» [Поляков, 2019, с. 21], и в сегодняшней ситуации – с учетом печального украинского опыта – «если ты боишься или стесняешься вслух назвать себя русским, ты почти уже перестал быть им» [Там же, с. 70], то есть, по существу, утратил право принадлежать к государствообразующему народу [Там же, с. 25], который, в свою очередь, теряет этот исторический статус, а Россия автоматически исчезает. На достижение того же результата нацелены и операции, будто бы способные материализовать фантомного гомункула – *российский народ* [Поляков, 2019, с. 111, 488] – ср.: [Васильев, 2013а, с. 356–358; 2019, с. 214–217].

¹³ Любопытно отметить, что, несмотря на обнародованную недавно информацию о будто бы увеличивающемся в России числе женщин, профессионально занятых вождением железнодорожных поездов, соответствующего феминитивного существительного, кажется, пока не возникло – ср.: «Слово машинист не имеет женской „пары” в силу половой ограниченности данной профессии» [Норман, 1987, с. 204].

Ю.М. Поляков уделяет значительное внимание вопросам микротопонимии, делая это на многих московских примерах [Поляков, 2019, с. 238–254], лишь концентрированно воплощающих обстановку, общую для страны в целом (см. [Васильев, 2020, с. 167–173]), в которой доминирует «историко-топонимический абсурд» [Поляков, с. 252], исключающий этническую самоидентификацию русских.

Кроме того, абсолютно верны оценки уровня владения русским языком труженников СМИ [Поляков, 2019, с. 125]¹⁴, чему никак не могут помочь «тотальные диктанты» (с. 132), названные вполне по-геббельсовски (ср.: *das Total Krieg*) (см. об этом также [Васильев, 2000, с. 6–14; 2003, с. 27–33; 2017, с. 47–48]). Однако представляется, что косноязычие и скудоумие, например, штатных телеречедеевателей, которым «мускулы, ворочающие языком, давно и окончательно заменили мозги» [Поляков, 2019, с. 25], вовсе не обязательное следствие кадрового голода в соответствующих компаниях. Судя по титрам, за выход передачи в эфир отвечают также ее редакторы – значит, они в культурно-речевом и интеллектуальном отношении равновелики дикторам и ведущим. Но и редакторы подвластны режиссерам и продюсерам, которые, в свою очередь, наверняка подчинены не только собственным этическим и эстетическим ориентирам. Получается, что преимущественно уродливый и лживый телевизионный дискурс – продукт неких групповых интересов, обслуживаемых для обеспечения незыблемости сегодняшнего положения вещей.

Кажется, должно бы заслуживать внимания властей предложение «создать полномочный экспертный центр, где профессионалы: лингвисты, историки, писатели, журналисты, правоведа давали бы заключение: стоит ли то или иное словесное новшество допускать в нашу языковую Вселенную, подбирали бы неологизмы на основе русских корнесловий. <...> Тогда к нам проникала бы лишь та иноязычная лексика, которая языку необходима» [Поляков, 2019, с. 126].

Кроме того, нельзя утверждать безоговорочно, что все «мы еще не понимаем опасность агрессивного „чужесловия“» [Там же]: некоторые лингвисты понимают это очень хорошо и пытаются объяснить другим носителям русского языка реальную угрозу трансформации их национальной ментальности, имеющую для страны разрушительные последствия. Но результативность усилий этих специалистов ничтожно мала по сравнению с речевым потоком СМИ.

Впрочем, и сам писатель, возможно, понимает тщетность обращений к властным «гражданам мира», для которых Россия – всего лишь «вахтовый поселок» [Там же, с. 12], а наиболее близкая идеология – социал-дарвинизм [Прилепин, 2009, с. 37]. Ведь несколько лет назад Ю.М. Поляков четко сформулировал: «Государству вообще ближе заботы миллиардеров из *Forbes*, нежели беды детей и стариков, качество жизни которых и определяет эффективность власти» [Поляков, 2010, с. 2].

¹⁴ Здесь не идет речь о качестве артикуляции. По этому поводу недавно довольно интригующе высказался профессор СПбГУ С.Н. Ильченко, заметив, что не каждый «произносит все 33 буквы русского алфавита» (Отражение. ОТР. 01.10.20). Интересно услышать произнесение этим ученым букв Ъ и Ь. Следует напомнить ему как доктору филологических наук: о функциональном различении звуков и букв говорят уже в начальной школе.

Можно заметить, что суждения неспециалистов о каких-то речевых процессах и их отдельных результатах не всегда сводятся к сугубо эмоциональным оценкам фактов, основанным на субъективно-вкусовых предпочтениях либо отторжениях. Хотя действительно важно, как нелингвисты, то есть люди, составляющие абсолютное большинство носителей языка, относятся к некоторым явлениям современной русской речи и из чего при этом исходят в своих суждениях, но наибольший интерес в таком аспекте представляют попытки систематизации повседневных наблюдений.

К удачным попыткам подобного рода несомненно принадлежит книга [Ильс, Янченко, 2007]. Авторы уже во вступлении предупреждают читателя, что их «наблюдения сделаны не с каких-то научных высот, а <...> с позиций простого человека – просто потребителя, носителя, пользователя» языка и «приглашают удивиться вместе с ними» [Ильс, Янченко, 2007, с. 5] некоторым феноменам сегодняшнего русского словоупотребления. Вроде бы разнородные и разрозненные, в действительности они подчиняются общим векторам.

К. Ильс и Е. Янченко, открыто заявляя субъективность своих оценок, в то же время исходят из объективных посылок. Это понимание неразрывного единства Слова и Дела [Ильс, Янченко, 2007, с. 19] и манипулятивной функции языка [Там же, с. 26 и др.]; необходимость учета этических категорий, причем с коррекцией на диффузность рубрик современной российской аксиологической шкалы. А она диффузна в том числе и с помощью вербально-пропагандистских операций как составной части информационно-психологической войны – достаточно вспомнить о насаждавшемся плюрализме, дезориентировавшем сознание социума. В результате «особая напасть объявилась – добрые слова и дела от дурных отличать не хотят! И всех к этому приучают. Дескать, никому не известно, что хорошо, что плохо. И не надо в этом разбираться, берите, что дают... За дурным словом и дурное дело пришло» [Там же, с. 20]. Справедливо замечено: «Многие абсурдные вещи появились от того, что мы пренебрегаем важными мелочами в нашей речи» [Там же, с. 98]. Авторы приводят немало иллюстраций неряшливого или, напротив, продуманно неверного использования слов, вследствие чего становятся – и стали – возможными алогизмы и подмены понятий, совершенно обоснованно возлагая ответственность за их тиражирование на российские средства массовой информации. Они, «уверенные в своей правоте, <...> уже долгое время учат нас всех говорить и думать так же. Плохо уже то, что неправду говорят. Это вранье <...>, так сказать, „системное“, то есть возникает оно само собой, вполне закономерно <...> из того уродливого „языка“, на котором тут излагают» [Там же, с. 141].

Значительное место в книге оправданно занимает анализ американско-английского языкового влияния, когда усиленно пропагандируется предпочтение чужого – своему, то есть, по существу, проводится инокультурная экспансия [Там же, с. 85, 190–193].

Заметное внимание авторы справедливо уделяют характеристике некоторых лексем, которые принадлежат к числу ключевых для российского официозно-

публичного дискурса. Среди них такие, как *национальный* и *проект*. По поводу первого (собственно, это семантическая калька с амер.-англ. *national* – см. об этом [Васильев, 2013а, с. 344]) верно замечено, что специфика его употребления логично вызывает вопрос: «А какая же у нас национальность?» [Ильс, Янченко, 2007, с. 198]. Подробный же анализ использования слова *проект* позволяет прийти к выводу: оно крайне необходимо в целях создания взаимозамены и подмены понятий «замысел» – «деятельность, осуществляющая этот замысел» – «результат деятельности»: «Идея здесь, возможно, в том, чтобы стереть грань между трудом и... его отсутствием. Стереть грань между полезной деятельностью и подделкой под нее. Надо бы все-таки попытаться узнать, что напроекировали» [Там же, с. 85, 207–208]. Действительно, «пустословие всем уже давно надоело» [Там же, с. 184]: ведь, например, в последние десятилетия провозглашалось немало реформ в масштабах государства, но о благополучном (то есть полезном для большинства населения, несущего податное бремя при не самых высоких доходах) результате той или иной реформы по каким-то весомым причинам не общается, то есть они имеют перманентный характер¹⁵.

Одно из главных достоинств книги – искренний патриотизм, а не его декларативные имитации. Именно поэтому авторы обоснованно задаются актуальнейшим вопросом: «На кого нас переучивают?» [Ильс, Янченко, 2007, с. 184].

Заключение. Подведем некоторые итоги. Приступая к обзору ряда научно-популярных книг, можно было бы классифицировать их определенным образом, группируя, например, по признаку адресации к четко ограниченному сегменту читательской аудитории, или по преимущественно охватываемой проблематике, или по насыщенности конкретным иллюстративным материалом, или, наконец, по степени профессионализма авторов. Оказалось, однако, что четкое следование подобным критериям вряд ли вполне рационально: перечисленные признаки проявляются неравномерно, к тому же вступая друг с другом в сложные отношения взаимных дополнений. Поэтому дифференцировать рассмотренные издания возможно с учетом основной тематики каждого из них и наиболее вероятной применимости в учебном процессе.

Произведения О.Н. Трубочёва содержат высокоинформативный материал по ряду неизменно актуальных лингвистических направлений: этимология, этнонимия, ономастика, историческая лексикология, языковая политика. Книги В.В. Колесова охватывают широкий тематический диапазон: от своеобразия фактов древнерусского словаря и объяснения лексико-семантических процессов прошлого –

¹⁵ Ср. разделенные десятилетиями суждения по поводу реформ применительно к условиям разных социально-политических систем: «Всемогущая власть здесь бессильна довести до конца и заранее задуманным способом даже маленькую реформочку <...>, если эта реформочка призвана повысить уровень организации общества, т.е. позитивна» (Зиновьев А.А. Зияющие высоты. М., 1990. Кн. 2. 316 с.) – и: «...Для удобства разграбления народного хозяйства в исполнительную систему специально вводится фактор неустойчивости, например, в виде ежегодных реформ» (Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М., 2003. 496 с.).

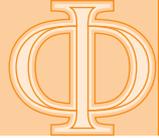
до убедительно обоснованных обобщений относительно роли родного языка в формировании национальной ментальности. Б.Ю. Норман отдает заметное предпочтение неизбежным парадоксам в системе языка, снабжая свои наблюдения остроумными иллюстрациями. В книге Ю.М. Полякова (по образованию – учителя русской словесности) приводится немало верных суждений писателя об автоэтнонимах, избыточных лексических заимствованиях, нерешенных топонимических вопросах. К. Ильс и В. Янченко, подчеркивающие свой дилетантизм в области лингвистики, тем не менее обладают хорошим пониманием социальной роли языка, что позволяет им делать точные наблюдения по поводу речевых манипуляций. Что же касается остальных вышеупомянутых авторов, то их явно поверхностные сочинения, несмотря на столичность творцов¹⁶, сродни игривым опусам местечковых скетчистов; возможно, сегодня это верный путь к коммерческому успеху.

В заключение напомним чеканную фразу великого русского историка и педагога: «Преподавание – одно из средств воспитания» [Ключевский, 1990, с. 303]. Применение в учебном процессе достойных научно-популярных книг позволяет значительно усовершенствовать передачу и усвоение специальных знаний и привлечь должное внимание студентов к исторической роли русского языка как языка государствообразующего народа.

Библиографический список

1. Будагов Р.А. Три книги о культуре речи // Будагов Р.А. Человек и его язык. М., 1974. С. 176–187.
2. Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций. Красноярск, 2020. Т. 1. 368 с.
3. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013а. 660 с.
4. Васильев А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены. М., 2013б. 342 с.
5. Васильев А.Д. Лингвокультурные процессы и возможности их прогнозирования. М., 2017. 264 с.
6. Васильев А.Д. Превращения слов. Современные лексико-семантические процессы. Красноярск, 2019. 316 с.
7. Васильев А.Д., Васильева С.П. Русский российский? Вопрос идентификации и самоидентификации // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2020. № 1 (51). С. 152–160.
8. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003. 224 с.
9. Васильев А.Д. Слово в телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск, 2000. 166 с.
10. Васильев А.Д., Васильева С.П. Элементы социальной маркированности в российском официальном дискурсе // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2019. № 3 (49). С. 185–195.
11. Герд А.С. Язык как символ // ЯЛИК. 2009. № 79. С. 1–2.
12. Есин С.Н. На рубеже веков. Дневник ректора. М., 2002. 638 с.
13. Заседание Совета по русскому языку. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986>

¹⁶Некоторые обыватели считают даже, что существует то ли характерная черта, то ли душевный недуг, объединяющий ряд научных деятелей, – «москвичизм».

14. Ильс К., Янченко Е. В начале слово. Заметки о наших удивительных словах. СПб., 2007. 230 с.
15. Ключевский В.О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 267–362.
16. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999. 368 с.
17. Колесов В.В. История русского языка в рассказах. СПб., 2007. 224 с.
18. Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. Л., 1988. 271 с.
19. Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998. 248 с.
20. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004. 240 с.
21. Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. 2-е изд. М., 2003. 216 с.
22. Норман Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987. 222 с.
23. Перечень поручений по итогам заседания Совета по русскому языку. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918>
24. Поляков Ю.М. Быть русским в России. М., 2019. 496 с.
25. Поляков Ю.М. Порнократия. М., 2005. 443 с.
26. Прилепин З. Действительно не понимаю // Terra Tartarara. Это касается лично меня. М., 2009. С. 29–37.
27. Трубачёв О.Н. В поисках единства. М., 1992. 186 с.
28. Трубачёв О.Н. В поисках единства. 2-е изд., доп. М., 1997. 284 с.
29. Трубачёв О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд. М., 2005. 352 с.
30. Трубачёв О.Н. Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового единства славян. М., 2004. 224 с.
31. Фролов Н.К. Русская речевая культура как объект духовной экологии // Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию: в 2 т. Тюмень, 2005. Т. 1. С. 476–484.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-16-4-90>

REVIEW OF POPULAR SCIENCE PUBLICATIONS FOR TEACHING LINGUISTIC DISCIPLINES

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The most important place in the school curriculum should belong to the teaching of the Russian language. This is explained by its constitutionally fixed status, cultural and historical role, and the function of a means of interethnic communication, and the fact that Russian is a native language for the majority of the population of the Russian Federation. Account of objective realities focuses on the training of qualified subject teachers (and not the graduates who are almost helpless in linguo-didactic terms, excessively loaded with information of the psychological and pedagogical cycle).

There is no doubt that when teaching future Russian linguists at the university, officially approved textbooks and textbooks are used first of all, sometimes supplemented also by the results of teachers' own research. However, with the growth of the pedagogical baggage, it becomes clear that it is not enough to limit oneself to a circle of well-tested specialized literature, since changes are constantly taking place in the life of society and in the living speech and new phenomena are emerging. Having been unchecked earlier, they are often overlooked by some teachers, but may be well known to students. Such an imbalance is unacceptable.

The purpose of the article is to analyze the texts of popular science sources regarding the possibilities of using publications of this genre in the practice of teaching linguistic disciplines.

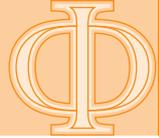
Research results. Popular scientific publications, especially those written by truly outstanding researchers, can become a significant help in teaching practice. This article discusses a number of popular science books devoted to the Russian language. When assessing their advantages or disadvantages (that is, the degree of usefulness of their application in the educational process), the author refers to his own scientific and pedagogical experience.

Conclusion. Highly informative material on a number of invariably relevant linguistic areas: etymology, ethnonymy, onomastics, historical lexicology, and language policy contains popular scientific works by O.N. Trubachev, V.V. Kolesov, B.Y. Norman, Y.M. Polyakov, and other authors.

Keywords: *Russian language, teaching, education, educational literature, improvement of teacher training, popular science publications.*

References

1. Budagov R.A. Three books on the culture of speech // Budagov R.A. Man and his language. M., 1974. P. 176–187.
2. Vasilyev A.D. Variable expressions of universal oppositions. Krasnoyarsk, 2020. Vol. 1. 368 p.
3. Vasilyev A.D. Word games. Manipulative operations in media texts. St. Petersburg, 2013a. 660 p.
4. Vasilyev A.D. Intertextuality: precedent phenomena. M., 2013b. 342 p.
5. Vasilyev A.D. Linguocultural processes and the possibilities of their prediction. M., 2017. 264 p.
6. Vasilyev A.D. Transformations of words. Modern lexical and semantic processes. Krasnoyarsk, 2019. 316 p.
7. Vasilyev A.D., Vasilyeva S.P. Russian Russian? The question of identification and self-identification // Bulletin of the KSPU named after V.P. Astafyev. 2020. No. 1 (51). P. 152–160.

8. Vasiliev A.D. The word in the Russian television. Essays on the latest word usage. M., 2003. 224 p.
9. Vasiliev A.D. The word on TV. Essays on the latest word usage in Russian television broadcasting. Krasnoyarsk, 2000. 166 p.
10. Vasiliev A.D., Vasilyeva S. P. Elements of social marking in the Russian official discourse // Bulletin of the KSPU named after V. P. Astafyev. 2019. No. 3 (49). P. 185–195.
11. Gerd A.S. Language as a symbol // SKIFF. 2009. No. 79. P. 1–2.
12. Esin S.N. At the turn of the century. Rector's diary. M., 2002. 638 p.
13. Meeting of the Russian Language Council. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986>
14. Ils K., Yanchenko E. At the beginning of the word. Notes about our amazing words. St. Petersburg, 2007. 230 p.
15. Klyuchevsky V.O. Diaries and diary entries // Klyuchevsky V.O. Op. In 9 t. M., 1990. Vol. 9. P. 267–362.
16. Kolesov V.V. "Life comes from the word ...". St. Petersburg, 1999. 368 p.
17. Kolesov V.V. The history of the Russian language in stories. St. Petersburg, 2007. 224 p.
18. Kolesov V.V. Culture of speech – culture of behavior. L., 1988. 271 p.
19. Kolesov V.V. Russian speech. Yesterday. Today. Tomorrow. St. Petersburg, 1998. 248 p.
20. Kolesov V.V. Language and mentality. St. Petersburg, 2004. 240 p.
21. Komlev N.G. Word in speech. Denotative aspects. 2nd ed. M., 2003. 216 p.
22. Norman B.Y. Language: a familiar stranger. Mn., 1987. 222 p.
23. List of instructions following the meeting of the Russian Language Council. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918>
24. Polyakov Yu.M. To be Russian in Russia. M., 2019. 496 p.
25. Polyakov Yu.M. Pornocracy. M., 2005. 443 p.
26. Prilepin Z. I really don't understand // Terra Tartarara. This concerns me personally. M., 2009. P. 29–37.
27. Trubachev O.N. In search of unity. M., 1992. 186 p.
28. Trubachev O.N. In search of unity. 2nd ed., supplement. M., 1997. 284 p.
29. Trubachev O.N. In search of unity. The philologist's view on the problem of the origins of Russia. 3rd ed. M., 2005. 352 p.
30. Trubachev O.N. Cherished word. Lexicographer's view on the problems of linguistic unity of the Slavs. M., 2004. 224 p.
31. Frolov N.K. Russian speech culture as an object of spiritual ecology // Frolov N.K. Selected works on linguistics. In 2 vols. Tyumen, 2005. Vol. 1. P. 476–484.

About the author

Vasilyev Alexander Dmitrievich – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-16-4-91>

УДК 81'42

РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ В РУССКОЯЗЫЧНОМ СЕГМЕНТЕ ИНТЕРНЕТА

К.В. Волчок (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Изучение механизмов речевого воздействия на адресата является важным вопросом лингвистических исследований современной политической коммуникации, которая протекает в условиях конфликтогенного общения между идеологическими противниками. Одним из полей информационного противоборства выступает российская военная история с ее ключевыми событиями и знаковыми личностями. В нашей работе с лингвистической точки зрения рассматривается речевая стратегия дискредитации отечественных военачальников. Анализируются негативно-оценочные средства языка, а также стилистические приемы, направленные на актуализацию отрицательной информации о них и оказание психологического воздействия на читателей. Исследование конфликтогенных текстов о российской военной истории позволяет описать особенности актуализации в них языковых единиц, способных привести к созданию конфликта, что может быть использовано при выработке мер по предупреждению возможной социальной напряженности.

Цель работы – выявление и лингвопрагматический анализ конфликтогенных текстов об отечественных военачальниках.

Методология (материалы и методы). Материалом исследования послужили конфликтогенные тексты об отечественных военачальниках, размещенные в русскоязычном сегменте Интернета.

Основные методы анализа: метод лингвопрагматического анализа, метод лингвостилистического анализа, метод контекстуального анализа.

Результаты исследования. В ходе работы выявляется ряд речевых тактик стратегии дискредитации: тактики демифологизации, осмеяния, приравнивания к последователям идеологии, основанной на насилии, и др. В качестве приемов выделяются диффамация и ирония как наиболее частотные. Отмечается преобладание лексики, имеющей негативно-оценочные коннотации.

Ключевые слова: *конфликтогенный текст, речевая стратегия дискредитации, речевые тактики, информационно-психологическая война, военная история, дегероизация, конфликтогенный военный интернет-дискурс, военачальники.*

Постановка проблемы. Одним из полей сегодняшней информационной конфронтации выступает историческое прошлое, оценочная интерпретация которого иногда «подменяет саму историческую событийность» [Чернявская, 2013, с. 90]. Нередко в фокусе информационной агрессии оказываются позитивные символы отечественной истории, среди которых полководцы, внесшие значительный вклад в дело защиты государства и являющие собой примеры и нравственные ориентиры для многих поколений наших соотечественников.

Посредством публикаций, включающих переоценку деятельности той или иной исторической личности, осуществляется девальвация подвига в сознании некоторых читателей. Дискредитация позитивных символов призвана подготовить почву для дальнейшего пересмотра итогов тех или иных событий, ослабления общности народа.

Многочисленные попытки дискредитации символов военной истории России отмечаются учеными, журналистами, общественными и политическими деятелями [Смирнов, 2011; Зиновьев, Зиновьева, 2016; Хусаинова, 2016]. Председатель Комиссии Общественной палаты России по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций Рифат Сабитов заявил, что «сегодня мы можем говорить об информационной войне, направленной на дискредитацию героических образов нашего прошлого и настоящего с целью уничтожения исторических скреп, символов, нравственных ориентиров, объединяющих нацию. Современные технологии позволяют моментально и фактически бесконтрольно вбрасывать любую информацию, которая может быть социально опасной и дестабилизирующей. Объектом манипулирования становится в первую очередь молодое поколение, активные пользователи социальных сетей и видеохостингов»¹. Анализ научной литературы и источников по теме исследования свидетельствует о необходимости защиты исторической памяти, а также обуславливает актуальность нашей работы.

Цель статьи – лингвопрагматический анализ конфликтогенных текстов об отечественных военачальниках, размещенных в русскоязычном сегменте Интернета.

Обзор научной литературы. Изучению конфликтогенных текстов в отношении отечественных военачальников посвящен ряд исследований, выполненных в рамках философского, лингвистического, исторического, социологического и других аспектов. В.В. Кафтан и А.Ю. Оборский рассматривают социальные технологии дегероизации сознания российского общества, среди которых они выделяют «подмену героического подвига, замалчивание и принижение героического поступка, компрометацию личности героя и извращение его образа» [Кафтан, Оборский, 2012, с. 17]. Историк В.Э. Багдасарян в статье «Великая Отечественная война в фокусе информационно-психологической войны против России» анализирует причины и факторные мотиваторы ревизии оценок и итогов Великой Отечественной войны. Автор отмечает, что удар наносится и по героям войны. Составляющие кампании дегероизации условно разделяются им на пять групп: отсутствие самого факта подвига, совершение подвига другим человеком, представление героев в качестве маргинализированных фигур, приравнивание подвига к преступлению и «замещение героев» [Багдасарян, 2015]. Коллективом авторов в работе «Технологии формирования образов. Демонтаж героических образов. Дегероизация как часть информационно-идеологической войны» с позиции социологии проводится анализ публикаций в Сети, включающих негативно-оценочную информацию о героях.

¹ Р. Сабитов. URL: <https://clck.ru/YFn5S> (дата обращения: 20.08.2021).

Выделяются распространенные мифы о знаковых личностях, исследуется активность российских и зарубежных авторов. Отмечаются факты изменения и политизации образа предателей [Технологии..., 2021]. В лингвистическом аспекте представленная тема изучена недостаточно. Опубликована работа Г.А. Копниной «Речевые приемы дискредитации Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в современных масс-медиа» [Копнина, 2019]. В ходе исследования на основе анализа дискредитирующих текстов о полководце выделяются приемы внедрения в сознание адресата лингвотоксина; приемы снятия утвердительной модальности; приемы лингвоперверсивного искажения образа. Отмечается, что «в совокупности эти приемы используются для создания и/или поддержания черного мифа о маршале Г.К. Жукове как о человеке жестоком, негениальном, тщеславном, развратном и склонном к наживе» [Там же, с. 95].

Материалом исследования послужили конфликтогенные публикации о российской военной истории различных жанров, размещенные на представленных ресурсах: 1) сайт русскоязычного информационно-развлекательного сообщества «Пикабу» – pikabu.ru; 2) сайт радиостанции «Эхо Москвы» – echo.msk.ru (контрольный пакет акций – «Газпром-Медиа»); 3) сайт газеты «Московский комсомолец» – mk.ru; 4) сайт журнала «Сноб» – snob.ru; 5) новостной сайт inosmi.ru (главный редактор – Алексей Дубосарский); 6) сайт российской социальной сети «ВКонтакте» – vk.com; 7) интернет-ресурс lurkmore.to (Луркоморье); 8) сайт blogspot.com; 9) сайт социальной сети «Twitter» – Twitter.com; 10) блог-платформа для ведения онлайн-дневников «Живой Журнал» – livejournal.com; 11) сайт украинской интернет-газеты «Обозреватель» – obozrevatel.com. Анализируемые публикации на момент написания статьи находятся в открытом доступе. При цитировании сохранены орфография и пунктуация оригиналов. В ходе исследования было проанализировано 118 текстов.

Речевая стратегия дискредитации в анализируемых нами текстах выражена рядом тактик, которые могут иметь синкретичный характер.

В отношении князя Александра Невского довольно часто в Рунете применяется **тактика демифологизации**, заключающаяся в дискредитации созидательных мифов, при этом миф мы понимаем как «социально и/или личностно значимый идеализированный факт (событие, личность, социум, идеология и т.д.)» [Сковородников, Копнина, 2019, с. 50–51]. Следует отметить, что сохранилось недостаточное количество документов о деятельности Александра Невского для подробного анализа его биографии, что в некоторых случаях используется для вольной интерпретации действий князя и создания черных мифов о нем. А.Н. Нестеренко в своей работе частично разбирает ложные нарративы биографии Александра Невского [Нестеренко, 2016]. Полководец сегодня занимает важное место в исторической памяти народа, выражая символ боевой доблести, дипломатической мудрости и верности православной вере. Среди его наиболее известных битв – разгром шведского войска на Неве (1240) и рыцарей-тевтонов на Чудском озере – Ледовое побоище (1242). В память о его подвигах в России еще

в 1725 г. был учрежден орден Александра Невского (возрожден в 1942 г.). Патриарх Кирилл обратил внимание, что полководец «боролся не с Востоком или с Западом, не с конкретными врагами, он боролся за национальную идентичность, за национальное самопонимание... Александр Невский был создателем того многонационального и многоконфессионального „русского мира“, который существует по сей день»². Роль князя в истории страны и позитивное восприятие его имени населением обуславливают выбор полководца в качестве объекта информационно-психологической войны против нашей страны, а имеющиеся сведения о необходимости решения Александром Невским противоречивых дипломатических задач создают дополнительную почву для множества радикальных оценок результатов его деятельности со стороны журналистов и блогеров.

Обратимся к публикации с оксюморонным названием «Александр Невский – святой предатель»: <...> *Он (Невский. – К.В.), узнав, что его брат Андрей, правивший в Ростове, князь Даниил Галицкий и Ярослав Тверской решили выступить против Орды, сдал их всех с потрохами, включая родного брата. За что в награду стал князем Владимирским и получил огромное войско, при помощи которого залил Русь кровью и огнем. Не было числа угнанным в рабство людям, сожженным деревьям, городам и селам. О жестокости Александра боялись даже говорить, массовые казни и зверские пытки, вот чем он платил Руси за родство. Сажал людей на кол, выдирал людям глаза, отрезал носы. Воистину святой человек! <...> Политическая гибкость называется в простонародье, конечно, называется куда проще, проституцией. Александр Невский был яркой, неповторимой, монголо-татарской политической проституткой. Вот и подумайте, чего стоит страна, герой которой был не просто предателем и капитулянтом, а и власовцем, коллаборационистом, палачом, изувером, политической и как оказалось еще и религиозной проституткой...³*

В качестве приемов выступают диффамация – распространение порочащих сведений, нагнетание лексики, обладающей негативной коннотацией, создание отрицательного перцептивного образа. Чеславский использует в тексте иронию (*Воистину святой человек!*) и метафору (*залить кровью, сдать с потрохами*). Также встречается устойчивая инвективная характеристика – *политическая проститутка* (презрит.), которая применяется в отношении беспринципного и продажного политика [Ожегов, Шведова, 2008, с. 621]. По аналогии создано выражение *религиозная проститутка*, где прилагательным конкретизирована сфера общественной деятельности, в которой полководец оценивается резко негативно. С помощью негативно-оценочной лексики создается образ врага, преда-

² Патриарх Кирилл: жизнь и мировоззрение. Ответы митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на вопросы зрителей проекта «Имя Россия» об Александре Невском URL: https://ruskline.ru/special_opinion/2014/11/patriarh_kirill_ob_aleksandre_nevskom/ (дата обращения: 05.10.2021).

³ Олександр Чеславський. 06.02.2016. URL: <https://www.obozrevatel.com/blogs/40192-aleksandr-nevskij-svyatoj-predatel.htm> (дата обращения: 01.10.2021).

теля, чрезвычайно жесткого человека: *коллорационист* – «лицо, сотрудничавшее с фашистскими захватчиками в странах Западной Европы, оккупированных ими во время Второй мировой войны; изменник, предатель» [БТС]; *изувер* – «тот, кто проявляет крайнюю жестокость (первоначально из-за религиозной нетерпимости)» [Там же]; *палач* – «человек, который приводит в исполнение приговор о смертной казни, производит телесные наказания, пытки; мучитель, притеснитель» [Там же]. Частотное употребление лексем с отрицательными коннотациями, а также использование иронии позволяет повысить эмоциональную составляющую текста.

Довольно частотной является **тактика бездоказательных обвинений и оскорбления**. В представленном ниже примере она применяется по отношению к И. Сталину. Отметим, что он является достаточно противоречивой фигурой в истории нашей страны. Но при этом необходима комплексная оценка деятельности этого лидера Советского государства. Глава МИД РФ С. Лавров справедливо подчеркнул, что нападки на Сталина как на главного злодея, сваливание в одну кучу всего, что он сделал в довоенное время, во время, после войны, являются частью атаки на наше прошлое, на итоги Второй мировой войны⁴.

Приведем публикации Ю. Хованского – бывшего помощника депутата Государственной думы В. Власова (внесен в перечень террористов и экстремистов)⁵ в социальной сети «Twitter»: *...Сталин – самый тупой и бездарный полководец в истории России. <...> Вся стратегия Сталина – это череда про...бов и авантюр, которой можно было легко избежать⁶; Теперь я даже готов поверить в теорию заговора о том, что он был заодно с Гитлером и хотел... как можно больше советских людей. Потому что только в таком свете шизофренические поступки Сталина обретают хоть какой-то смысл⁷.*

Ю. Хованский уравнивает действия Гитлера и советского военачальника в отношении уничтожения населения СССР, усиливая публикацию негативно-оценочными эпитетами (*самый тупой, бездарный*) и морбиальной метафорой (*шизофренический поступок*). Читателю предлагается «ложная альтернатива», исходя из которой Сталин либо психически нездоровый авантюрист (авантюра – «рискованное и сомнительное дело, предпринятое в расчете на случайный успех, быструю выгоду» [БТС]), либо единомышленник Гитлера. В Интернете встречается ряд републикаций представленных постов Хованского, в результате чего происходит большой охват читателей и формируются тексты влияния.

В приведенном ниже фрагменте в отношении Г.К. Жукова применяется **тактика диффамации** – распространение порочащих сведений. Многие очерня-

⁴ URL: <https://tass.ru/obschestvo/12252695> (дата обращения: 10.09.2021).

⁵ URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act>

⁶ Юрий Хованский. 01.09.2019. URL: <https://twitter.com/russianstandup/status/1168253812320165889> (дата обращения: 05.09.2021).

⁷ Kras6. URL: https://pikabu.ru/story/bloger_khovanskiy_nazval_stalina_samyim_tupym_i_bezdarnym_polkovodtsem_6909353 (дата обращения: 05.09.2021).

ющие полководца «сведения» появились еще при его жизни. Часть из них получили опровержение в выступлениях и статьях Г.К. Жукова, его мемуарах «Воспоминания и размышления», которые были разрешены ЦК к публикации лишь спустя несколько лет после того, как Г.К. Жуков сдал рукопись в издательство. Книга издана в 1969 г. и переиздана более десяти раз, переведена на несколько иностранных языков. В наше время историческая оценка деятельности полководца подвергается ревизионизму. В июне 2018 г. директор Украинского института национальной памяти Владимир Вятрович предложил демонтировать все памятники и доски в честь Г.К. Жукова и переименовать топонимические объекты, названные в его честь⁸. В русскоязычном сегменте Интернета активно публикуются дискредитирующие военачальника тексты. Существуют труды, посвященные борьбе с диффамацией в отношении полководца, например книга фронтовика В.С. Бушина «Маршал Жуков. Против потока клеветы» [Бушин, 2015]. Итак, обратимся к примеру, в котором представлена речевая тактика диффамации: *Выглядело это довольно однообразно: приезжает Жуков, на счастье расстреливает какого-нибудь старшего/высшего офицера и приказывает наступать. Дожидаются первых результатов наступления, с горя расстреливает какого-нибудь старшего/высшего офицера, приказывает продолжать и уезжает дальше. Результаты же существенно различались в зависимости от текущего года. <...> В 41-м и так истерически мечущийся фронт дезорганизовывался окончательно и разваливался, какого-нибудь Павлова волокни в биореактор, а сам сабж (о Г.К. Жукове. – К.В.) к этому времени давно уже командовал в другом месте. Наконец под Ельней удалось не только наступать, но и наступить; с тех пор считается, что, «где Жуков – там победа». Закончилось это окружением, но Жуков уже наступал под Ленинградом. Далее Г.К. решил, что хватит распыляться и специализировался на Ржевско-каких-нибудь наступательных операциях и склепал их штуки 4 (ЧСХ, пятая уже без Г.К. была успешной). Целью их было повышение ЧСВ командующего 9-й фашистской армией Моделя, который по результатам 256 долбежек об оборону заметно лидировал по фрагам. В общем, история типа «и я три раза врезал своей челюстью по его кулаку»⁹.*

В качестве приема используются антитеза (*расстреливал «на счастье» и «с горя»*). Применяется языковая игра, основанная на фонетическом подобии (*наступать, наступить*); обыгрываются графика и орфография слов (*Ржевско-каких-нибудь наступательных операциях*). В ироническом ключе используется устойчивое выражение *где Жуков – там победа*. Также в текст включен канцеляризм (*Результаты в зависимости от текущего года*), создается смешение стилей, что весьма характерно для интернет-ресурса «Лукоморье». Текст изобилует неологизмами интернет-коммуникации: *сабж* (от англ. subject – объект, тема сообщения), *биореактор* – используемая в интернет-коммуникации метафора

⁸ URL: <https://iz.ru/752312/video/pamiatniki-marshalu-zhukovu-stali-vne-zakona-na-ukraine> (дата обращения: 01.10.2021).

⁹ URL: <https://lurkmore.to/Жуков> (дата обращения: 21.05.2021).

репрессий, *фраги* (от англ. frag – «осколочная граната», «убить осколочной гранатой») – очко, начисляемое за уничтожение противника в компьютерной игре, *ЧСВ* – чувство собственной важности, *ЧСХ* – что с...ка характерно. Используется эрратив *фошистской* (от «фашистский»).

В результате реципиентам навязывается мысль о том, что отсутствуют основания для причисления Г.К. Жукова к великим военачальникам – в действиях полководца отсутствует последовательность, его достижения в ходе Великой Отечественной незначительны.

В отношении Маршала Победы используется и тактика осмеяния, которая «предполагает особую речевую изошренность и очень часто строится на подтексте или ироническом несовпадении сказанного с реальным» [Ефремов, 2016, с. 90–91]. Для реализации тактики осмеяния авторы используют различные средства создания комического. Частотно используется такой прием, как постмодернистская ирония, или стёб. Стёб – это «специфическая жанровая реализация иронии, т.е. осмеяния под маской одобрения, способ психологического и эстетического самовыражения», стебаться – значит издеваться над кем-, чем-либо» [Химик, 2000, с. 64; цит. по: Дьячкова, 2005, с. 28]. Тактика реализуется, например, с помощью комментариев к графическим изображениям полководца: *Это только самые важные награды – остальные на спине*¹⁰ (под портретом полководца в военной форме); фотография с Парада Победы 1945 г., который Г.К. Жуков принимает на белом коне, сопровождается подписью: *На параде победы в 45-м году Жуков сверху* [Там же].

Некоторыми пользователями Рунета высмеивается и позиция власти страны по отношению к ряду ключевых исторических личностей. В приведенном ниже тексте за счет использования фантазмагии, с одной стороны, осуждается привлечение к государственной идеологии в качестве примеров ряда видных военных и государственных деятелей, с другой – дискредитируются и сами личности, являющиеся, по мнению автора, лишь образами пропаганды: *Сталин, Держинский, Грозный, Малюта Скуратов, Невский... Это все собирательный образ «Единой России». Недалек тот час когда эта партия введет статус «исторического члена „Единой России”» и их всех туда запишет. Уверен, что уже сегодня на вопрос кто такой Александр Невский какая-то часть россиян скажет, что он вместе с Путиным разгромил немцев и утопил Гитлера в Чудском озере*¹¹.

Обратимся также к публикации Е. Понасенкова, в которой реализуется тактика диффамации в отношении М.И. Кутузова. Понасенков – автор книги «Первая научная история войны 1812 г.». В издании он отказывается фактически всей предшествовавшей историографии в признании сложности освещаемой проблематики, «рассматривая ее достаточно однолинейно» и «отражает взгляды группы современных „западников” (выражаясь несколько фигурально) и на современность, и на

¹⁰ URL: <https://lurkmore.to/Жуков> (дата обращения: 21.05.2021).

¹¹ И. Яковенко. 13.09.2021. URL: http://yakovenkoigor.blogspot.com/2021/09/blog-post_13.html?m=1 (дата обращения: 25.09.2021),

далекое прошлое, причем в достаточно крайних формах» [Долгих, 2019, с. 516]: *Кто положил начало формированию совершенно психически и фактически неадекватного мифа о «победе», после которой потерявшая половину армия бежит к Москве, сдает Москву, а потом растворяется и еле собирается в далеком лагере? Ответ прост: это все тот же «кофейник Зубова», «проспавший» всю битву, человек, на котором во многом лежит ответственность в страшном поражении – Кутузов. Он весьма и весьма хитро (в духе царедворца восемнадцатого века) отписал царю красивую реляцию со словами «неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли» (что, как мы уже знаем, было абсолютной, стопроцентной ложью)¹². В анализируемой нами публикации представлена информация преимущественно оценочного характера. Полководец в приведенном тексте представляется лживым, хитрым и бездарным прислужником. Используется прием «навешивание ярлыков» (*кофейник Зубова*). М.И. Кутузов изображается автором беспринципным карьеристом. Оппоненты публициста, придерживающиеся других оценок исторических событий и личностей, к которым он обращается, именуются *рабской бессмысленной биомассой и закомплексованными существами* [Там же].*

В Рунете реализуется также речевая **тактика дегероизации** – «сознательный отход от героического пафоса и героических образов в художественном творчестве и шире – в постоянно инициируемых социальных практиках, навязываемых всему обществу» [Кафтан, Оборский, 2012, с. 17]. Приведем пример ее применения в отношении полководца А.В. Суворова: *Можно тысячу раз повторить слово «Суворов», но что и кто сегодня может быть воспитан на этом примере? Заметим мимоходом, что ответом на «подвиги» Суворова в Европе, когда он полностью, с детьми и женщинами, вырезал предместья восставшей Варшавы, сегодня были бы резолюции всех трибуналов мира, полная изоляция и коварные бомбардировки объединенными силами НАТО всего пространства «от финских хладных скал до пламенной Колхиды»¹³.*

В приведенном отрывке применяется гибридизация исторических фактов с вымыслом. Основой выступает подавление А.В. Суворовым польского восстания 1794 года. В тексте автор упоминает якобы общеизвестные факты о полководце. Для выявления подобного приема читателю необходимо наличие экстралингвистических знаний – исторического контекста. Во время описываемых событий А.В. Суворов предписывал русским войскам обращаться с поляками гуманно: дома не грабить, безоружных не убивать. 24 октября 1794 г. была взята Прага – предместье Варшавы. Жители, запросившие мира, были благожелательно приняты полководцем¹⁴. В приведенном выше отрывке о Суворове, с учетом упомя-

¹² Е. Понасенков. 11.09.2017. URL: <https://inosmi.ru/history/20170911/240246662.html> (дата обращения: 25.09.2021).

¹³ А. Невзоров. URL: <https://www.mk.ru/politics/2012/10/15/761387-vyirastet-li-u-kremlya-hobot.html> (дата обращения: 18.10.2021).

¹⁴ Беспалов. 2013. URL: <http://100.histrf.ru/commanders/suvorov-aleksandr-vasilevich/> (дата обращения: 10.10.2021),

нутых «подробностей», автор побуждает читателя к негативному выводу. Ироничный смысл слова «подвиг» актуализирован кавычками. В завершение автор цитирует отрывок из стихотворения А.С. Пушкина «Клеветникам России», опубликованного в 1831 г. В стихотворении выражается отношение поэта к польскому восстанию 1830–1831 гг. и необоснованной критике со стороны Запада в отношении России, страны, которая, одержав победу над Наполеоном, дала свободу ряду европейских государств. В стихотворении А.С. Пушкин использует прием сравнения: подавление восстания сравнивается с домашним спором, в который, как известно, не стоит вмешиваться посторонним. Он говорит о величии русского оружия, о том, что армия способна ответить на внешнюю военную агрессию и напоминает о взятии турецкой крепости Измаил под командованием А.В. Суворова: «Иль старый богатырь, покойный на постеле, / Не в силах завинтить свой измайльский штык?» Публицист вступает в диалог с А.С. Пушкиным, противопоставляя негативную оценку личности А.В. Суворова. С иронией пишет публицист и о Швейцарском походе полководца: *В 1799 году красавец Александр Васильевич Суворов во время альпийского похода без малейших колебаний оставлял своих тяжелораненых «чудо-богатырей» замерзать меж заснеженных валунов Роштока и Сен-Готарда*¹⁵. В качестве приема в приведенном фрагменте выступает приписывание несуществующих мыслей, эмоций, поведения личности. Иронично цитируется суворовское обращение «чудо-богатыри» (ср. суворовское обращение: «Чудо-богатыри! Бог нас водит – он нам генерал!»). При этом ирония применяется не только по отношению к великому полководцу, но и к солдатам российской армии: *Ну с Суворова вообще пошла эта замечательная воинская традиция – бросать своих*¹⁶. В данном случае публицист реализует тактику дегероизации через излюбленный прием бездоказательного обвинения.

В отношении русского полководца М.И. Кутузова, который также является учеником и соратником А.В. Суворова, применяется тактика дегероизации, реализуемая в диффамации. При этом А. Невзоров несколько раз пишет об «архивных документах», не предъявляя каких-либо данных об источнике: *Стоит кремлевцам козырнуть величавостью Кутузова, как коварные либералы, ухмыляясь, достают с архивных полок свидетельства о специфике этого персонажа, который прославился лишь тем, что, будучи фронтовым главнокомандующим, ухитрился спать по 18 часов в сутки, а оставшееся время тратил на тех девочек-малолеток, переодетых в казачью униформу, которых он повсюду возил с собой. Кутузов, подло напоминают документы, имея колоссальное численное, фуражное, снабженческое преимущество, сумел проиграть все главные сражения «отечественной войны»*¹⁷. В качестве средств выступает ирония.

¹⁵ А. Невзоров. URL: https://vk.com/wall-12722223_16896 (дата обращения: 20.10.2021).

¹⁶ Невзоров. 01.06.2015. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/1558532-echo/> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁷ А. Невзоров. URL: http://herzenlib.ru/greenlamp/detail.php?ID=22817&special_version=N (дата обращения: 20.10.2021).

Применяется и **тактика дискредитации мишени** посредством **приравнивания ее к последователям идеологии, основанной на насилии**. Приведем выдержку из колонки А. Невзорова, где Сталин представлен идеологически равнозначным Гитлеру: *Сладкий дуэт Сталина и Гитлера рассыпался. <...> В результате два фашизма подрались, хотя им-то делить было вообще нечего*¹⁸.

Выводы. В анализируемых нами текстах представлена речевая стратегия дискредитации, которая выражена рядом речевых тактик. Наиболее частотны из них тактика диффамации, тактика дегероизации, тактика бездоказательных обвинений и оскорбления, тактика осмеяния. В качестве приемов преобладают ирония и диффамация. В подобных публикациях наблюдается обилие лексики, обладающей негативно-оценочными коннотациями. Нередки инвективы, иногда фиксируется обценная лексика. В результате формируются отрицательные образы, создается крайне отрицательный моральный облик ключевых представителей российской военной истории. Под влиянием данных текстов в общественном сознании могут происходить обесценивание подвига и последующий пересмотр роли той или иной личности в отечественной истории. В лингвистическом аспекте сохраняется необходимость лингвопрагматических исследований конфликтотенных текстов о российской военной истории. Доведение результатов подобных работ до населения может внести определенный вклад в их критическое осмысление.

Библиографический список

1. Багдасарян В.Э. Великая Отечественная война в фокусе информационно-психологической войны против России // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2015. № 2. С. 25–35.
2. БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова, 2014. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 10.10.2021).
3. Бушин В.С. Маршал Жуков. Против потока клеветы. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. 256 с.
4. Долгих А.Н. Об одной современной интерпретации событий Отечественной войны 1812 г. // Запад и Восток: история и перспективы развития: сб. ст. 30-й Юбилейной Международ. науч.-практ. конф., Рязань, 18–19 апреля 2019 г. / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2019. С. 515–520.
5. Дьячкова Н.А. Новый русский афоризм // Филологический класс. 2005. № 14. С. 24–29.
6. Ефремов В.А. Виды речевой агрессии // Русская словесность в научном, культурном и образовательном пространстве: материалы докл. и сообщ. XXI Междунар. науч.-метод. конф. СПб., 2016. С. 88–91.
7. Зиновьев В.П., Зиновьева В.И. А.А. Брусилов – русский полководец // Русин. 2016. № 2 (44). С. 9–18. DOI: 10.17223/18572685/44/2
8. Кафтан В.В., Оборский А.Ю. Социальные технологии дегероизации сознания российского общества // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2012. № 1 (29). С. 17–22.
9. Копнина Г.А. Речевые приемы дискредитации Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в современных масс-медиа // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 3 (18). С. 87–100.

¹⁸ А. Невзоров. URL: <https://snob.ru/selected/entry/115090> (дата обращения: 19.10.2021).

10. Нестеренко А.Н. Ложные нарративы биографии Александра Невского в отечественной историографии // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 103–114.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. 943 с.
12. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Политические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе // Русская речь. 2019. № 1. С. 44–57. DOI: 10.31857/S013161170003954-8
13. Смирнов С.Ю. Технологии дегероизации в сознании российского общества // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 3 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-degeroizatsii-v-soznanii-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 16.10.2021).
14. Технологии формирования образов. Демонтаж героических образов. Дегероизация как часть информационно-идеологической войны / А.Н. Курицын, М.А. Тимонов, Л.Г. Лемэр [и др.]. М.: ООО «Первое экономическое издательство», 2021. 84 с. DOI: 10.18334/9785912923296
15. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000. С. 269.
16. Хусаинова А.Х. События Великой Отечественной войны: конкретность истины и информационная война рубежа XX–XXI веков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobytiya-velikoy-otechestvennoy-voyny-konkretnost-istiny-i-informatsionnaya-voyna-rubezha-hh-hhi-vekov> (дата обращения: 16.10.2021).
17. Чернявская В.Е. Политизация истории как стратегия создания новой государственной идентичности: лингвистический анализ // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 85–90.

Сведения об авторе

Волчок Константин Викторович – соискатель кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; e-mail: kost1009@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-16-4-91>

SPEECH STRATEGY OF DISCREDITATION OF RUSSIAN COMMANDERS IN THE RUSSIAN-SPEAKING SEGMENT OF THE INTERNET

K.V. Volchok (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The study of the mechanisms of speech influence on the addressee is an important issue in linguistic research of modern political communication, which takes place in the context of conflict-generating communication between ideological opponents. One of the fields of information confrontation is Russian military history with its key events and iconic personalities. In our work, from a linguistic point of view, we consider the speech strategy of discrediting Russian military leaders. Negative-evaluative means of language are analyzed, as well as stylistic techniques aimed at updating negative information about them and providing a psychological impact on readers. The study of conflict-generating texts about Russian military history allows us to describe the features of the actualization of linguistic units in them that can lead to the creation of a conflict, which can be used in the development of measures to prevent possible social tensions.

The purpose of the article is to identify and provide a linguo-pragmatic analysis of conflict-generating texts about Russian military leaders.

Methodology (materials and methods). The material for the study was the conflict-generating texts about Russian military leaders posted on the Russian-language segment of the Internet. The main methods of analysis are the method of linguo-pragmatic analysis, the method of linguo-stylistic analysis, the method of contextual analysis.

Research results. In the course of the work, a number of speech tactics of the discrediting strategy are identified: the tactics of demythologization, ridicule, equating to the followers of an ideology based on violence, etc. Defamation and irony are distinguished as the most frequent techniques. The predominance of vocabulary with negative evaluative connotations is noted.

Keywords: *conflict-generating text, speech strategy of discrediting, speech tactics, information-psychological warfare, military history, deheroification, conflict-generating military Internet discourse, military leaders.*

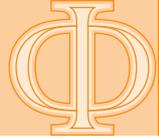
References

1. Bagdasaryan V.E. Velikaya otechestvennaya vojna v fokuse informacionno-psihologicheskoy vojny protiv Rossii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2015. No. 2. S. 25–35.
2. BTS Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / pod red. S.A. Kuznecova, 2014. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (data obrashcheniya: 10.10.2021).
3. Bushin V.S. Marshal ZHukov. Protiv potoka klevety. M.: OOO "TD Algoritm", 2015. 256 s.
4. Dolgih. A.N. Ob odnoj sovremennoj interpretacii sobytij Otechestvennoj vojny 1812 g / A.N. Dolgih // Zapad i Vostok: istoriya i perspektivy razvitiya: Sbornik statej 30-oy YUбилейной Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ryazan', 18–19 aprelya 2019 goda / pod red. I.M. Erlihson, YU.V. Savosinoj, YU.I. Loseva. Ryazan': Individual'nyj predprinimatel' Konyahin Aleksandr Viktorovich, 2019. S. 515–520.
5. D'yachkova N.A. Novyj russkij aforizm // Filologicheskij klass. 2005. No. 14. S. 24–29.

6. Efremov V.A. Vidy rechevoj agressii // Russkaya slovesnost' v nauchnom, kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve: materialy dokl. i soobshch. XXI Mezhdunar. nauch.-metod. konf. SPb., 2016. S. 88–91.
7. Zinov'ev V.P., Zinov'eva V.I. A.A. Brusilov russkij polkovodec // Rusin. 2016. No. 2 (44). S. 9–18. DOI: 10.17223/18572685/44/2
8. Kaftan V.V., Oborskij A.Yu. Social'nye tekhnologii degeroizatsii soznaniya rossijskogo obshchestva // Nauchno-informacionnyj zhurnal Armiya i obshchestvo. 2012. No. 1 (29). S. 17–22.
9. Kopnina G.A. Rechevye priyomy diskreditatsii Marshala Sovetskogo Soyuza G.K. Zhukova v sovremennykh mass-media // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2019. No. 3 (18). S. 87–100.
10. Nesterenko A.N. Lozhnye narrativy biografii Aleksandra Nevskogo v otechestvennoj istoriografii // Voprosy istorii. 2016. No. 1. S. 103–114.
11. Ozhegov S.I., SHvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. 4-e izdanie, dopolnennoe. M.: OOO "ITI Tekhnologii", 2008. 943 s.
12. Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. Politicheskie yarlyki v sovremennom russkoyazychnom mediadiskurse // Russkaya rech'. 2019. No. 1. S. 44–57. DOI: 10.31857/S013161170003954-8
13. Smirnov S.Yu. Tekhnologii degeroizatsii v soznanii rossijskogo obshchestva // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. No. 3 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-degeroizatsii-v-soznanii-rossijskogo-obshchestva> (data obrashcheniya: 16.10.2021).
14. Tekhnologii formirovaniya obrazov. Demontazh geroicheskikh obrazov. Degeroizatsiya kak chast' informacionno-ideologicheskoy vojny / A.N. Kuricyn, M.A. Timonov, L.G. Lemer [i dr.]. Moskva: OOO "Pervoe ekonomicheskoe izdatel'stvo", 2021. 84 s. DOI: 10.18334/9785912923296
15. Himik V.V. Poetika nizkogo, ili prostorechie kak kul'turnyj fenomen. SPb., 2000. S. 269.
16. Husainova A.H. Sobytiya Velikoj Otechestvennoj vojny: konkretnost' istiny i informacionnaya vojna rubezha HKH-HKHI vekov // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2016. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobytiya-velikoy-otechestvennoy-voyny-konkretnost-istiny-i-informatsionnaya-voyna-rubezha-hh-hhi-vekov> (data obrashcheniya: 16.10.2021).
17. Chernyavskaya V.E. Politizatsiya istorii kak strategiya sozdaniya novoj gosudarstvennoj identichnosti: lingvisticheskij analiz // Politicheskaya lingvistika. 2013. No 4 (46). S. 85–90.

About the author

Volchok Konstantin Viktorovich – Post-Graduate Student, Department of Russian and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: kost1009@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-16-4-92>

УДК 81-119

ВРЕМЕННАЯ И ДИСКУРСИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КОНЦЕПТА «БОГУЧАНСКАЯ ГЭС»

О.В. Фельде (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Одним из постулатов современной когнитивно-дискурсивной парадигмы является тезис о вариативности структуры и содержания концепта. На вариативность концепта оказывают влияние многие факторы: временной, социокультурный, дискурсивный, экологический, политический, индивидуально-психологический. Актуальность исследования вариативности концепта обусловлена рядом причин: 1) необходимостью теоретического обоснования неоднородности концептов в пределах одной лингвокультуры; 2) возможностью раскрыть соотношение базовых и переменных информационных и аксиологических структур в содержании концепта; 3) необходимостью установить связь когнитивных механизмов с мировосприятием и с эмоциональной рефлексией индивида и/или социальных групп; 4) важностью исследования факторов «конструирования реальности» посредством актуализации тех или иных сторон концепта.

Цель – рассмотреть варьирование ценностно-смыслового содержания концепта «Богучанская ГЭС», определить причины и факторы варьирования единиц экспликации образного и ценностного слоев данного концепта. Для достижения указанной цели анализируются языковые, стилистические и лингвопрагматические средства экспликации концепта «Богучанская ГЭС» в разных типах дискурса.

Методология (материалы и методы). Эмпирической базой исследования являются данные Национального корпуса русского языка; материалы публикаций в СМИ о Богучанской ГЭС, размещенные в разделе «Пресс-центр» на главном сайте гидроэлектростанции (<http://www.boges.ru/press-tsentr/smi-o-boguchanskoy-ges/publikatsii-v-presse/>); публикации сайта «Плотина. Нет!» (<http://www.plotina.net/>); расшифровки интервью и воспоминаний переселенцев из зоны затопления Богучанской ГЭС, а также людей, постоянно проживающих в Богучанском и Кежемском районах Красноярского края. В результате выборочной расписки письменных и устных текстов о Богучанской ГЭС выписано более 400 контекстов экспликации понятийных, образных и аксиологических признаков данного концепта.

Основные методы анализа: для достижения поставленной цели используется методика концептуального анализа, разработанная представителями лингвокультурологического направления, а также интерпретационный анализ и метод лингвистического описания полученных результатов.

Результаты исследования. Концепт «Богучанская ГЭС» относится к динамичным, активно транслируемым концептам национальной лингвокультуры. Он отличается высоким модифицирующим потенциалом, дискурсивной вариативностью своей структуры и ценностно-смыслового содержания. Вариативность содержания данного концепта проявляется прежде всего в разной степени актуальности тех или иных понятийных признаков на разных этапах его жизненного цикла, а также амбивалентностью оценок, которые определяют содержание аксиологического слоя концепта «Богучанская ГЭС» в разговорном дискурсе, экологическом интернет-дискурсе и официальном массмедийном дискурсе. Причиной вариативности ценностно-смыслового содержания концепта являются социально-экономические, социокультурные и цивилизационные факторы.

Ключевые слова: *концепт, концептуальный признак, ценностно-смысловое содержание, варьирование, дискурс, коммуникативная стратегия.*

Постановка проблемы. Категория вариативности является объектом лингвистического исследования не один десяток лет. Вариативность рассматривается как фундаментальное свойство языковой системы и как способ существования и функционирования языковых единиц и системы языка в целом [Гак, 1998; Степанов, 1979; Солнцев, 1984]. Русисты подчеркивают особую роль вариантных единиц в процессе исторического развития языка, называя их «экспликаторами глубинных процессов саморазвития языка» [Араева, 1994, с. 4], «спутниками вечного движения языка» [Горбачевич, 1978, с. 25], «генами жизни языка» [Глинкина, 1995, с. 128]; отмечают, что «вариантные единицы делают язык функционально гибким» [Богословская, 2005, с. 4]. С утверждением когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике вариативность стала рассматриваться и как неотъемлемая сторона жизненного цикла концепта.

Проблема вариативности структуры и ценностно-смыслового содержания концепта в настоящее время рассматривается на самом разном материале. Чаще всего это массмедийный, политический и художественный дискурсы, которые обладают высоким миромоделирующим потенциалом [Крючкова, 2009; Коняева, 2015; Волкова, Панченко, 2018].

Широкое распространение получила точка зрения, согласно которой концепт как ментально-лингвальное образование живет и развивается в конкретном культурно-историческом времени, которое оказывает влияние на его содержание. Это убедительно показано на примере особенностей вербализации концепта «терпение» [Васильев, Бариловская, 2009], концепта «дружба народов» [Коняева, 2015], концепта «молодость» [Крючкова, 2009] и некоторых других. Установлено, что на содержание концепта оказывают влияние не только временной и социокультурный факторы: большое значение имеет «функциональная область концепта – тип дискурса, в котором он вербализуется» [Воркачев, 2015, с. 1536]. Нельзя сбрасывать со счетов и индивидуально-психологический фактор: «Если концепт – объект идеальный, т.е. существующий в нашей психике, – пишет Р.М. Фрумкина, – то следует задуматься о том, как соотносятся между собой ментальные образования, соответствующие одному концепту, в психике разных людей. Естественно думать, что за одним и тем же именем (словом) в психике разных лиц могут стоять разные ментальные образования» [Фрумкина, 1995, с. 91]. Сказанное подтверждает актуальность изучения вариативности структуры и содержания концепта как ментальной единицы и важнейшего компонента картины мира этноса. Анализ особенностей вербализации того или иного концепта в разных дискурсах и на разных временных отрезках позволяет раскрыть соотношение базовых и переменных информационных и аксиологических структур в содержании концепта; проследить связь когнитивных механизмов с мировосприятием, с эмоциональной рефлексией индивида. Кроме того, актуальность такого рода исследований обусловлена возможностью установить характер зависимости концептуальных признаков от социокультурных, техногенных, экологических, социальных, возрастных, политических и т.п. знаний и представлений, что имеет значение для «конструирования реальности» в сознании людей.

Цель настоящей статьи – проанализировать особенности временного и дискурсивного варьирования концепта «Богучанская ГЭС». Объектом исследования является ценностно-смысловое содержание данного концепта в разных типах дискурса. Предметом исследования служат языковые, стилистические и лингвопрагматические средства экспликации концепта «Богучанская ГЭС» в диалектном, массмедийном и экологическом интернет-дискурсе.

Методология (материалы и методы). Эмпирической базой исследования являются данные газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (50 документов, 54 вхождения – данные на 30 октября 2021 г.); более 80 публикаций в СМИ о Богучанской ГЭС, размещенные в разделе «Пресс-центр» на главном сайте гидроэлектростанции (<http://www.boges.ru/press-tsentr/smi-o-boguchanskoj-ges/publikatsii-v-presse/>); публикации экологического сайта «Плотина. Нет!»¹; расшифровки интервью с переселенцами из зоны затопления Богучанской ГЭС из личного архива автора, а также размещенные в «Электронном текстовом корпусе лингвокультуры Северного Приангарья»¹. В результате выборочной расписки письменных и устных текстов о Богучанской ГЭС выписано более 400 контекстов языковой экспликации данного концепта. Привлечение большого числа источников позволило рассмотреть его жизненный цикл, а также установить особенности экспликации понятийного, образного и аксиологического слоев изучаемого концепта в разных типах дискурса. В процессе исследования используется методика концептуального анализа, разработанная в рамках лингвокультурологического направления. Данная методика предполагает этимологический анализ имени концепта, выявление базовых концептуальных признаков, раскрывающих понятийное содержание изучаемого концепта; выявление и анализ образных и оценочных единиц языка, эксплицирующих образный и аксиологический слои концепта, а также установление характера лингвопрагматических средств формирования и выражения ценностно-смыслового содержания концепта в том или ином дискурсе. Помимо концептуального анализа, в работе находят применение также метод интерпретационного анализа контекста и метод лингвистического описания полученных результатов.

Результаты проведенного исследования. Имя концепта – Богучанская ГЭС – является ложномотивированным. Эта ГЭС расположена в Кежемском районе, близ города Кодаинска. Название связано с первоначальным планом строительства ГЭС в соседнем районе – Богучанском. На формирование ценностно-смыслового содержания концепта «Богучанская ГЭС» оказали влияние экстралингвистические факторы. Ни одна ГЭС в нашей стране не строилась так долго (с 1974 по 2017 г.), и ни одна не подвергалась столь мощной критике со стороны общественных организаций, писателей, кинематографистов, жителей затопленных мест. Отрицательную оценку Богучанской ГЭС в разное время давали Гринпис

¹ Сайт «Плотина. Нет!». URL: <http://www.plotina.net/>

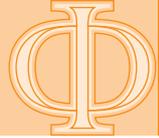
² Диалектный подкорпус. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/?page=dialect#>

и Всемирный фонд дикой природы, обеспокоенные экологическими проблемами, связанными с зоной затопления. Немало было и социально-экономических проблем, связанных со строительством ГЭС и зачисткой территории под ложе будущего водохранилища. В общей сложности было уничтожено 29 сибирских сел и деревень, которые, по словам писателя Романа Сенчина, когда-то «сделали Сибирь русской землей, не только формально, но и кровно»³).

Первое официальное упоминание о нем «Богучанская ГЭС» относится к 1953 г. Он используется в документах Совмина, посвященных схеме энергетического использования реки Ангары. Вхождение имени техногенного концепта в общенародный язык состоялось позднее. Транслятором послужила речь Н.С. Хрущева на II съезде КПСС (1961). В ней упоминалось, что «Богучанская ГЭС – одно из крупнейших гидросооружений на Ангаре и Енисее, которые должны вступить в строй в ближайшее двадцатилетие». Однако история распорядилась таким образом, что технический проект Богучанской ГЭС был утвержден в 1978 г., Ангара была перекрыта через девять лет, к октябрю 1987 г., а первые агрегаты наконец-то достроенной гидроэлектростанции были запущены лишь в октябре 2012 г. На полную же мощность четвертая ангарская ГЭС заработала только в июле 2015 г.

На первом этапе своего жизненного цикла концепт «Богучанская ГЭС» включает три базовых понятийных признака: 1) гидротехническое сооружение; 2) строящийся на Ангаре гидротехнический объект; 3) потенциально выгодное гидротехническое сооружение. В 70–80-е гг. XX в. формируются образный и аксиологический слои данного концепта, которые слабо между собою дифференцируются. Советская пресса создает положительный образ Богучанской ГЭС. Эмоционально-восторженное отношение к ней передают метафоры и эпитеты: «флагман экономики», «мечта», «необходимое звено в электрификации Сибири и всей страны», «ключ к кладовым Приангарья», «энергетический пульс Сибири», «памятник свободному труду» и т.п. В эти годы в массмедийном дискурсе формируется эмоционально-образное ядро концепта, которое передает представление о величии, грандиозности и важности строящейся ГЭС. Эти представления передают метафоры «четвертый великан Ангары», «гигант Ангары», «негасимое пламя сибирской мощи» и т.п. Образ грандиозной плотины на Ангаре фиксируется в универсальном предметном коде национальной лингвокультуры как дискретная единица. Аксиологическое содержание концепта эксплицируется в основном идеологемами и экспрессемами с положительной коннотацией. Доминирует эмоциональный и сенсорный типы оценок строящейся ГЭС: «ударная комсомольская стройка», «большая стройка», «передовая станция», «гигантская плотина», «могучая плотина», «энергогигант на Ангаре». Сама идея строительства ГЭС в обществе воспринимается как еще одно доказательство могущества человека, способного покорить первобытный хаос природы: «Узкая ступенчатая полоса с квадратным выступом впереди по прямой перечеркивает могучую Ангару.

³ Сенчин Р. URL: <https://godliteratury.ru/amp/articles/2015/11/16/bolshe-chem-literatura>

Плотина, словно врезанная в первобытный хаос скалистых громад, запирает простор верхнего бьефа, и остановленные воды уходят вверх по течению <...>. Такой рисуют проектировщики будущую гидроэлектростанцию. <...>. Богучанская ГЭС как бы венчает Ангарский энергетический каскад» (Третий великан Ангары // Красноярский рабочий. 1971. № 48 / 15601).

В 90-е гг. в чувственно-образном ядре концепта «Богучанская ГЭС» появляются негативно-оценочные элементы. Образ Богучанской ГЭС начинает ассоциироваться с «безнадежным долгостроем российской гидроэнергетики», «стройкой на голодном пайке», «символом времени, поставленным с ног на голову». Аксиологические признаки концепта «Богучанская ГЭС» эксплицируются негативно-оценочными метафорами «брошенное детище Министерства энергетики», «гидромонстр», а также словосочетаниями «сомнительный проект», «многоградальная ГЭС», семантика которых свидетельствует о переосмыслении эмоциональной и утилитарной оценок ГЭС. В конце XX в. в понятийном слое анализируемого концепта актуализируется признак «гидротехнический объект, строительство которого приостановлено».

В 2005 г. на самом высоком уровне было принято решение о достройке Богучанской ГЭС, и через год строительство было возобновлено. Это стало результатом заключенного Соглашения между ОАО «РусГидро» и ОК РУСАЛ о совместной реализации проекта по созданию Богучанского энерго-металлургического объединения, важнейшим звеном которого должна была стать Богучанская ГЭС. На первое место по частотности использования в деловых документах первого десятилетия XXI в. выходит вариант имени исследуемого концепта – аббревиатура БоГЭС. Еще одним – неофициальным – именем концепта в институциональном дискурсе гидростроителей становится стилистически окрашенный универб «Богучанка».

В 2006 г. на средства федерального и местного бюджетов началась подготовка ложа будущего водохранилища и массовое переселение граждан из зоны затопления. Особенно активно эти работы проводились в 2008–2010 гг. Они затронули судьбы многих людей и вызвали повышенный интерес со стороны общества, представителей СМИ, субъектов и акторов экологического интернет-дискурса. Это привело к тому, что «мерцавший» в национальной лингвокультуре техногенный концепт «Богучанская ГЭС» актуализировался; произошла его трансмиссия в различные дискурсы: массмедийный, экологический, региолектный, в пределах которых сформировались амбивалентные оценочные признаки концепта. Имя «Богучанская ГЭС» обретает социальную коннотацию. Содержание концепта варьируется, отражая различные представления социальных групп и отдельных граждан об экономической выгоде, этических и экологических аспектах строительства Богучанской ГЭС. Важнейшей особенностью концепта «Богучанская ГЭС» становится дискурсивная вариативность его структуры и ценностно-смыслового содержания. Так, в разговорном (региолектном) дискурсе переселенцев из зоны затопления Богучанской ГЭС появляется

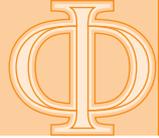
ироничное имя концепта – «Недайбогэс» – игровое переосмысление аббревиатуры БоГЭС. На первый план выходят концептуальные признаки «гидротехническое сооружение, ставшее причиной утраты малой родины» и «экологически вредный объект». Анализ контекстов, в которых выражены эти смыслы, показал, что рассказчики нередко прибегают к коммуникативной тактике нагнетания негативных последствий и преувеличения нанесенного ущерба:

«Отстаивали Ангару. Не смогли отстоять. Потому что она одна река, ну, плохо, плохо отстаивали. Потом с тем, что стали строить эти гэсы: Иркутскую, Нижнеилимскую, там еще какая – Братская. Братская и в результате вот – Богучанская, которую не смогли остановить, потому что все уничтожили. Это минус нашим правителям, вот что я тебе скажу. Потому что такое богатство, как наша Ангара – ее нельзя уничтожать, ее не восстановит никто, такую красоту нигде не восстановить, *и со временем мы погибнем!* Раньше какая красота была: река идет. Ну, лед, ледоход – красота! Значит, лед голубой, голубо-зеленый такой! Это птица, гуси. Значит, через реку журавли – *сейчас мертво все*, вы где увидите гуся, где увидите какую утку? *А наши деды похоронены были – они все под водой остались, вот этой Богучанской ГЭС уничтожено где-то триста деревень – само мало, и все эти кладбища, они оказались на дне этого... ну, озера, моря, грязная лужа* или кто. И в продолжение к тому – там осталось. Ну ладно, там вроде думают, не пьют они воду, а вода-то вся сюда, в Енисей летит. Ангара-то впадает в Енисей! И какую там воду пьют? Какую? Зараженную всю! Кладбищами, скотниками. То, что были где-то могильники эти всякие и ээээ... нефть с этими, бензин с заправки – все же в этой воде щас находится. Все оттуда плывет к Енисею. А че мы едим? Вот рыбку. Жалко, радуемся, что едим. Вкусная? Вкусная. А она же ведь, бедная, чего ест-пьет? Это вот это вот» (Кеж.: Козинск, 2015). В приведенном примере говорится, что Богучанская ГЭС «уничтожила где-то триста деревень». На самом деле в зону затопления попали 25 населенных пунктов Кежемского района Красноярского края и 4 населенных пункта Иркутской области. В народном сознании нанесенный ущерб гиперболизируется. Рассказчики акцентируют внимание на эмоциональной стороне вынужденного переселения и негативных изменениях в природе, которые связывают с пуском в эксплуатацию Богучанской ГЭС:

«– Скажите, как ГЭС изменила Ангару и жизнь людей? – Собир.

– Дак, конечно, как же не изменила: *люди-то страдали, их заставили и с мест с обжитых уехать. Плакали они все, не хотели. Кому где, кому в Кодинке дали квартиры, кто захотел, кому дали деньги, уехали, там где-то в Сосновоборске, в Дивногорске, в Красноярске разместились... Приезжали они тут, затопило и много... О-о-о, Ангара здесь вообще изменилась. Раньше и купались, и глубоко было, и чиста вода, а щас с ГЭСом вода стала холодна, купаться невозможно, вот стала мелкая... Вообще сильно изменилась, хуже стала»⁴.*

⁴ Бг.: Пинчуга, 2017. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/?page=dialsearch#>

В оценочном слое концепта «Богучанская ГЭС» в разговорном дискурсе формируется признак «чужая», не принадлежащая народу, не приносящая лучшую жизнь: «– Как Вы относитесь к тому, что построили ГЭС? – Собир.

– ГЭС эта дерипаскина ли кого ли. Он с Чубайсом скинулись, построили себе. Ну, знаете, мне, мне-то все равно, без разницы, конечно, так... ГЭС и ГЭС. Значит, нужен им ГЭС, раз сделали. *Лучше у нас, конечно, не случилось ничего такого необыкновенного, чтобы было, что вот жить мы стали богаче, лучше стало все у нас – нету этого. Живем мы так же скромно, как и жили. Вот я живу – у меня нет ни воды в доме, у меня нет отопления в доме, я топлю печкой. Так я и живу»* (Бг.: Богучаны, 2017).

В экологическом интернет-дискурсе также преобладают отрицательные оценки ГЭС. На информационно-экологическом сайте «Плотина. Нет!» размещено множество материалов, в которых актуализируются негативно-оценочные признаки исследуемого концепта. Доминируют концептуальные признаки «нанесшая большой ущерб природе»; «частное гидротехническое сооружение». Образный слой концепта «Богучанская ГЭС» эксплицируется метафорическими выражениями «гигантский бетонный тромб, перегородивший Ангару», «Богучанский свивальник», «Богучанка: депресс-код», «Детище Чубайса – Дерипаски», «Богучанская аномалия», «плотина раздора», «уязвленная плотина» (намек на ушедшие под воду скотомогильники, в которых могут быть споры сибирской язвы). Анализ контекстов вербализации концепта «Богучанская ГЭС» в экологическом интернет-дискурсе свидетельствует, что наиболее часто используется эмоционально настраиваемая коммуникативная стратегия, которая формирует и транслирует понятийный признак «ГЭС – источник экологического бедствия». Для реализации данной стратегии авторы используют коммуникативную тактику создания эмоционального фона, апелляции к жизненно важным ценностям, а также тактику негативного прогнозирования: «*Граждане от появления ГЭС получили лишь проблемы. <...>. В зону затопления попали населенные пункты с общим числом жителей около 5 тыс. человек. Многим вовсе не улыбалось покидать свои добротные дома, где жили предки, отдавать под затопление леса с охотой, множество рыбных мест, чтобы поселиться в городе. Под воду ушли уникальные археологические памятники, которыми богаты берега Ангары. Ниже плотины на много километров река начала цвести и мелеть. На грани окончательного исчезновения ценные породы рыбы – осетр и стерлядь. Много сообщалось о том, что подготовка ложа водохранилища была выполнена из рук вон плохо. Под воду ушли и лес, который теперь будет гнить еще много лет, и металлолом, и недосожженные дома и скотомогильники. И, разумеется, никаких тарифных льгот по электричеству население края не имеет* [Бурдуковский, 2021]. Частотна также тактика обращения к экспертным оценкам, при этом транслируются только отрицательные стороны Богучанской ГЭС, что приводит к актуализации негативно-оценочного слоя концепта: «*В результате строительства на Ангаре каскада гидроэлектростанций и создания цепи озеровидных слабопроточных водохранилищ в Ангарском регионе резко замедлился водообмен, сократилась в несколько десятков раз перемещиваемость водных масс, значительно*

изменился микроклимат побережья, усилилось негативное воздействие на природную среду и на социальные условия и экономику. В связи с тем что Ангара утратила самоочищающую способность водных масс, произошло и происходит гниение огромного количества затопленной древесины и образование ряда застойных зон» [Арасланова]. Посредством коммуникативной тактики негативных экспертных оценок эксплицируется также такой оценочный признак концепта, как «потенциально опасная ГЭС»: «Начиная с девяностых годов многие специалисты указывают на еще одно слабое место проекта БоГЭС: проблему с надежностью плотины на месте ее правобережного примыкания, которое является оползневым и дает значительную просадку. Результатом также может стать прорыв плотины»; «разные специалисты независимо друг от друга указывают на возможность развития катастрофического сценария на Богучанской ГЭС из-за недоработок в конструкции ее плотины. В результате под угрозой оказывается жизнь 230 тысяч человек и существование 48 населенных пунктов» [Колотов, 2011].

Идея вариативности структуры и содержания концепта в пределах одной национальной культуры не нова.

Она изложена в трудах Ю.С. Степанова и других основоположников лингвокультурологического направления [Степанов, 2001; Стернин, 2007], которые отмечают, что концепт имеет слоистую структуру, при этом слои в разной степени присутствуют в сознании различных групп носителей языка. Вариативность структуры и ценностно-смыслового содержания концепта не только находит выражение в разных типах дискурса, но и моделируется характером дискурса. Проведенное исследование показало, что в устном региолектном и в экологическом интернет-дискурсе доминирующим оказывается образно-аксиологический слой изучаемого концепта, содержание которого эксплицируется преимущественно негативно-оценочными языковыми и стилистическими средствами.

В официальном массмедийном дискурсе представлены понятийный, образно-символический и аксиологический слои концепта «Богучанская ГЭС», при этом набор языковых средств экспликации важнейших концептуальных признаков существенно отличается от тех, которые вербализуют содержание концепта «Богучанская ГЭС» в разговорном и экологическом интернет-дискурсах. В текстах, представленных в разделе «СМИ о Богучанской ГЭС / Публикации в прессе», размещенном на официальном сайте гидроэлектростанции⁵, акцентируются такие концептуальные признаки, как:

- 1) сложное гидротехническое сооружение плотинного типа;
- 2) действующее гидротехническое сооружение, предназначенное для выработки электрической энергии из энергии воды;
- 3) место работы специалистов, занятых эксплуатацией ГЭС;
- 4) градообразующее предприятие;
- 5) особо охраняемый гидротехнический объект.

⁵ Сайт гидроэлектростанции. URL: <http://www.boges.ru/press-tsentr/smi-o-boguchanskoy-ges/publikatsii-v-pressе/>

В массмедийном дискурсе актуализируются также такие базовые понятийные признаки концепта «Богучанская ГЭС», как «мощность ГЭС» и «уровень напора воды». Например: *«Ее установленная мощность 2 997 МВт: 9 агрегатов по 333 МВт каждый. Это пятая по мощности ГЭС России. Напорный фронт Богучанской ГЭС длиной 2 690 метров сформирован двумя плотинами: бетонной и каменно-набросной. Длина бетонной плотины 828,7 метра, наибольшая высота 96 метров. Она состоит из глухой, станционной, и водосбросной частей. В станционной части плотины длиной 270 метров размещены водоприемники с затворами и сороудерживающими решетками, а также напорные водоводы диаметром 10 метров для подачи воды к турбинам ГЭС. Вы только представьте диаметр „трубочки“, по которой вода подается к гидроагрегату: 10 метров! <...> Водосбросная часть плотины общей длиной 200 метров образует два водосброса, глубинный и ступенчато-поверхностный – вот он, на фото. Выглядит как грань египетской пирамиды. Такая технология в России применена впервые»* [Бурлаку]. Все дополнительные концептуальные признаки наделены положительной оценочностью: Богучанская ГЭС – это надежное, безопасное, эффективное, выгодное для экономики предприятие.

В образном слое концепта «Богучанская ГЭС», репрезентированного в официальном массмедийном дискурсе, представлены различные типы метафор, которые актуализируют идею важности Богучанской ГЭС для экономики Сибири и страны в целом: «таблетка для экономики», «энергетическое сердце крупного индустриального проекта», «ядро нового промышленного кластера в Нижнем Приангарье», «узел стратегического развития», «энергетический фундамент экономики Енисейской Сибири», «жемчужина на Ангаре». Единицами аксиологического слоя изучаемого концепта являются экспрессивы с положительной коннотацией «гигантская», «крупнейшая», «масштабная», «новейшая», «уникальная», «передовая», «одна из самых мощных», «эффективная», «успешная».

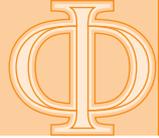
Анализ текстов официального массмедийного дискурса, эксплицирующих оценочный слой концепта «Богучанская ГЭС», свидетельствует о стремлении нивелировать негативные оценочные признаки концепта, сформированные в иных типах дискурса. Это достигается посредством таких коммуникативных стратегий, как стратегия убеждения и стратегия глорификации (расхваливания). Стратегия убеждения направлена на формирование представления о Богучанской ГЭС как безопасном, экологически ориентированном и эффективном предприятии. В текстах используются тактики приведения рациональных доводов, статистических данных, позитивного позиционирования: *«Таблетка для экономики» быстро доказала свою эффективность. Проект позволил не только создать тысячи дополнительных рабочих мест в Кодаинске и Кежемском районе, но и загрузить мощности машиностроительных и цементных заводов, дал заказы строителям и транспортным компаниям. После окончательного ввода Богучанской ГЭС в эксплуатацию все графики показывают рост. В январе 2020 г. все ГЭС края произвели 2 млрд 823,1 млн кВт*ч, а БоГЭС – 1 млрд 446 млн, то есть более 51,2 %»;*

«Виктор Кардашов, депутат Законодательного собрания Красноярского края: *Эффект от Богучанской ГЭС, который она оказала на развитие территории как Кежемского района, так и Красноярского края, трудно переоценить*» [Флагманский проект...]; «...приобретают огромное значение компании, которые не оставляют углеродный след и относятся уже к субъектам „зеленой экономики“. В Красноярском крае это Богучанская ГЭС. Гидростанция не загрязняет атмосферу и работает на принципах использования возобновляемого источника энергии» [Савельев]. «И.о. генерального директора Богучанской ГЭС Владислав Кобяков: *Для энергетиков охрана водных ресурсов и служебная обязанность, и давно сложившаяся привычка. На Богучанской ГЭС в декабре 2020 г. введена обновленная „Экологическая политика“, в которую включены актуальные требования законодательства, экологические стандарты и научные разработки*» [«Зеленая» энергия чистой воды].

Выводы. Проведенное исследование показало, что концепт «Богучанская ГЭС» относится к динамичным, активно транслируемым концептам национальной лингвокультуры. Он отличается высоким модифицирующим потенциалом, дискурсивной вариативностью своей структуры и ценностно-смыслового содержания. Вариативность содержания данного концепта проявляется прежде всего в разной степени актуальности тех или иных понятийных и аксиологических признаков на разных этапах жизненного цикла, а также в различии языковых, стилистических и лингвопрагматических средств экспликации понятийного, образного и аксиологического слоев концепта «Богучанской ГЭС» в разных типах дискурса: разговорном, экологическом интернет-дискурсе и официальном массмедийном дискурсе. Оценочные признаки концепта амбивалентны, обусловлены экстралингвистическими факторами: экономической, социокультурной и экологической ситуацией, предпочтениями субъектов дискурса и т.п. На содержание концепта «Богучанская ГЭС» в официальном дискурсе оказывает влияние также ориентация на техногенную цивилизацию как альтернативу традиционному природоцентрическому укладу сибирской жизни.

Библиографический список

1. Араева Л.А. Предисловие // Явление вариативности в языке: тезисы докладов конференции. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 4–6.
2. Арасланова В.А. Прогнозная оценка влияния Богучанской ГЭС на геосистемы нижнего течения Ангары [Электронный ресурс]. URL: <http://www.plotina.net/experts/araslanova/> (дата обращения: 25.10.2021).
3. Беляков С. Больше, чем литература. Роман Сенчин [Электронный ресурс]. URL: <https://godliteratury.ru/amp/articles/2015/11/16/bolshe-chem-literatura> (дата обращения: 25.10.2021).
4. Богословская З.М. Диалектная вариантология. Томск: Изд-во ТПУ, 2005. 271 с.
5. Бурдуковский Е. Ангаре обещают «точечную» застройку. 15 октября 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.plotina.net/angare-obeshhayut-tochechnuyu-zastrojku/#more-5007>
6. Бурлаку С. Цветет брусника над Богучанкой // Фотоблог Сергея Бурлаку [Электронный ресурс]. URL: <https://gnkk.ru/articles/fotoblog-sergeya-burlaku-cvetet-brusn/> (дата обращения: 25.10.2021).

7. Васильев А.Д., Барилловская А.А. Вариативность актуализации концепта «терпение» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 2. С. 96–99.
8. Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Дискурсивная вариативность концептов деструктивных эмоций // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. 2018. Т. 22, № 1. С. 175–194.
9. Воркачев С.Г. Аксиологическая вариативность лингвокультурного концепта // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2015. Т. 13. С. 1636–1640. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85328.htm>
10. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
11. Глинкина Л.А. Вариативность как научный объект в русском языкознании // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тезисы международной конференции. М.: Филология, 1995. Т. 1. С. 126–128.
12. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. Л.: Наука, 1978. 238 с.
13. «Зеленая» энергия чистой воды // Комсомольская правда. 2021. 31 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/27259/4390438/> (дата обращения: 25.10.2021).
14. Колотов А. Безопасность Богучанской ГЭС: вопросы остаются. 2011. 31 июля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.plotina.net/boges-kolotov/> (дата обращения: 25.10.2021).
15. Коняева Е.В. Содержание и вариативность идеологического концепта «Дружба народов» // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 190–198.
16. Крючкова Н.В. Дискурсивное варьирование концептов // Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского. 2009. № 4. С. 271–276.
17. Савельев П. Время чистой энергии // Деловой квартал. 20.09.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://krasnoyarsk.dk.ru/news/237156753> (дата обращения: 24.10.2021).
18. Семенова Н.С. Генезис понятия «языковая вариативность», объективизация вариативности в массмедийном дискурсе // Иностраный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития: междунар. сб. научно-методических ст. Псков: ЛОГОС Плюс, 2018. Вып. 8. С. 221–229.
19. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31–42.
20. Степанов Г.В. Об особенностях языковой вариативности // Теория языка. Англистика. Кельтология: сб. ст. М.: Наука, 1979. С. 125–133.
21. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
22. Стернин И.А. Вариативность структурной организации концептов // Язык и национальное сознание: межвуз. науч. сб. Воронеж, 2007. С. 7–13.
23. Флагманский проект: Топ-5 экономических трендов на примере Богучанской ГЭС // Деловой квартал. 27.03.2020. URL: <https://krasnoyarsk.dk.ru/news/flagmanskiy-proekt-top-5-ekonomicheskikh-trendov-na-primere-boguchanskoy-ges-237133942> (дата обращения: 25.10.2021).
24. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемиология? // Язык и наука конца 20 века / под ред. акад. Ю.С. Степанова. М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 1995. С. 74–117.

Сведения об авторе

Фельде Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: Feldeo@list.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-16-4-92>

TEMPORAL AND DISCURSIVE VARIATION OF THE “BOGUCHANSKAYA HYDROELECTRIC POWER PLANT” CONCEPT

O.V. Felde (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. One of the postulates of the modern cognitive-discursive paradigm is the thesis about the variability of structure and content of the concept. The variability of the concept is influenced by many factors: temporal, socio-cultural, discursive, ecological, political, and individual-psychological.

The relevance of the study of variability of the concept is due to a number of reasons: 1) the need for theoretical justification of the heterogeneity of concepts within the same linguoculture; 2) the possibility of revealing the ratio of basic and variable informational and axiological structures in the content of the concept; 3) the need to establish the connection of cognitive mechanisms with worldview and with the emotional reflection of the individual and / or social groups; 4) the importance of studying the factors of “constructing reality” by actualizing those or other sides of the concept.

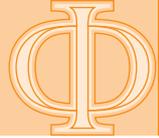
The purpose of the article is to consider the variation of the value and semantic content of the “Boguchanskaya HPP” concept, to determine the causes and factors of variation of units of expression of figurative and value layers of this concept. In order to achieve this goal, linguistic, stylistic and linguopragmatic means of expression of the “Boguchanskaya HPP” concept in different types of discourse are analyzed.

The material of the research. The empirical basis of the study is the data of the National Corpus of the Russian language; materials of publications in the media about Boguchanskaya HPP, placed in the section “Press” on the main website of the hydropower plant (<http://www.boges.ru/press-tsentr/smi-o-boguchanskoy-ges/publikatsii-v-presse/>); publications of the website “Dam. No!” (<http://www.plotina.net/>); transcripts of interviews and reminiscences of displaced people from the flood zone of Boguchanskaya HPP as well as people permanently residing in Boguchansky and Kezhemsky districts of the Krasnoyarsk region. As a result of a sample listing of written and oral texts about Boguchanskaya HPP, more than 400 contexts of conceptual, figurative and axiological attributes of this concept were written out.

The research methodology is as follows: in order to achieve the goal the method of conceptual analysis developed by representatives of the linguocultural direction, as well as the interpretive analysis and the method of linguistic description of the results are used.

Research results. The “Boguchanskaya HPP” concept refers to dynamic, actively translated concepts of national linguoculture. It is distinguished by high modifying potential, discursive variability of its structure, and value and semantic content. Variability of the content of this concept is manifested, first of all, in different degrees of relevance of those or other conceptual features at different stages of its life cycle, as well as ambivalence of evaluations which determine the content of axiological layer of the “Boguchanskaya HPP” concept in conversational discourse, ecological Internet discourse and official mass-media discourse. The reason for the variability of the value and semantic content of the concept are socio-economic, socio-cultural and civilizational factors.

Keywords: *concept, conceptual feature, value and meaning content, variation, discourse, communicative strategy.*

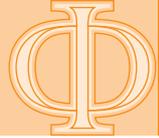
References

1. Arayeva L.A. Preface // The phenomenon of variability in language: Abstracts of conference reports. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1994. P. 4–6.
2. Araslanova V.A. Prognostic assessment of the impact of Boguchanskaya HPP on geosystems of the Angara lower reaches [Electronic resource]. URL: <http://www.plotina.net/experts/araslanova/> (access date: 25.10.2021).
3. Belyakov S. More than literature. Roman Senchin [Electronic resource]. URL: <https://godliteratury.ru/amp/articles/2015/11/16/bolshe-chem-literatura> (access date: 25.10.2021).
4. Bogoslovskaya Z.M. Dialect variantology. Tomsk: Publishing house of TPU, 2005. 271 p.
5. Burdukovsky E. Angara is promised “infill development”. October 15, 2021 [Electronic resource]. URL: <http://www.plotina.net/angare-obeshhayut-tochechnuyu-zastrojku/#more-5007>
6. Burlaku S. Lingonberry blossoms over Boguchanka // Photo-blog of Sergey Burlaku [Electronic resource]. URL: <https://gnkk.ru/articles/fotoblog-sergeya-burlaku-cvetet-brusn/> (access date: 25.10.2021).
7. Vasiliev A.D., Barilovskaya A.A. Variability of actualization of the concept “patience” // Actual problems of humanitarian and natural sciences. 2009. No. 2. C. 96–99.
8. Volkova Y.A., Panchenko N.N. Discursive variation of destructive emotion concepts // Bulletin of PFUR. Ser. of Linguistics. 2018. Vol. 22, No. 1. P. 175–194.
9. Vorkachev S.G. Axiological variability of the linguocultural concept // Scientific-methodical electronic journal “Concept”. 2015. Vol. 13. P. 1636–1640. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85328.htm>
10. Gak V.G. Language Transformations. Moscow: School “Languages of Russian culture”, 1998. 768 p.
11. Glinkina L.A. Variability as a scientific object in Russian linguistics // Linguistics at the end of the twentieth century: results and prospects: Abstracts of an international conference. Moscow: Philology, 1995. Vol. 1. P. 126–128.
12. Gorbachevich K.S. Word variation and linguistic norm. Leningrad: Nauka, 1978. 238 p.
13. “Green” energy of clean water // Komsomolskaya Pravda. 2021. March 31 [Electronic resource]. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/27259/4390438/> (access date: 25.10.2021).
14. Kolotov A. Safety of Boguchanskaya HPP: questions remain. 2011. July 31 [Electronic resource]. URL: <http://www.plotina.net/boges-kolotov/> (access date: 25.10.2021).
15. Konyaeva E.V. Content and Variation of the Ideological Concept “Friendship of Peoples” // Political Linguistics. 2015. No. 2 (52). P. 190–198.
16. Kryuchkova N.V. Discursive variation of concepts // Bulletin of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University. 2009. No. 4. P. 271–276.
17. Saveliev P. Time of clean energy // Delovoy kvartal. 20.09.2021 [Electronic resource]. URL: <https://krasnoyarsk.dk.ru/news/237156753> (access date: 24.10.2021).
18. Semenova N.S. Genesis of the concept of “linguistic variability”, objectivization of variability in mass-media discourse / Foreign language and culture in the context of education for sustainable development. International collection of scientific and methodical articles. Pskov: LOGOS Plus, 2018. Is. 8. P. 221–229.
19. Solntsev V.M. Variability as a general property of the linguistic system // Problems of linguistics. 1984. No. 2. P. 31–42.
20. Stepanov G.V. On the peculiarities of linguistic variation // Theory of Language. Anglistics. Celto-linguistics: collection of essays. Moscow: Nauka, 1979. P. 125–133.
21. Stepanov Y.S. Constants: Dictionary of Russian Culture. Moscow: Academic Project, 2001. 990 p.
22. Sternin I.A. Variability of structural organization of concepts // Language and national consciousness: Interuniversity scientific collection. Voronezh, 2007. P. 7–13.

23. Flagship Project: Top 5 Economic Trends on the Example of Boguchanskaya HPP // Delovoy kvartal. 27.03.2020. URL: <https://krasnoyarsk.dk.ru/news/flagmanskiy-proekt-top-5-ekonomicheskikh-trendov-na-primere-boguchanskoy-ges-237133942> (access date: 25.10.2021).
24. Froumkina R.M. Does modern linguistics have its own epistemology? // Language and science of the late 20th century / Ed. by S. Stepanov. Moscow: Russian State University for the Humanities, 1995. P. 74–117.

About the author

Felde Olga Viktorovna – DSc (Philology), Professor, Department of Russian Language and Speech Communication, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: Feldeo@list.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-16-4-93>

УДК 81-23

КОНЦЕПТ «РОДНАЯ ЗЕМЛЯ» В РЕГИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ В КОНТЕКСТЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Ю.В. Щурина, М.В. Вырупаева (Чита, Россия)

Аннотация

В статье представлены результаты лингвистического ассоциативного цепочечного эксперимента по выявлению ассоциативного поля базового концепта отечественной культуры «родная земля». В эксперименте приняли участие 609 респондентов – жителей Забайкальского края. Исследование представляет интерес, в том числе с учетом приграничного расположения региона, его полиэтничности и поликонфессиональности. Результаты эксперимента позволяют выявить, помимо общих когнитивных смыслов и их пропорций, языковых репрезентаций и реакций на них, определенные региональные особенности миромоделирования.

Ключевые слова: *концепт, родная земля, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, региональная специфика концептов.*

Постановка проблемы. Специфика русской языковой картины мира обусловлена рядом этнокультурных доминант, в котором, по мнению В.Н. Телия, особенно широко представлен концепт «patria» – родина, родина-мать, родные края, отчизна и др. [Макшанцева, 2021, с. 15].

Одним из базовых концептов отечественной культуры, обозначенных исследователями как «константы» (Ю.С. Степанов) или «опорные точки менталитета», «опорная сеть коренных понятий национальной культуры, существующая вне времени и пространства» (В.В. Колесов), является концепт «родная земля» [Степанов, 1997; Колесов, 2019], который в сознании носителей русского языка предстает как культурно-специфичный, т.е. наиболее разработанный в языке и культуре, семантически и семиотически нагруженный.

Описание ассоциативного поля концепта «родная земля» в контексте отдельного региона представляет определенный исследовательский интерес еще и потому, что наименование данного концепта не вошло в перечень слов-стимулов при составлении действующих ассоциативных словарей. В то же время в первом из отечественных ассоциативных словарей, Словаре ассоциативных норм русского языка под редакцией А.А. Леонтьева (далее – САНРЯ), отмечено, что самой частотной реакцией на слово-стимул «земля» является прилагательное «родная», такую ассоциацию при проведении эксперимента для подготовки материалов САНРЯ выдал практически каждый десятый опрошенный – 9,1 % [САНРЯ, 1977].

Избранный в рамках данного исследования метод ассоциативного эксперимента позволяет судить об особенностях функционирования языкового сознания,

обычно не осознаваемых носителями языка и не выявляемых другими способами исследования [САС, 2004, с. 4]. Специфика массового ассоциативного эксперимента заключается в превращении индивидуальности в коллективную, или усредненную, языковую личность, что позволяет говорить о неких нормах, свойственных той языковой общности, к которой эта личность принадлежит [Чурилина, 2008, с. 220].

Целью настоящего исследования являются выявление разнообразных ассоциативных связей, возникающих при предъявлении в качестве стимула словосочетания «родная земля», выражающего один из базовых концептов русской культуры, классификация полученного лексического материала, установление частотности реакций и определение базовых и региональных особенностей репрезентации концепта в сознании жителей приграничного региона. Е.И. Горошко считает, что именно ассоциативные связи являются дифференцирующими параметрами гендера, возраста, уровня и направленности образования, условий жизни и стресс-фактора [Горошко, 2003]. В данном случае одним из важных ассоциативнообразующих параметров оказываются условия проживания в полиэтническом и поликонфессиональном регионе.

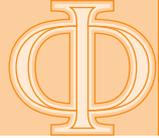
Методика экспериментального исследования. К экспериментальным методикам, частотным в когнитивных исследованиях, относится ассоциативный эксперимент. Сейчас он все чаще используется в лингвистических исследованиях, оказываясь особенно удобным при изучении когнитивных, лингвокультурологических и психолингвистических проблем [Горошко, 2001].

Вообще под ассоциативным экспериментом понимают прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в результате использования его предшествующего опыта [Горошко, 2005]. Среди трех обычно выделяемых типов ассоциативных экспериментов (свободный, направленный, цепочечный) для описываемого исследования был избран метод лингвистического цепочечного эксперимента, в условиях которого респонденту предложено не откликнуться одним словом, а выстроить цепочку ассоциаций, что позволяет установить последовательное разворачивание мысли, где первое слово-отклик на слово-стимул несет наиболее важный смысл, а вторичные отклики подкрепляют и обогащают первую реакцию.

Некоторые авторы, в частности А.А. Леонтьев, считают цепочечный (цепной) ассоциативный эксперимент разновидностью свободного [САНРЯ, 1977, с. 5–6], а иногда определяют как эксперимент с продолжающейся реакцией [Там же, с. 18].

Участниками проведенного в рамках исследования эксперимента стали 609 жителей Забайкальского края разной возрастной принадлежности и уровня образования. Среди респондентов выделены следующие группы:

1) возрастная категория 15–16 лет, проживают в сельской местности, получают среднее профессиональное образование (студенты ГПОУ «Приаргунский государственный колледж») – 100 респондентов;

2) возрастная категория 16–19 лет, проживают в городе, получают среднее профессиональное образование (студенты Колледжа агробизнеса «Забайкальского аграрного института» – филиала ФГБОУ ВО «Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского») – 71 респондент;

3) возрастная категория 19–21 год, проживают в городе, получают высшее образование (студенты ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», «Забайкальского аграрного института» – филиала ФГБОУ ВО «Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского») – 338 респондентов;

4) возрастная категория старше 31–65 лет, проживают в городе, имеют преимущественно высшее образование – 100 респондентов.

Эксперимент проводился методом письменного анкетирования. Испытуемым было предложено написать первые пришедшие на ум несколько слов, возникших в их сознании в качестве ассоциативного ответа на предъявленное словосочетание «родная земля», без ограничения формальных или семантических особенностей слов. В соответствии с требованиями к проведению эксперимента время порождения ассоциаций было ограничено с целью получения от испытуемого нескольких ассоциаций на один заданный стимул в короткий промежуток времени. Всего получено 1367 реакций, 580 из них – это первые ассоциации в цепочке.

Результаты эксперимента. Ведущая группа полученных ассоциаций объединена нами по принципу указания на место: так, *родная земля* – это там, где. Следует отметить, что респонденты активно используют комбинации всех трех грамматических значений категории глагольного времени, связывая слово-стимул не только с прошедшим и настоящим временем, но и – пусть реже – с будущим.

В табл. 1 приведены ассоциации подобного типа (в скобках указана частотность совпадений).

Таблица 1

1. Прош. вр.: Где родился (5); место, где родился (3); где родился и вырос там, где родился (2); где вырос; где провел свою жизнь; где родился человек; где родился, где вырос; дом, где вырос; место, где я родился и вырос; где я выросла; где ты родился; поселок, где родился; поселок, в котором родился; там, где мы родились, выросли; там, где родилась (1)
2. Прош. вр. + наст. вр.: Где мы живем и родились; место, где я родился и живу; там, где мы живем, выросли (1)
3. Наст. вр.: Где живешь; где живут твои родные; где мы живем; где ты живешь; там, где живешь и ходишь; край, где работаю; на которой я живу; там, где ждут; там, где ты живешь и ходишь (1)
4. Прош. вр. + наст. вр. + будущ. вр.: Где родился, живешь и будешь жить (1)

Верхний, актуальный на данной стадии его существования слой концепта «родная земля» определяют следующие семантические реакции (в скобках указана частотность совпадений в позиции первой, самой сильной ассоциации в цепочке): *дом* (114), *родина* (107), *деревня* (24), *Россия* (17), *любовь* (12), *мама* (11), *любимая* (9), *Чита* (9), *Забайкалье* (8), *патриотизм* (7), *семья* (7).

Другие полученные ассоциации представлены в табл. 2 (в скобках указана частотность совпадений).

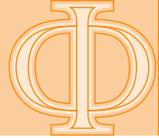
Таблица 2

Позиция в цепочке	Слово-реакция
Первая	Малая родина, мать (7); родители (6); планета (5), земля, край, отчизна, поле, тепло (4); газета, жизнь, красивая, моя, отечество, поселок, прекрасная, просторы, село, страна (3); близкие люди, гордость, детство, друзья, душа, коровы, лес, луна, люди, мой родной дом, патриот, Приаргунск, природа, радость, речка, родной дом, родные, руки, свой дом, сила, сказки, спокойствие, уют, хлеб, цветы (2); 3 сентября, бабушка, березы, близкое, богатство, большая, бред, вода, военком, воспоминания, город, город детства, горы, грусть, Домна, дорога, Забайкальск, запах, запах травы, запоминающаяся, защита, защищать, Ингода, как приятно вернуться, картошка, корень, красный, красота, круглая, лиственница, любимые места, матушка, Мексика, место силы, мила, мир, мое, моя земля, моя родина, надежность, на...лова, народная, наша земля, наша планета, нерчинская, ничто, ностальгия, облечение, Опытная, ответственность, отец, отчий дом, пашем, переезд, печь, плоская, покой, поля, привычка, приносящая плоды, пустота, работа, растения, родился, родился и вырос, родимая, родина малая, родина моя, родина-мать, родная, родное место, родной воздух, родной город, родня, Русь, рядом, свобода, свое место, священная, сенокос, силушка богатырская, собственность, солнце, сосны, сторонка, территория, тетрадь, учебник, хорошо, Целиноград, человек, чиновник, шар, Шолохов (1)

Выявленные реакции позволяют утверждать, что концепт «родная земля» действительно имеет совершенно иное содержательное наполнение, нежели концепт «земля», самые частотные ассоциации на который зафиксированы в словарях: *родная, круглая, черная, планета, небо, люди, вертится, теплая, моя* и т.д. [САНРЯ, 1977]. В то же время наблюдаются некоторые пересечения ассоциативных полей этих двух концептов. Самые частотные ассоциации-отклики представлены в табл. 3.

Таблица 3

Земля (САНРЯ)	Родная земля (эксперимент)
<i>родная</i>	<i>Дом</i>
<i>круглая</i>	<i>Родина</i>
<i>черная</i>	<i>Деревня</i>
<i>планета</i>	<i>Россия</i>
<i>небо</i>	<i>Любовь</i>
<i>люди</i>	<i>Мама</i>
<i>и люди</i>	<i>Любимая</i>
<i>сырая</i>	<i>Чита</i>
<i>вертится</i>	<i>Забайкалье</i>
<i>теплая</i>	<i>Патриотизм</i>
<i>моя</i>	<i>Семья</i>

Как видим, в приядерной зоне концептов совпадений не обнаружено, в то же время общими периферийными признаками (разной степени значимости и их оценивания респондентами) являются: *планета, люди, моя, плодородная, луна, вода, поле, Родина, мать, трава, цветы, воздух, дорога, тепло, весна, деревня, колхоз, солнце, страна, хлеб, воля, город, жизнь, моя любимая, Россия, руки, хорошо.*

Следует отметить особую эмоционально-оценочную составляющую среди откликов на стимул «родная земля» в рамках проведенного эксперимента: *как приятно вернуться; желание туда съездить; тебя тянет всегда туда; там, где ждут.*

Заметим, что, составляя основу мыслительной деятельности, ассоциативные реакции являются последовательным процессом, когда одна ассоциация влечет за собой другую, а новое знание вызывает следующую. Связанные вместе ассоциативные узлы образуют ассоциативную сеть, смысловое поле [Сычугова, 2012, с. 37].

Основанием для классификации лексического материала при проведении ассоциативного эксперимента служат направления ассоциирования или направления движения мысли коллективного субъекта, отражающие различные грани концепта как целостного образования [Чурилина, 2008, с. 221].

Наибольшее количество продуктивных цепочек выявлено нами в связи с ассоциативным узлом **родная земля – дом**, а именно: *дом – деревня – родители; дом – мама – папа; дом – природа – родители; дом – семья – родина; дом – уют – тепло; дом – родители – уют; дом – край – дача; дом – тепло – цветы; дом – озеро – деревня; дом – люди – родные; дом – родина – отечество; дом – ценность – семья; дом – огород – деревня; дом – родина – счастье.*

Ассоциативная связка **родная земля – родина** реализуется следующими цепочечными реакциями: *родина – дом – родители; родина – дом – природа; родина – леса – поля; родина – мать – отчизна; родина – душа – тепло; родина – земля – природа; родина – красный – трава; родина – дом – любовь; родина – имущество – демократия.*

Частотная реакция **родная земля – деревня** также является одной из ключевых в нашем исследовании. Она представлена следующими цепочками: *деревня – огород – степь; деревня – спокойствие – мама; деревня – родной дом – мама; деревня – дом – хорошее место; деревня – сенокос – бабушка.*

Примечательно, что ассоциативный узел **родная земля – Россия** малопродуктивен: цепочечные реакции неполные, представлены по большей части лишь двумя словами, что может свидетельствовать о том, что респондент ощущает некую завершенность, целостность своего ответа и не нуждается в продолжении ассоциативного ряда. Выявленные в результате эксперимента полные цепочки (всего три) таковы: *Россия – мать – село; Россия – спокойствие – умиротворение; Россия – Могоча – улица.*

Ассоциативная связка **родная семья – любовь**, напротив, оказывается весьма продуктивной, преимущественно с точки зрения разнообразия ассоциативного ряда: *любовь – детство – воспоминания; любовь – дом – вера; любовь – люди – душа; любовь – нежность – привязанность; любовь – забота – нет печали.*

Ассоциативный узел **родная земля – мама** представлен следующими откликами: *мама – кровь – родина; мама – сестра – семья; мама – вкусно – радость; мама – родной дом – любимые места; мама – любимые места – воспоминания из детства.*

При оценке продолженной реакции **родная земля – любимая** выявлены следующие ассоциативные ряды: *любимая – далекая – теплая; любимая – красивая – богатая; любимая – лучшая – дом; любимая – уважаемая – прекрасная.*

Локально маркированные ассоциативные узлы **родная земля – Чита** и **родная земля – Забайкалье** представлены цепочками: *Чита – Забайкалье – Россия; Чита – мама – солнце; Чита – Россия – богатыри* и *Забайкалье – родители – друзья; Забайкалье – дом – родители; Забайкалье – дом – мама; Забайкалье – природа – культура.*

Продолжение ассоциативной цепочки **родная земля – патриотизм** обусловлено следующими ассоциативными рядами: *патриотизм – водка – медведь; патриотизм – планета – родина; патриотизм – семья – детство.*

И наконец, ассоциативный узел **родная земля – семья**, также выделяемый нами в числе самых частотных по результатам проведенного эксперимента, сформирован цепочками последовательных ассоциаций: *семья – деревня – родина; семья – дом – радость; семья – друзья – земля.*

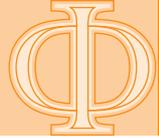
Компоненты концепта «родная земля» уже были описаны через текст М.М. Пришвина, где выделены: *боль за свою землю; естественное богатство; сама земля; родной человек; природа, увенчанная родным словом.* Именно таким образом, по Ю.С. Степанову, концепт «родная земля» существует в русском менталитете нашего времени [Степанов, 1997, с. 510]. Отметим компоненты, актуализированные проведенным исследованием.

«Родной человек» – *бабушка, близкие, близкие люди, друзья, любимый, матушка, мать, отец, папа, родители, родственники, сестра, соседи.* Как уже было отмечено, две из полученных реакций – *мама* и *семья* – входят в число самых частотных откликов на слово-стимул.

«Боль за родную землю» выражается такими ассоциациями, как *грусть, душа, ничто, ностальгия, бред, пустота, распроданность, тоска* и даже (возможно) – нелитературным грубо просторечным *на...лова.*

Компонент «природа» несет номинативное и констатирующее содержание: *березы, вода, запах травы, лес, лиственница, природа, растения, речка, цветы, озеро, осенний лес, радуга, черемуха, голубое небо, солнце, дождь, ромашки, сосны, трава, туман;* «природа, увенчанная родным словом» – *родной воздух.*

Анализ русской лексики, по мнению А.Д. Шмелева, показывает, что одним из мотивов, специфичных именно для русского видения мира, является «русские пространства», «пространственная беспредельность» [Шмелев, 2002, с. 69]. Данный мотив – *просторы*, отмечен и среди слов-реакций на стимул «родная земля», он начинает такие цепочки, как: *пашня – голубое небо; солнце – патриотизм; природа – лес;* с учетом географических особенностей региона *просторы* активно подкрепляются ассоциациями *степь, степи.*

«Понятия „земля” и „свобода” неразрывно связаны друг с другом, самозабвенно можно петь лишь там, где ты обрел жизнь, то есть на родной земле», отмечают исследователи [Намруева, 2008, с. 87], так, ассоциативный отклик *свобода* занимает первую позицию в цепочке: *свобода – мир – небо*.

Исследователи отмечают, что наиболее частотные ответы весьма мало подвержены влиянию социально-профессиональных, культурных, половозрастных факторов [Чурилина, 2008, с. 218], в то же время каждый концепт может быть по-разному расшифрован в зависимости от ситуационного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя [Лихачев, 1993, с. 5].

При условии совпадения апперцепционной базы исследователя и респондента, т.е. при наличии необходимых предварительных знаний об истоках формирования той или иной ассоциации конкретного индивидуума, можно с определенной долей уверенности описать принцип ассоциирования, а иногда сделать вывод о некоторых обстоятельствах жизни респондента. Например, в случае выявления ассоциативной связки *родная земля – газета* в нашем исследовании, можно утверждать, что испытуемый имеет отношение (жил / живет / бывает там) к территории Калганского района, где на протяжении многих лет издается районная газета под названием «Родная земля». Большинство же уникальных (нечастотных) ассоциаций остаются неподвластными глубокому анализу без сведений, полученных от самого респондента: *Мексика, радиостанция, штамп, чиновник, 3 сентября* и т.п.

«Родная земля» в контексте забайкальского приграничья предсказуемо ассоциируется с микротопонимами региона: *Домна, Забайкальск, Ингода, Опытная, Приаргунск* (в позиции первой реакции); *Акша, Могоча, Олочи, Приаргунск, Хохотуй* (в позиции второй реакции).

Интересна и роль антропонимов и литературных онимов: нами зафиксированы ассоциации, связанные с реальными личностями (*Есенин, Путин, Шолохов*), в ассоциативных цепочках: *деревня – Есенин – уголок; газета – Россия – Путин; Шолохов – гордость – Россия*; и с прецедентными текстами (*Раскольников, «Три богатыря»*) в ассоциативных цепочках: *патриотизм – родина – Раскольников и дом – деревня – «Три богатыря»*.

Некоторая архаичность концепта подчеркивается такими ассоциациями, как *былины, колхоз, крестьяне, легенды, сказки, силушка богатырская*. В целом преобладают позитивные эмоционально-оценочные реакции: *место силы – солнце – любовь*.

Особое значение концепт «родная земля» приобретает с учетом полиэтничности и поликонфессиональности Забайкальского края. На территории региона сложилась своеобразная этническая ситуация – здесь проживали и проживают различные этносы: эвенки, буряты, русские, в т.ч. этнокультурные группы казачества, представляющие первых русских поселенцев в регионе, и группы старообрядцев, переселившихся в свое время из различных районов России [Пляскина, 2019]. Уникальная этническая ситуация способствовала формированию

определенного типа местного населения, осознающего свою региональную идентичность [Лиханова, 2019, с. 133].

Тем самым объективно сложившиеся общественные условия, культурные и исторические традиции региона оказывают влияние на функционирование опорных концептов и на формирование концептов, локально и/или регионально маркированных (*багульник, гуран, Сагаалган*).

Имеет значение и приграничное положение региона. В рамках проведенного исследования важно, что ассоциативный узел *родная земля – дом* (как уже отмечалось, это самая частотная ассоциация в эксперименте) представлен цепочкой *дом – священные места – обоо*. Обоо (или обО) (монг. *овоо*, бур. *обоо*, хак. *обаа* «куча, груда, насыпь») – культовые места в культуре монголов, бурят и других тюрко-монгольских народов (Забайкальский край граничит с Монголией, вторым по численности представлено бурятское население, край является объединенным субъектом (Читинская область и Агинский Бурятский автономный округ)).

Также важно отметить значительное число реакций, обусловленных цепочкой *родина – дом – защитит*, например: *вечный огонь, война, война с иноземцами, защита, кровь, оборона, беречь* и т.п. Во всех трех позициях реакций на слово-стимул зафиксированы словоформы *отечество, отчизна, патриотизм*.

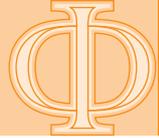
Заключение. Экспериментальное исследование показало, что верхний, наиболее актуальный слой концепта «родная земля» определяют как общие (*дом, родина, деревня, Россия, любовь, мама, любимая*), так и регионально обусловленные семантические реакции (*Чита, Забайкалье*); наибольшее количество продуктивных цепочек выявлено в связи с ассоциативным узлом *родная земля – дом*. Исследование актуализировало основные компоненты концепта «родная земля», среди которых «боль за родную землю», «родной человек» и «природа».

Проведенный нами лингвистический ассоциативный эксперимент по доминантным смыслам концепта «родная земля», помимо установленных ранее когнитивных смыслов и их пропорций, языковых репрезентаций и реакций на них, выявил региональные особенности миромоделирования, заключающиеся в имплицитном содержании концепта, выраженном смыслами **многонациональность** региона, **святость** территории и необходимость ее **защиты**.

Полученные в результате эксперимента материалы можно рассматривать как основу специфического для данного региона «ассоциативного профиля» и считать отправной точкой для дальнейших более глубоких исследований.

Библиографический список

1. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.; Харьков: Ра-Каравелла, 2001. 320 с.
2. Горошко Е.И. Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. Вып. 3. С. 53–61.
3. Горошко Е.И. Языковое сознание – опыт ассоциативного анализа // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: тез. XIV Межд. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29–31 мая 2003 г. М., 2003. С. 3–9.

4. Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.
5. Лиханова Н.А. Репрезентация «регионально маркированного концепта» по данным лексикографических источников // Язык в различных сферах коммуникации: матер. III Международной научной конференции / сост. Т.Ю. Игнатович, Ю.В. Биктимирова. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 132–136.
6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.
7. Макшанцева Н.В. Русская языковая картина мира как ментальная репрезентация русской культуры // Освоение семантического русского языка иностранцами: сб. матер. Международной научно-практической онлайн-конференции. Нижний Новгород, 2021. С. 14–21.
8. Намруева Л.В. Родная земля – эмоционально-образная составляющая этнической идентичности (на примере калмыков) // Вестник института комплексных исследований аридных территорий. 2008. № 2. С. 87–90.
9. Пляскина Е.И. Историко-этнографический очерк диалектного слова «гуран» // Язык в различных сферах коммуникации: матер. III Международной научной конференции / сост. Т.Ю. Игнатович, Ю.В. Биктимирова. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 145–154.
10. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004. 800 с. (САС).
11. Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. М.: Изд-во Московского университета, 1977. 192 с. (САНРЯ).
12. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
13. Сычугова Л.П. Метод ассоциативного // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 1–2. С. 37–40.
14. Чурилина Л.Н. Концепт «любовь» как фрагмент коллективной и индивидуальной картины мира: ассоциативный аспект // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л.Н. Чурилина. М.: Флинта: Наука, 2008. 416 с.
15. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: матер. к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

Сведения об авторах

Щурина Юлия Васильевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка и методики преподавания, Забайкальский государственный университет (Чита); e-mail: shchurina@inbox.ru

Вырупаева Мария Викторовна – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания, Забайкальский государственный университет (Чита); e-mail: shchurina@inbox.ru

DOI: <https://DOI.ORG/10.25146/2587-7844-2021-16-4-93>

THE “NATIVE LAND” CONCEPT IN THE REGIONAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF THE TRANS-BAIKAL BORDER

Yu.V. Shchurina, M.V. Vyrupeva (Chita, Russia)

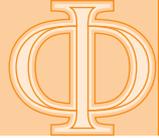
Abstract

The article presents the results of a linguistic associative chain experiment to identify the associative field of the basic concept of Russian culture – “Native Land”. Residents of the Trans-Baikal Territory participated in the experiment. The study is of interest because of the border location of the region, its polyenticity, and polyconfessional nature. In addition to general cognitive meanings and their proportions, the results of the experiment allow us to identify language representatives and reactions to them, certain regional peculiarities of the world modeling.

Keywords: *concept, native land, associative experiment, associative field, regional specificity concept.*

References

1. Goroshko E.I. Integrative model of a free associative experiment. Moscow; Kharkov: Ra-Karavella, 2001. 320 s.
2. Goroshko E.I. Problems of conducting a free associative experiment // Izvestia Volgograd State Pedagogical University. 2005. Vol. 3. P. 53–61.
3. Goroshko E.I. Language consciousness: Well-minded and controversial: Tez. XIV intercourse Symposium on psycholinguistics and theory of communication. Moscow, 29–31 May 2003. Moscow, 2003. P. 3–9.
4. Kolesov V.V. Fundamentals of Conceptology. Saint Petersburg: Zlatoust Publ., 2019. 776 p.
5. Likhanova N.A. Representation of a “regional marked concept” according to lexicographic sources: Language in various fields of communication: materials III of the International Scientific Conference / Ed. by T.Yu. Ignatovich, Yu.V. Bictimirova. Chita: TSU, 2019. P. 132–136.
6. Likhachev D.S. Constructosphere of the Russian language // Izv. An. A series of literature and language. 1993. Vol. 52, No. 1. P. 3–9.
7. Makshantseva N.V. Russian language picture of the world as a mental representation of Russian culture: The development of the semantic Russian language foreigners. Collection of materials of the International Scientific and Practical Online Conference. Nizhny Novgorod, 2021. P. 14–21.
8. Namrueva L.V. Native Earth is an emotional-shaped component of ethnic identity (on the example of Kalmykov) // Bulletin of the Institute of Complex Studies of Aridic Territories. 2008. No. 2. P. 87–90.
9. Plyaskina E.I. Historical and ethnographic essay of the dialectal word “Guran”: Language in various fields of communication: materials III of the International Scientific Conference / Ed. by T.Yu. Ignatovich, Yu.V. Bictimirova. Chita: TSU, 2019. P. 145–154.
10. Slavic Associative Dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian / N.V. Ufimseva, G.A. Cherkasova, Yu.N. Karaulov, E.F. Tarasov. Moscow, 2004. 800 p.
11. Dictionary of associative norms of the Russian language / Ed. by A.A. Leontiev. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1977. 192 p.
12. Stepanov Yu.S. Constants: Dictionary of Russian Culture. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2004. 992 p.

13. Sichuhgova L.P. Association // Bulletin Method of Vyatka State University, 2012. No. 1–2. P. 37–40.
14. Churilina L.N. The concept of “love” as a fragment of a collective and individual painting of the world: Associative aspect: Actual problems of modern linguistics / Ed. by L.N. Churilina. Moscow: Flint: Nauka, 2008. 416 p.
15. Shmelev A.D. Russian Language Model of the World: Materials for the dictionary. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2002. 224 p.

About the authors

Shchurina Yulia Vasilievna – PhD (Philology), Head of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Transbaikal State University (Chita, Russia); e-mail: shchurina@inbox.ru

Vyrupaeva Maria Viktorovna – Post-Graduate Student, Russian Language and Teaching Methodology Department, Transbaikal State University (Chita, Russia); e-mail: shchurina@inbox.ru

DOI: <https://DOI.ORG/10.25146/2587-7844-2021-16-4-94>

УДК 821

СИБИРСКАЯ СТЕПЬ В ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ МОДЕРНА (КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ – МАРИНА ЦВЕТАЕВА)

С.Ю. Корниенко (Новосибирск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Проблематика статьи обращена к способам культурного освоения в русском модернизме обширных сибирских степей, способам преодоления культурной энтропии.

Цель статьи – описание параметров «степных» текстов М. Цветаевой и К. Бальмонта, выявление их культурной генеалогии.

Обзор научной литературы по проблематике связан с решением конкретных задач: выявлением способов авторизации сибирского текста в поэтике конкретного автора (работы А. Смит, Е. Коркиной, В. Мароши и др.).

Результаты исследования. Статья посвящена сибирским текстам К. Бальмонта и М. Цветаевой. В сборнике Бальмонта «Голубая подкова. Стихи о Сибири» переживание сибирских степей выстраивается вокруг концептов «дали», «шири», «свободы», в принципе характерных для поэзии Бальмонта. В поэме Цветаевой «Сибирь» степная тема возникает дважды: в экспозиции поэмы, а также во второй части (образ Барабинской степи). Источниками цветаевской степной образности может считаться своеобразно прочитанное ею блоковское «скифство», непосредственный эмпирический опыт переживания крымских степей, а также увлеченность в момент написания поэмы евразийской теорией.

Выводы. Пространственная энтропия не становится для художника модернистской формации препятствием в культурном освоении пространства, каждый поэт создает собственный образ сибирских степей исходя из доступного поэтического инструментария, синтезируя творческие методы.

Ключевые слова: *сибирский текст, степная тема, Цветаева, Бальмонт, поэма «Сибирь», сборник «Голубая подкова. Стихи о Сибири».*

Постановка проблемы. Западно-Сибирская равнина, и локально Барабинская степь, по сравнению с прочими сибирскими локусами оставалась к началу XX в. эстетически неосмысленной и неосвоенной, так как культурная колонизация значительно опаздывала по сравнению с колонизацией политической. Обширная земля, расположенная в междуречье между Иртышом и Обью (Обской бассейн), по которой был проложен Сибирский тракт, а в 1910-е гг. XX в. железнодорожный Великий Сибирский путь, неминуемо преодолевалась любым путешественником, стремящимся в Японию и Китай, к сокровищам и рудникам Восточной Сибири, а также в сибирское «эльдorado» (Н. Ядринцев) – плодородный Алтай. Однако транзитный характер, протяженность и энтропичность пространства сопротивлялись его культурному освоению.

Неустойчивость и противоречивость сибирского текста, в котором сливались идея вольной жизни на свободной земле и рабского труда на вечной каторге, должны были привлекать поэтов-модернистов новыми возможностями письма, но сибирская тема в творчестве российских писателей так и не освобождается от предсказуемых штампов и клише. Для абсолютного большинства литераторов отдаленная Сибирь предстает в качестве виртуального пространства (фантазийной «возможной Россией»), объектом для поэтического визионерства и мрачных пророчеств по поводу собственного будущего. В этой же логике литературного колониализма осваиваются и обширные сибирские степи. *Целью* нашей статьи является описание стратегий поэтического освоения сибирских степей двумя поэтами-модернистами: символистской и постсимволистской генеалогии.

Результаты исследования, обзор научной литературы по теме, методология работы определяются материалом исследования. Наиболее показательным в предмодернистский период является опыт Чехова, проехавшего по Барабинской степи по пути на Сахалин (туда и обратно). Майские впечатления 1890 г. представлены в личных письмах писателя и путевых заметках (очерк «Из Сибири»). Чехов переживает сибирскую равнину как «сплошную безотрадную пустыню», начинающуюся от Екатеринбурга и заканчивающуюся «черти где» – пустоту, по которой бродит «лихой человек» [Чехов, 1976, с. 76–78]. Очевидной сибирской бедой, по Чехову, являются холод и чиновники, развращающие крестьян и ссыльных, без которых Сибирь была бы богатейшей и счастливейшей землей. Любопытно, что размышления о богатстве/сокровищах, прежде всего человеческих (так, сибирские татары аттестуются писателем как «люди хорошие» – «лучше русских»), возникают у Чехова на фоне острых переживаний пространственной энтропии [Там же, с. 82]. Чеховская оптика удивительно конгениальна пространственной формуле России Андрея Белого. Герой романа «Петербург» Аполлон Аполлонович Аблеухов путешествует в Японию чеховским маршрутом и видит уже не столько Сибирь, а всю Россию как «ледяную равнину, по которой много сот лет, как зарыскали волки...» [Белый, 1981, с. 78].

Среди немногих классиков русского модернизма, посетивших сибирские земли, особо выделяется самый путешествующий поэт-символист Константин Бальмонт. В Сибири поэт побывает дважды: в 1915 г. он доедет до Омска, где жил его родной брат Михаил, а уже в следующем 1916 г. будет задумана и осуществлена поездка по недавно завершеному Великому Сибирскому пути. Сибирская программа 1916 г. (выбор городов для выступлений, посещение природных достопримечательностей) полностью подчиняется задачам транзита. Поэтом Бальмонт даст концерт в молодом, но амбициозном сибирском городке Новониколаевске (будущей столице Сибири – Новосибирске) и в конечном итоге проедет мимо воспетого поэтами и запечатленного художниками Алтая, отдаленного от основного вектора путешествия.

Уже в эмиграции, в 1935 г., Бальмонт издаст небольшую книгу стихов «Голубая подкова. Стихи о Сибири» [Бальмонт, Цветаева, 2019]¹, куда частично войдут

¹ Здесь и далее стихотворения К. Бальмонта приводятся по этому изданию.

стихотворения, написанные в поезде на обратном пути из Японии и несущие отблеск дневниковых впечатлений и переживаний разнообразных сибирских мест (Амур, Байкал, горящая тайга), мелькающих за окнами вагона и всплывающих в памяти лирического героя. Например, стихотворение «Тайга» с эффектным метафорическим образом разбушевавшейся огненной стихии как космогонического действия («огнистых змеев льется пенье») имеет датирующую запись «Подъезжая к Омску, 29 мая», когда забайкальская тайга осталась далеко позади и поэт опять, как и по дороге туда, «утопал» в «каких-то бесконечных далях» обширной Западно-Сибирской равнины. «Катя милая, – пишет Бальмонт своей бывшей жене Е. Андреевой-Бальмонт, – я утопаю в каких-то бесконечных далях. Ехали две ночи и три дня, буду ехать еще третью ночь и лишь утром приеду в Новониколаевск. Впервые узнаю не мыслью, но ощутительно-телесно, как непомерно велика Россия...» [Андреева-Бальмонт, 1997, с. 478].

«Голубая подкова» в части стихотворений 1916 г. выстроена как позднесимволистская книга, наполненная «бальмонтизмами» – поэтическими формулами и клише, в принципе характерными для поэзии Бальмонта. Стихотворение «Вскрытие льда» читатель начала XX в. легко прочитывал через узнаваемые метафоры творчества, включающие как дионисийские («вино, / пьяная брага», «пьянственный хмель»), так и аполлонические («музыка снов») компоненты. Причудливый синтез бодлеровско-гюисмансовского образа «леса как собора» с древнерусской легендой о невидимом граде Китеже можно увидеть в стихотворении «Над Байкалом». А в московском «Оконце» образ «довременной Сибири» неожиданно возникает как тень, воспоминание, ментальная проекция в духе платоновского мифа о Пещере.

Письма Бальмонта, которые он писал своей жене во время сибирских путешествий 1915 и 1916 гг., передают внутреннюю конфликтность его Сибири. «Тишина, снег и ледяные узоры», «бесконечные дали», открытие Сибири как «солнечной страны» [Там же, с. 480] – подобные формулы как способ переживания пространства формируют позитивную программу его впечатлений. Однако во время выступления в Новониколаевске произойдет негативный инцидент: начальница местной женской гимназии запретит своим подопечным посещение концерта Бальмонта. Раздосадованный поэт выразит свой протест публикацией небольшой заметки на страницах местной газеты «Алтайское дело». Заметка начинается настоящим гимном сибирякам и Сибири, в котором свободолюбие сибиряков прямо объясняется географическим ареалом обитания («размахом пространства», максимально ощутимым именно в степи): «Я впервые приезжаю в настоящую Сибирь, – в прошлом году я был лишь в Тюмени и Омске. Мне нравится сибирская ширь и даль. Размах пространства не только чарует сам по себе, но и создает в человеческой душе ощущение свободы. И на самом деле, сибиряки в общем производят впечатление более свободных людей, чем русские». Тем досаднее для поэта оказывается – на этом позитивном фоне – «пример необъяснимого и произвольного душевного рабства», проявленный начальницей гимназии [Бальмонт, Цветаева, 2019, с. 57].

Уже из Читы уставший Бальмонт, еще во время первой поездки отметивший «тяжеловесность» сибиряков, напишет: «Так страшно несоразмерны города. Иркутск, например, мне очень не понравился, что-то в нем противное, хотя публики было много. Здесь публики меньше, но я чувствую настоящих людей. Но, вообще, Сибирь не моя страна» [Андреева-Бальмонт, 1997, с. 481].

Дискуссии о Сибири – как «месте силы» / «вольной земле», с которого может начаться преобразование всей России, продолжатся и в эмиграции, в том числе на страницах близких модернистам пражских журналов – «Воля России» и «Вольная Сибирь». Марина Цветаева, в отличие от Константина Бальмонта, никогда не бывала в Сибири. В ее опыте не было ни непосредственных переживаний бескрайних сибирских пространств, ни значимых встреч с сибиряками. Однако интерес Цветаевой к сибирской истории совершенно неслучаен, он возникает во время работы над масштабным эпическим полотном – «Поэмой о Царской Семье». Большая поэма впоследствии будет утрачена, но ее обособленная часть, посвященная ярким страницам сибирской истории XVI–XVIII вв., выйдет в журнале «Воля России» в 1931 г. под названием «Сибирь».

Исторические источники «Поэмы о Царской Семье», связанные непосредственно с царской семьей, указаны Е.Б. Коркиной [Коркина, 1992]. Что же касается источников знаний Цветаевой о сибирской истории, то документальных свидетельств (указаний в письмах, тетрадях, записных книжках) не выявлено. Список возможных источников во многом носит характер допустимых, учитывая, что Цветаева пишет поэму в Медоне, пригороде Парижа и регулярно посещает Тургеневскую библиотеку, в которой был аккумулирован обширный исторический материал. Если история завоевания Сибири и первого этапа колонизации представлена и у Н. Карамзина в «Истории государства Российского», и в известном многотомном труде С. Соловьева, то сибирскую историю любимого Цветаевой XVIII в. можно узнать уже из специальных исторических исследований. Первичными источниками для многочисленных сочинений, посвященных истории Сибири, были открытые еще академиком Г. Миллером сибирские летописи XVII в. Полный свод тобольских летописей, который мог быть доступен Цветаевой, был опубликован под названием «Сибирские летописи» в 1907 г.

Остается непроясненным вопрос, читала ли Цветаева труднодоступные труды академиков XVIII в. Г. Миллера и И. Фишера, чьи фундаментальные исследования по истории Сибири станут основой для возможно ей известных изложений историков XIX в. – П. Словцова и В. Андриевича. Безусловно, поэта, пишущего историю царской семьи, должны были интересовать и краеведческие работы, посвященные городу Тобольску. Таким источником, предположительно ставшим стимулом для цветаевского поэтического и исторического визионерства (Цветаева никогда не бывала в Тобольске, как и – шире – в Сибири), удивительно совпадающим с текстом поэмы «Сибирь» на уровне многочисленных деталей, можно считать книгу публициста К. Голодникова «Город Тобольск и его окрестности» [Город Тобольск и его окрестности, 1886].

Поэма «Сибирь» двучастна: первая часть (в перспективном плане поэмы обозначена как «Сибирь воевод») представляет собой обширную зарисовку вольных нравов допетровской Сибири, во второй части явлена Сибирь XVIII в. История Сибири в век больших биографий персонифицированно представлена яркими судьбами трех губернаторов – Матвея Гагарина, Федора Соймонова и Дениса Чичерина.

Степная тема занимает важное место в структуре цветаевской поэмы. Уже в первой строфе возникает эффектный образ «кобыл степных», генерирующий необузданное движение в качестве основного экспозиционного импульса этой очевидно авангардной поэмы Цветаевой.

Казацкая, татарская
Кровь с молоком кобыл
Степных... Тобольск, «Град-Царствующ
Сибирь» – забыл, чем был?

Посадка-то! лошадка-то!
А? – шапка высока!
А шустрота под шапкой-то!
– С доставкой ясака.
[Бальмонт, Цветаева, 2019, с. 7]².

Одним из очевидных источников цветаевской степной образности является освоенное и частично присвоенное Цветаевой блоковское «скифство»³, в этом эпизоде поэмы выраженное в прямой реминисценции из хрестоматийного блоковского цикла «На поле Куликовом» («И вечный бой! Покой нам только снится / Сквозь кровь и пыль... / Летит, летит степная кобылица / И мнет ковыль...») [Блок, 1971, с. 158]. Евразиец Петр Сувчинский, входивший в близкий круг Цветаевой, в своей статье «Типы творчества (Памяти А. Блока)» сравнивал этот блоковский образ с космогоническо-эсхатологическим стихийным комплексом пушкинского «Медного всадника»: «Несущаяся кобылица – это безличное, сорвавшееся и понесшееся стихийное начало. Все несется – не только она, – и тучи, и пыль, как будто и кровавый закат тоже поднялся на гигантских крыльях!» [Сувчинский, 1922].

Вторым источником, уже следующего порядка, становятся собственные «степи», «кони» и «кобылицы»: поэтическая смертоносная «поющая» сизая степь в «Пела рана в груди у князя...» [Цветаева, 1990, с. 398–399], отсылающая к мифологеме эоловой арфы, а также метафоричная «степная кобылица – разлука» («Я вижу тебя черноокой, – разлука...»), появляющаяся в «сказочной» строфе

² Здесь и далее текст поэмы М. Цветаевой «Сибирь» дается по этому изданию.

³ О скифстве в связи с панмонгольским мифом русской литературы см. статью В.В. Мароши [Мароши, 2003, с. 48–54].

наряду с «филин-птицей» и «серым волком» [Цветаева, 1982, с. 291–292]. В цветаевском поэтическом тезаурусе степь предстает как сказочное инфернальное пространство, а также как метапоэтический универсум.

Третий источник – крымские поэтические степи (в частности, Феодосия и Коктебель), их переживание в качестве непосредственного собственного эмпирического опыта. Во многом оптику восприятия еще юной Цветаевой крымских степных пространств («земель Восточного Крыма») сформировал ее литературный наставник М. Волошин. В его эстетической логике очевидная энтропичность пространства – не ущерб, а максимальный поэтический потенциал, так как настоящая жизнь подлинного художника связывается с теми «областями на земле», которые «внушают сиротливую, безнадежную любовь к себе». По Волошину, творчество демиурга-художника, преодолевающего неизбывную тоску о Золотом веке, заключается не в «повторении, воссоздании красоты природы», а в преображении – окончании незаконченного, «наполнении пустоты, оставшейся в природе»: «Должна быть особая строгая бедность земли, чтобы пробудилось творчество и искусство получило мощную полноту и подобающий пафос. Великие рассветы искусства были созданы в бронзовой наготе скудных долин Греции, в скромной простоте долин Тосканы и в унылом однообразии римской Кампаньи» [Волошин, 2007, с. 89–90].

И наконец, степная тема – в поэтическом и политическом изводе – чрезвычайно актуальна для близкого Цветаевой евразийства. Это политическое движение во второй половине 1920-х гг. попадает в орбиту цветаевских интересов⁴. Так, евразийский альманах Версты (1926–1928) выходил с ее именем на обложке (вместе с именами Д.П. Святополк-Мирского, П.П. Сувчинского, С.Я. Эфрона, а также Алексея Ремизова и Льва Шестова). А в 1929 г. выступление Цветаевой на страницах газеты «Евразия» с небольшим приветствием – поверх барьеров – советскому поэту Маяковскому окажется триггером, обнажившим противоречия в евразийском сегменте эмигрантского политического поля⁵. Последствием внутриевразийской дискуссии станет раскол в евразийском движении на правых и левых евразийцев (к этой группе принадлежали друзья поэта, в том числе и ее муж С. Эфрон). Последние в дальнейшем поддержат сталинский политический проект, прозревая в нем «ордынский» идеал – империю восточно-деспотического типа. В симптоматичной для этого направления статье Д.П. Святополк-Мирского, написанной в канун эпохи великого перелома, конкурентное преимущество Советской России по отношению к дореволюционной «дворянско-буржуазной государственности» видится в свободе от европейского «индивидуализма и правового формализма»; сильными сторонами сталинского проекта Святополк-Мирский считает понимание государства как «власти хозяина», а также коллективизм нового типа [Святополк-Мирский, 1929, с. 2].

⁴ См. работу А. Смит и дискуссию вокруг доклада [Смит, 2002].

⁵ О евразийском расколе 1929 г. и роли в нем заметки Цветаевой см. [Шевеленко, 1994].

Цветаевский извод евразийства парадоксален. Поэт резко не принимает «ордынство» как политическую практику (раскол в евразийстве и дальнейший просоветский крен в настроениях семьи обособил позицию Цветаевой: «Все меня выталкивает в Россию, в которую я *ехать* не могу. Здесь я *не нужна*. Там я *невозможна*» [Цветаева, 2008, с. 142]⁶), однако оказывается предельно очарованной «ордынством» эстетическим. Ее евразийская фантазия выстраивается вокруг концептов «воли», «свободы», «кочевья», в эпицентре которой оказывается воображаемая вольная Сибирь XVI–XVII вв., а не империя деспотического (ордынского) типа («государственно-принудительный центр»⁷), спасение в которой определило сменовеховский вектор левого евразийства.

В актуальной для Цветаевой работе Г.П. Федотова «Три столицы» история Руси осмысливается как «вечная борьба со степью» («Диким Полем»), в столкновениях и сближениях с которой возникает «новая русская душа», а в процессе ее освоения формируется «русский характер»:

«В степях сложилось казачество (даже имя татарское), которое своей разбойной удалью подарило Руси Дон и Кавказ, Урал и пол-Азии. В степях сложился и русский характер, о котором мы говорим всегда, как о чем-то исконном и вечном. **Ширь русской натуры** и ее безволие, безудержность, **порывистость**, – и **тоска**, и тяжесть, и жестокость. Ненависть к рубежам и страсть к безбрежному. Тройка („и какой же русский не любит быстрой езды”), кутежи, **цыганские песни**, „бессмысленный русский бунт” и мученический подвиг, и **надрыв труда**»⁸ [Федотов, 1926, с. 157–158].

Для концептуальных построений евразийцев характерно уподобление русской экспансии в Сибирь походам Великих Монголов, причем единственным существенным отличием русских казаков оказывается способность колонизовать отвоеванные пространства. В статье П.М. Бицилли «„Восток” и „Запад” в истории старого света» подчеркивается, что «продвижение России в Среднюю Азию, в Сибирь и в Приамурский Край, проведение Сибирской железной дороги – все это с XVI в. и до наших дней составляет проявление одной и той же тенденции. Ермак Тимофеевич и фон Кауфман или Скобелев, Дежнев и Хабаров – продолжатели великих монголов, пролагатели путей, связующих Запад и Восток, Европу и Азию, „Та-Тзин” и Китай» [Бицилли, 1922]. А в работе П.Н. Савицкого «Степь и оседлость» вводится общее для русской и монгольской цивилизации понятие – «ощущение континента», противопоставленное европейскому «чувству моря»:

«Действием ли примера, привитием ли крови правящим, они (монголы. – С.К.) дали России свойство организовываться военно, создавать государственно-принудительный центр, достигать устойчивости; они дали ей качество – становиться могущественной „ордой”.

⁶ Курсив Цветаевой. Письмо от 25 февраля 1931 г. См. в другом письме тому же адресату: «Сергей Яковлевич совсем ушел в Советскую Россию, ничего другого не видит, а в ней видит только то, что хочет» [Цветаева, 2008, с. 166].

⁷ Понятие П.Н. Савицкого.

⁸ Полужирный шрифт наш. – С.К.

Быть может, не только это, не одну жестокость и жадность, нужно было иметь, чтобы из Внешней Монголии пройти до Киева, Офена, Ангоры и Ангкоса. Для того чтобы это сделать, нужно было ощущать по особому степи, горы, оазисы и леса, чуют дерзание безмерное. Скажем прямо: на пространстве всемирной истории западноевропейскому **ощущению моря** как равноправное, хоть и полярное, противостоит единственно **монгольское ощущение континента**; между тем в русских «землепроходцах», в размахе русских завоеваний и освоений – тот же дух, то же ощущение континента. Но монголы, в собственном смысле, не были «колонизаторами», и русские являются ими: доказательство. В ряду многих, что всецело к «монгольству» никак не свести Россию»⁹ [Савицкий, 1922].

В поэме Цветаевой образ Сибири предстает как своеобразный зверино-первобытный «рай», где не действует государев закон, но уже проникли первые русские люди. При этом Сибирь осмысливается как пространство естественного закона (беззакония – с позиции метрополии), а в русских казаках начинают максимально проявляться ордынские черты, не только на уровне «замеса кровей», но и социального поведения.

«А шустрота под шапкой-то! / – С доставкой ясака» – в этих строках Цветаева отражает исторический факт – своеобразную практику сбора ясака в период первичной колонизации, а также дикие нравы казаков, возводимые Цветаевой к их синтетической генеалогии. По обычному праву XVII в., как отмечал сибирский историк П. Словцов, «ясак, однажды взятый, влек за собой вечную обязанность подданства, сколько крат не изменили бы обясаченные. И за это правило Сибирь не щадила своей крови и устояла в правиле» [Словцов, 1838, с. 57–58]. Функция сборщиков этого вида подати была возложена на отряды казаков, нередко злоупотреблявших делегированной им властью. Для пресечений различных злоупотреблений потребовался отдельный указ Бориса Годунова, которым сборщикам налога строжайше запрещалось «брать себе на поминки, из обещаний рассрочки и возить за собою товары, для подмены рухляди (выделанных шкур животных. – С. К.) высокоценной на плохую, которую они достают за свои лоскутья» [Там же, с. 33]. В XVII в. данная проблема оставалась так и нерешенной. Обязанностями властей (по казенному управлению) было: «Казну мягкой рухляди собирать с ясачных без оплошности; не присваивать себе шкур высокой цены и не давать сборщикам пользоваться от сборов, высылая им навстречу верных людей, ко времени возвращения из волостей. Не заменять жалованья дачей рухляди, а всю сполна отправлять в Москву» [Там же, с. 48].

Еще один исторический факт, обращенный Цветаевой в поэтический образ: «Казачки женок сманенных / Проигрывали в зернь», – отражает вольные нравы допетровской Сибири. Эту поведенческую деталь из быта сибирских колонистов

⁹ Полу жирный шрифт наш. – С.К. Концепты панмонголизма в евразийском изводе, выделенные евразийцами («чувство континента» в пику европейскому «чувству моря», «страсть к безбрежному», парадоксальность и трансгрессивность), во многом почти дословно совпадают с формулами цветаевского поэтического самоописания.

XVII в. П. Словцов объясняет особой восприимчивостью казаков к различным влияниям, в том числе со стороны колонизируемых культур:

«Чувственное житье магометан и идолопоклонников, не осуждаемое ни верованиями, ни их нравами, бессемейность казаков, одиночками отправлявшихся в страну нехристианскую, военная и удалая их жизнь, одурелость промышленников, давно с роднею расставшихся, падкость к прибуткам, выдуманная безгрешность обирать и обсчитывать некресть, наконец, новая покаторость к смелостям после государственного потрясения, там и сям заявившая себя, и веселая беззаботность, пенившаяся из кружечных дворов, в 1617 г. в Сибири открытых, представляла при безгласности приходского духовенства картину жизни языческой.

Казаки, увлекшись обычаем многоженства, вздумали иметь жен не одних, то чрез обольщения из России привозимых, то понимаемых в улусах и особо содержимых по городам и на отъезжих постах; но тех и других, иногда венчанных по воеводским приказам, они закладывали и мало заботились о выкупе их и участи детей» [Словцов, 1838, с. 52, 53].

На страницах популярной книги К. Голодникова, высоковероятно прочитанной Цветаевой, образ «анархического рая» – сибирской вольницы без церковного и государева «пригляда» – также находит свое описание. Тобольский публицист, в отличие от историка Словцова, не подвергает сибирские нравы моральной обструкции и описывает их с позиции чистого наблюдателя:

«Отправляясь в Москву для доставления ясака или по другим делам, сибирские казаки женились в России по несколько раз, а также щеголяя там в лисьих и дорогих шубах, хвастались своим богатством и посредством разных обольщений сманивали и увозили с собою в Сибирь не только девиц, но и молодых замужних женщин. По возвращении же в Сибирь лишних жен и похищенных девиц они проигрывали в зернь (кости и карты), закладывали в нескольких рублях или даже продавали другим холостым обывателям» [Город Тобольск и его окрестности, 1886, с. 39].

И наконец, отметим еще один эпизод в поэме с эффектным образом уже конкретной локации – Барабинской степи. Этот локус появляется во второй – имперской – части поэмы в связи с «парадом сибирских губернаторов» любимого Цветаевой XVIII в., в частности с представлением в поэтической форме результатов неукротимой деятельности губернатора Дениса Чичерина. Именно с именем этого губернатора связывается окончательная колонизация Барабинской степи, знаменующая продвижение фронта и, следовательно, цивилизационный рывок от первобытной культуры охотников и собирателей к земледельческому освоению Западной Сибири:

...Зато уж и крепко
Любила тебя
Та степушка, степка
Та, степь-Бараба,

Которую – версты
Строптивых кобыл! –
Ты, ровно бы горстью
Соля, – заселил.
[Бальмонт, Цветаева, 2019, с. 10].

Среди историков Сибири к первой половине XX в. по отношению к фигуре Чичерина не выработался консенсус. В многочисленных источниках подчеркивается прагматизм управления (совершенствуется налоговая система как для русских переселенцев, так и для коренного «ясачного» населения), экономические реформы (вводятся элементы капиталистического хозяйства), расширение границ освоенных земель (заселяется сибирский тракт, в том числе малонаселенная Барабинская лесостепь) – все это прямые результаты его губернаторства. Минусы эпохи губернаторства Чичерина в основном связывались с методами, которые использовались для достижения этих целей. Огромные жертвы как среди русских колонистов, так и местного населения, неоправданная жесткость и жестокость управленческих методов, используемых губернатором Сибири, подчеркивают многие источники (от частного мнения сибирских историков С. Шашкова и Н. Ядринцева до фиксации определенного консенсуса в «Русском биографическом словаре» А. Половцева).

Эффектная метафора с внутренней рифмой («соля, – заселил») в цветаевской поэме также требует исторического комментария. Территории вокруг сибирской столицы Тобольска были освоены еще в XVII в. Тогда же были заложены остроги и города по Сибирскому тракту. Барабинская степь – последний оплот хана Кучума, через которую проходили пути в Восточную Сибирь, долгое время оставалась вне интересов российских колонизаторов. Немногочисленное коренное население этих земель состояло из барабинских татар, промыслами которых были охота и собирательство, и «юрточных бухарцев», издавна занимавшихся торговлей. Полукочевой характер жизни коренного населения, низкая плотность населения вкупе с нападениями степняков не только не обеспечивали безопасность транзита в Восточную Сибирь и Китай, но и ставили вопрос о фактической государственной принадлежности этих земель.

За время губернаторства Чичерина был полностью заселен Сибирский тракт – от Ишима до Красноярска и Иркутска. Добровольные переселенцы выбирались в основном из сибиряков, особые преференции предоставлялись отставным военным из нижних чинов (каждой семье выделялись 20–30 десятин земли и денежная ссуда), которыми была населена Красноярская линия. Барабинская линия в основном была населена принудительными переселенцами: крестьянскими семьями (с рекрутским зачетом), колодниками и беглыми, «которые оказались негодными для предположенных на защиту Сибири ландмилицких полков, отсылались на поселение в разные места для распространения хлебопашества». И наконец, еще в 1756 г. в Сибирь были отправлены «1 294

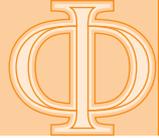
души мужского пола, отобранные от трех солепромышленников: Демидова, Суворцова и Ростовщикова» [Русский биографический словарь, 1905, с. 39–40]. Таким образом, характерная для системы поэтических рифм Цветаевой метаграмматическая игра «соля» / «селя» (по модели «беженство» / «бешество») имеет в том числе очевидное историческое основание.

Выводы. Пространственная энтропия не становится для художника модернистской формации препятствием в культурном освоении пространства, каждый поэт создает собственный образ сибирских степей исходя из доступного поэтического инструментария, синтезируя творческие методы. Оптику Константина Бальмонта формирует взгляд фланера, проехавшего через бескрайние сибирские просторы и отразившего в сибирском тексте общие места своей поэтики («дали» и «шири» были освоены Бальмонтом до поездки в Сибирь).

Марина Цветаева как художник пошла дальше. Исторические тексты она ощущала в качестве арены борьбы между историческим фактом и поэтическим образом. «Во мне вечно и страстно борются поэт и историк. Знаю это по своей огромной (неконченной) вещи о Царской Семье, где историк поэта – загнал» [Цветаева, 2016, с. 119], – напишет она в письме В.Н. Буниной от 28 августа 1933 г. При этом сам способ освоения пространства – наполнение природной пустоты, выбор наиболее сопротивляющегося эстетически материала, энтропийной Барабинской степи – поэтически заполняющейся кипуче деятельными людьми и стремительно мчащимися конями, – ожидаемо обнажает основную стратегию работы с реальностью, характерную для эстетических практик модернизма.

Библиографический список

1. Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 580 с.
2. Бальмонт К.Д. Голубая подкова. Стихи о Сибири. Цветаева М.И. Сибирь. Новосибирск: Открытая кафедра, 2019. 58, 46 с.
3. Белый Андрей. Петербург. М.: Наука, 1981. 696 с.
4. Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории старого света // На путях. Утверждение евразийства. М.; Берлин: Геликон, 1922. Кн. 2. 358 с. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1922-naputiah.php#1922-naputiah-PPS-tipu> (дата обращения: 10.10.2021).
5. Блок А.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Огонек, Правда, 1971. Т. 3. 414 с.
6. Волошин М.А. Собрание сочинений. М.: Эллис Лак, 2007. Т. 5. 928 с.
7. Город Тобольск и его окрестности: исторический очерк / сост. К. Голодников. Тобольск: [Б.и.], 1886. 139 с.
8. Коркина Е.Б. Поэма о Царской семье // Wiener Slawistischer Almanach. Цветаева М. Статьи и тексты. Sonderband 32. Wien, 1992. С. 171–200.
9. Мароши В.В. Монгольский миф в русской литературе XX века // Вестник ТГПУ. 2003. Вып. 1. С. 48–54.
10. Русский биографический словарь / Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцева. Спб.: [Б.и.], 1905. Т. 22. 642 с.
11. Савицкий П.Н. Степь и оседлость // На путях. Утверждение евразийства. М.; Берлин: Геликон, 1922. 358 с. Кн. 2. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1922-naputiah.php#1922-naputiah-PPS-tipu> (дата обращения: 10.10.2021).

12. Святополк-Мирский Д. К вопросу об отличии России от Европы // Евразия. 1929. 23 февр. № 14. С. 1–2.
13. Словцов П. Историческое обозрение Сибири. М.: Тип. А Семена, при Медико-хирург. акад., 1838. Кн. 1. 589 с
14. Смит А. Между искусством и политикой (Рассказ М. Цветаевой «Китаец» в свете идей евразийского движения в Париже 1920–1930-х годов) // Марина Цветаева и Франция. М.: Русский путь, 2002. С. 178–195.
15. Сувчинский П. Типы творчества (Памяти А. Блока) // На путях. Утверждение евразийства. М.; Берлин: Геликон, 1922. Кн. 2. 358 с. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1922-narutiah.php#1922-narutiah-PPS-tipu> (дата обращения: 10.10.2021).
16. Федотов Г.П. Три столицы // Версты. 1926. № 1. С. 147–163 (Подпись: Е. Богданов).
17. Цветаева М.И. Письма к Анне Тесковой. Болшево: Дом-музей Цветаевой в Болшево, 2008. 509 с.
18. Цветаева М.И. Письма. 1933–1936. М.: Эллис Лак, 2016. 816 с.
19. Цветаева М.И. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1990. 800 с.
20. Цветаева М.И. Стихотворения и поэмы: в 5 т. New York: Russica Publisher, inc, 1982. Т. 2. 419 с.
21. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1976. Т. 22. 655 с.
22. Шевеленко И.Д. К истории евразийского раскола 1929 года. П.Н. Савицкий <Меморандум 1929 г.> П.Н. Савицкий <Записка о П.П. Сувчинском> // Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman. Stanford, 1994. P. 376 – 416.

Сведения об авторе

Корниенко Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет; e-mail: sve-kornienko@yandex.ru

DOI: <https://DOI.ORG/10.25146/2587-7844-2021-16-4-94>

SIBERIAN STEPPE IN MODERN AESTHETIC PRACTICES (KONSTANTIN BALMONT – MARINA TSVETAEVA)

S.Yu. Kornienko (Novosibirsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The problems of the article are addressed to the methods of cultural development of the vast Siberian steppes in Russian modernism, to the methods of overcoming cultural entropy.

The purpose of the article is to describe the parameters of the “steppe” texts by M. Tsvetaeva and K. Balmont, to identify their cultural genealogy.

Review of scientific literature on the problem is associated with solving specific problems: identifying ways of authorizing the Siberian text in the poetics of a particular author (works by A. Smith, E. Korkina, and V. Marosha).

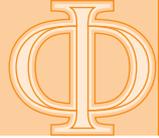
Research results. The article is devoted to the Siberian texts by K. Balmont and M. Tsvetaeva. In the collection of works by Balmont entitled “Blue Horseshoe. Poems about Siberia”, the perception of the Siberian steppes is built around the concepts of “distance”, “width”, and “freedom”, characteristic of Balmont’s poetry, in principle. In Tsvetaeva’s poem “Siberia”, the steppe theme appears twice: in the exposition of the poem, and also in the second part (the image of the Barabinsk steppe). The sources of Tsvetaeva’s steppe imagery can be considered her individual perception Blok’s “Scythianism”, her direct empirical experience of experiencing the Crimean steppes, as well as her keen interest in the Eurasian theory at the time of writing the poem.

Conclusions. Spatial entropy does not become an obstacle for an artist of the modernist formation in the cultural development of space. Each poet creates his own image of the Siberian steppes, based on the available poetic tools, synthesizing creative methods.

Keywords: *Siberian text, steppe theme, Tsvetaeva, Balmont, “Siberia” poem, “Blue horseshoe. Poems about Siberia” collection of works.*

References

1. Andreeva-Balmont E.A. *Memoirs*. M.: Publishing House. Sabashnikov, 1997. 560 p.
2. Balmont K.D. *Poems about Siberia*. Tsvetaeva M.I. *Sibiria*. Novosibirsk: Otkrytaya kafedra, 2019. 58, 46 p.
3. Belyj Andrej. *Peterburg*. M.: Nauka, 1981. 696 p.
4. Bicilli P.M. “East” and “West” in the history of the old world // *On the tracks. Approval of Eurasianism*. M., Berlin: Gelikon, 1922. Vol. 2. 358 p. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1922-naputiya.php#1922-naputiya-PPS-tipy> (access date: 10.10.2021).
5. Blok A.A. *Collected Works: in 6 vol.* M.: Ogonek, Pravda, 1971. Vol. 3. 414 p.
6. Chekhov A.P. *Complete Works and Letters: in 30 vol.* M.: Nauka, 1976. Vol. 22. 655 p.
7. Fedotov G.P. *Three capitals // Versty*. 1926. No 1. P. 147–163 (Signature: E. Bogdanov).
8. Korkina E.B. *A Poem about the Imperial family // Wiener Slawistischer Almanach*. Cvetaeva M. *Articles and texts. Sonderband 32*. Wien, 1992. P. 171–200.
9. Marosha V.V. *Mongolian myth in Russian literature of the twentieth century // Vestnik TGPU*. 2003. No. 1. P. 48–54.
10. *Russian biographical dictionary / A.A. Polovcev*. Spb., 1905. Vol. 22. 642 p.

11. Savickij P.N. Steppe and Settlement // On the tracks. Approval of Eurasianism. M., Berlin: Gelikon, 1922. Vol. 2. 358 p. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1922-naputi-ah-PPS-tipy> (access date: 10.10.2021).
12. Shevelenko I.D. On the history of the Eurasian schism of 1929. P.N. Savitsky <Memorandum of 1929> P.N. Savitsky <Note about P.P. Suvchinsky> // Theames and Variations: In Honor of Lazar Fleishman. Stanford, 1994. P. 376–416.
13. Slovtsov P. Historical Review of Siberia. M.: Tip. A. Semyon, at the Medical and Surgical Academy, 1838. Book 1. 589 p.
14. Smit A. Between art and politics (M. Tsvetaeva's story "The Chinese" in the light of the ideas of the Eurasian movement in Paris 1920–1930s)] // Marina Tsvetaeva and France. M.: Russkij put', 2002. P. 178–195.
15. Suvchinskij P. Types of creativity (In memory of A. Blok) // On the tracks. Approval of Eurasianism. M., Berlin: Gelikon, 1922. Vol. 2. 358 p. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1922-naputi-ah-PPS-tipy> (access date: 10.10.2021).
16. Svyatopolk-Mirskij D. On the question of the difference between Russia and Europe // Evraziya. 1929. February 23. No. 14. P. 1–2.
17. The city of Tobolsk and its environs: a historical outline / Ed. by K. Golodnikov. Tobolsk, 1886. 139 p.
18. Tsvetaeva M.I. Letters to Anna Teskova. Bolshevo: Dom-muzej Cvetaevoj v Bolshevo, 2008. 509 p.
19. Tsvetaeva M.I. Poems and poems. L.: Sovetskij pisatel, 1990. 800 p.
20. Tsvetaeva M.I. Poems and poems: in 5 vol. New York: Russica Publisher, inc, 1982. Vol. 2. 419 p.
21. Tsvetaeva M.I. Letters. 1933–1936. M.: Ellis Lak, 2016. 816 p.
22. Voloshin M.A. Collected Works. M.: Ellis Lak, 2007. Vol. 5. 928 p.

About the author

Kornienko Svetlana Yurievna – DSc (Philology), Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Literary Theory and Literary Methods, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia); e-mail: sve-kornienko@yandex.ru

DOI: <https://DOI.ORG/10.25146/2587-7844-2021-16-4-95>

УДК 81'42

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА ЖИЗНИ НЕСТОЛИЧНОГО ПИСАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА

М.А. Секерина (Иркутск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В фокусе исследования – специфика определения современным сибирским писателем своего места в социальном и культурном пространстве, процесса и механизмов встраивания в него как в практическом (бытовом), так и в экзистенциальном (бытийном) аспектах.

Цель статьи – рассмотреть формы и способы организации писательских сообществ Иркутска, дискурсы самопрезентаций и их корреляции с мировоззрением и географией.

Обзор научной литературы по проблеме. Гуманитарные исследования писательских сообществ немногочисленны и ограничены как определенными хронологическими рамками изучаемого объекта (литературные сообщества XX в., рубежа XIX–XX вв., советского периода), так и методологически. В призму гуманитарных исследований редко попадают современные писательские объединения – организации специфические как в институциональном, так и в идеологическом отношении.

Методология (материалы и методы). Исследование является междисциплинарным, что определяет его материалы и методы: социолингвистические (интервью и анкетирование, корреляционный анализ), дискурс-анализ, контекстуальный анализ, когнитивно-дискурсивный подход.

Настоящая статья создана по материалам интервьюирования и анкетирования сорока пяти писателей Иркутска и Иркутской области.

Результаты исследования. Членство в определенной организации используется как символический капитал за счет борьбы двух дискурсивных практик эксплицитной «традиционалистской» и имплицитной «иной» (не обозначенной ее приверженцами, но являющейся, по мнению их оппонентов, «антитрадиционалистской»).

Именно институциональная прикрепленность, по мнению конфликтующих сторон, обуславливает способы взаимодействия с культурно значимыми концептами «Писательское сообщество», «Читатель», «Русская литература», «Сибирская литература», «Традиции», «Новаторство».

В географическом и социокультурном аспектах респонденты абсолютным большинством выбирают «национальную» стратегию самопрезентации, вписывая свое творчество в пространство русской литературы, причем в такое ее направление, как реализм.

Заключение. Анализ эмпирического материала позволяет выделить два основных равнозначных инструмента самоактуализации и самопрезентации современного иркутского писателя.

1. Институциональная прикрепленность к тому или иному писательскому сообществу (Союзу писателей России, Союзу российских писателей, представительству Союза российских писателей, Иркутской областной писательской организации).

2. Концепт «Великая русская литература» и принадлежность к ней.

Ключевые слова: *современный писатель, культурное пространство, сообщество, институция, самопрезентация, самоактуализация, иерархизация, концепт, интервью, сибирская литература, русская литература, Субъект.*

Постановка проблемы. В фокусе исследования – специфика определения современным сибирским писателем своего места в социальном и культурном пространстве, процесса и механизмов встраивания в него как в практическом (бытовом), так и в экзистенциальном (бытийном) аспекте.

Цель статьи – рассмотреть формы и способы организации писательских сообществ г. Иркутска, дискурсы самопрезентаций и их корреляции с мировоззрением и географией.

Обзор научной литературы по проблеме. Гуманитарные исследования писательских сообществ немногочисленны и ограничены как определенными хронологическими рамками изучаемого объекта, так и методологически. В основном это литературные сообщества прошлого: XIX в., рубежа XIX–XX вв., советского периода. Специалистами анализируются количественная и качественная эволюция сообществ, социальный контекст их функционирования, этнонациональная и гендерная специфика, соотношение ведущих жанров специализации, влияние регулятивной функции государства на динамику значимых характеристик писательских объединений, взаимосвязь литературных сообществ с литературным процессом [Гриц, Тренин, Никитин, 1929; Гудков, Дубин, 1994; Суций, 2016; Фельдман, 2017 и др.]. В дисциплинарном аспекте – это литературоведческие, социологические, исторические изыскания. Однако методология гуманитарных исследований может быть эффективно дополнена методами социолингвистики и дискурс-анализа [Александр, 2012; 2013; Йоргенсен, Филипс, 2008], ибо «дискурсивная практика не только отражает, но и активно способствует социальным и культурным изменениям» [Йоргенсен, Филипс, 2008, с. 136]. Особенно при выборе в качестве объекта исследования современных писательских объединений, изучения дискурсивных практик данных институций, горизонтальных и вертикальных отношений внутри сообществ и их корреляции с мировоззренческими и идеологическими установками участников.

Методология (материалы и методы). Исследование является междисциплинарным, что определяет его материалы и методы: социолингвистические (интервью и анкетирование, корреляционный анализ), дискурс-анализ, контекстуальный анализ, когнитивно-дискурсивный подход.

Результаты исследования. Настоящая статья создана по материалам интервьюирования и анкетирования сорока пяти писателей Иркутска и Иркутской области.

Вопросы интервью группировались вокруг двух основных смысловых блоков – институциональная иерархизация иркутского писательского сообщества, особенности самоактуализации писателя в ней и возможные варианты выхода за ее пределы. Каковы эти пределы, с какими социальными, экзистенциальными, культурными (если выносить культуру за рамки социального как константу по отношению к перманентному) смыслами они ассоциируются. Насколько значимы для самоидентификации современного иркутского писателя концепты «Русская литература», «Сибирская литература» и «Восточно-сибирская литературная школа», учитывая прецедентные имена, мотивы и их место в современной литературе.

В Иркутске существуют четыре официальные писательские организации, являющиеся, согласно уставам, отделениями писательских союзов России: два союза – Союз писателей России и Союз российских писателей, одно представительство – Союз российских писателей, а также Иркутская областная писательская организация.

Члены данных организаций находят официальную институцию необходимой формой самоорганизации. Несмотря на отсутствие значительных материальных преференций от членства в Союзе или Организации, оно используется членами сообщества как символический капитал, инструмент самоактуализации и самопрезентации.

Концепт «Представитель легитимного сообщества литераторов» позволяет синонимизировать понятия индивидуальной творческой деятельности и ее социальной востребованности как в собственном сознании, так и в сознании потенциальных читателей (*Союз дает статус, чувство собственной значимости; Принципиально не хочу издаваться за свой счет или искать спонсоров. Это пошло. Необходим социальный заказ*).

Союз помогает и обязывает, в том числе *Обязывает иметь право на принципиальную позицию*, то есть может предписывать идентичность и избавлять субъекта как от собственной расщепленности, так и от индивидуального взаимодействия с противоречивыми социальными смыслами. Он (Союз) – «тот», на кого можно/нужно сослаться. При всей условности данных институций в современных политических и экономических реалиях и формализации в них идеологического члены сообщества испытывают потребность в регламентирующей и конституирующей функции Организаций. Ибо обретают константу, от которой можно отталкиваться, определяя границы творческой свободы и независимости.

Именно через оппозицию «права/обязанности по отношению к сообществу» проблематизируется респондентами концепт «Творческая свобода» и ее границы.

Ответы варьируются от: *Состою в Союзе писателей России. Творчески не обязывает ни к чему; Поэт должен быть свободен. Иначе он не поэт; Да, состою. Обязательств не испытываю – до: Это обязывает работать во имя России; Да, обязывает следить за образом человека, достойного звания члена Союза писателей России; Обязывает анализировать то, что пишешь, не только с точки зрения самовыражения, но и с точки зрения, будет ли это интересно читателю, возможно, нужна более ясная и лаконичная форма изложения*.

Следует заметить, что концепт «Читатель», несмотря на некоторые «реверансы» в его адрес, оказывается вторичным, осмысливается как еще один «продукт» творчества. Читателя необходимо *формировать, вести за собой, воспитывать, помогать, заинтересовывать, образовывать* и прочее.

В корпусе ответов на вопрос интервью «Как вы думаете, должен ли современный писатель „любезен быть народу”? И если должен, то чем?» обращает на себя внимание устойчивая диссоциация с «народом» как объектом творчества. Несмотря на использование прецедентных формул и смыслов (*Писатель – учится*

у народа и учит народ; и коль дан писателю дар от народа, то он должен воспевать и сострадать народу, любя народ больше себя; Должен тем же, чем и всегда: проникновением в жизнь своего народа, сопереживанием его бедам и радостям, отражением его судьбы в своих книгах, просветительской деятельностью), респонденты, рассуждая о «народе»/читателе, ставят себя в верхнюю, экспертную позицию по отношению к нему (Конечно, он должен быть созвучен своему народу, быть его нервом и зеркалом, но в его лучших качествах и устремлениях; Должен заинтересовать, повести за собой в те темы, стили и образы, какие считает правильными, а не идти самому у нынешнего читателя на поводу; Читателя нужно воспитывать, а не усугублять его и без того плохой вкус).

Апелляция к народу/читателю используется респондентами не для конституирования читателя как субъекта, равноправного участника «литературного процесса», а для конструирования собственного образа, акцентирования наличия гражданственности как значимого компонента.

В большинстве контекстов читатель объективируется, априори лишается субъектности и независимого взаимодействия с литературным текстом (*Нужно быть не «любезным», а полезным: открывать новые темы, быть актуальным, правдивым; И, если нужно, уметь придавать произведениям еще и познавательный характер: это важно сейчас, так как информация обесценивается из-за своей доступности, а количество ошибок в ней зашкаливает; Современный писатель, на мой взгляд, не должен уподобляться поставщику литературного ширпотреба, он должен быть выше сиюминутного, должен видеть глубже и шире. Да, читателей у него будет в разы меньше, чем у модных крикунов, переполняющих интернет-пространство) или нивелируется (*Пушкин писал: «Ты царь. Живи один»; Слово «любезен» с пушкинских времен изменило свое значение. Не обязан; Литература, как и искусство в целом, никому ничего не должна; Не идти на поводу, потакая вкусам, а именно формировать вкус к настоящей литературе; Если ты любезный, ты не писатель, а, в лучшем случае, графоман).**

Анализ материалов интервью и анкетирования позволяет констатировать, что сегодня основным инструментом самоопределения субъекта литературного творчества в качестве такового выступает скорее принадлежность к символической институции, нежели успех у читательской аудитории (*У каждого писателя свой круг читателей. Круг может быть либо широк, либо узок, однако качество писателя оценивается не числом читателей).*

Наиболее многочисленным и заметным в культурном поле Иркутска является Союз писателей России. Он не менял название и резиденцию со времени основания и в силу этих обстоятельств обладает значительным символическим капиталом (Союзу «досталась» почти 100-я история писательской организации Иркутска, прецедентные имена выдающихся членов, журнал «Сибирь», издающийся с 1930 г.).

Кроме того, директор ИДЛ, институции, призванной курировать деятельность всех литераторов области и обладающей не только символическими, но и реальными, практическими возможностями регламентировать социальные

преференции (публикации в журналах, командировки и прочее), является председателем правления Союза писателей России.

Процесс появления остальных сообществ негативно коннотатирован большинством респондентов, определяется как *отпочкование, размежевание (союз развалился; разделились в результате раздора; раздрая; борьбы; неприятия; конкуренции; амбиций)*. Причины данного процесса, *уходящие конями в прошлое*, большинством респондентов вуалируются, замалчиваются (*Мне трудно судить об этом в полной мере; Сколько людей, столько и мнений; Про раскол в 90-е: потому что писатели создают смыслы, а они бывают разные, могут работать и на разобщение. Про расколы в XXI в.: межличностные конфликты*) или эксплицируются клишированными формулами (*борьба традиций и экспериментов; разные оценки русской истории и культуры; разные взгляды; человеческий фактор; каждый мнит себя гением и не согласен на вторые роли; Люди вольны объединяться с кем им хочется. Нельзя загонять всех под одну крышу*). В большинстве случаев повторялись формулировки из вопроса интервью «Разногласия в писательском союзе можно отнести к межчеловеческим, идеологическим, творческим?» (*да; именно, все вместе*) без расшифровки и комментариев.

Некоторые респонденты, как правило, значимые люди в иерархии организаций, были менее эвфемистичны (*Есть Союз писателей России – коренная, патриотическая, прочие – честолюбивые, скандальные, а ранее – космополиты и даже иные – русофобы; А Союз российских писателей выглядит сейчас как следование неким модернистским тенденциям, постмодернистским. Это более прозападное явление; Мы патриоты. Есть два вида писателей. Те, которые стремятся к самовыражению, остальное их не интересует, и те, кто думает в первую очередь, для кого они пишут; Союз писателей России – это осколок советского прошлого, но в конечном счете это вылилось в следование традициям классической русской литературы; Мы пишем в русле школы Восточно-Сибирской книжной традиции, которая идет в русле распутинской прозы; Союз писателей России более традиционен, чем Союз российских писателей. Члены Союза российских писателей смелее идут на эксперимент*).

Подобные высказывания и анализ полных текстов интервью позволяет определить основной смысловой вектор дискуссии «о развале союза», выделить две дискурсивные практики. «Традиционалистов» и «патриотов» (Союз писателей России) и тех, кого они определяют сегодня как *самовыражающихся, экспериментаторов*, собственно, это члены всех *отколовшихся* организаций, но прежде всего – Союза российских писателей.

Следует отметить, что дискурсивные практики «традиционалистов» и «экспериментаторов» претерпели значительные изменения за последние 20 лет. Смыслы, активно эксплицируемые и эксплуатируемые для дискредитации оппонентов в 90-е и поэтому оставившие след в неофициальном дискурсе о писательских объединениях Иркутска (оппозиция *еврейский союз/русофилы/памятники*), более не артикулируются открыто. Вербально (формально) заменены на другую,

не менее прецедентную оппозицию. Ее хорошо демонстрирует высказывание – ответ на вопрос интервью «Раньше писатели создавали организации по близости взглядов на искусство (футуризм, акмеизм...). А сейчас?»: *По направленности, условно говоря, на Восток или на Запад, больше на отечественную или на зарубежную литературу, как на образец; еще на реализм, или на фантастику.*

Никто из респондентов, независимо от членства в том или ином союзе, не соотнес собственное творчество с экспериментами и не определил его как новаторское. Самый распространенный ответ на вопрос «К какому направлению ваше творчество ближе?» – *реализм*. Иные ответы: *к традиции русского реализма; православный реализм; не знаю, проще сказать, кого я люблю – Пушкина...; прислушиваюсь к своей душе и настроению, классическая русская поэзия; к классике, но все равно получается свое собственное; Лирика. Романтизм. И он не заканчивается на XIX в.»; Классическая русская поэзия; Вероятнее, традиционализм; Пусть в этом разбираются литературоведы и читатели.*

Концепты «Эксперименты», «Модернизм», «Постмодернизм» и подобные использовались исключительно по отношению к *самовыражающимся*. В высказываниях респондентов *самовыражение* негативно коннотативно и дискредитировано в разных аспектах: от социального (*не думают о том, для кого пишут*) до профессионального (*дилетантство, незрелость*).

Со стороны членов «вторичных союзов» не звучала дискурсивно обусловленная и поэтому ожидаемая интервьюером ирония в адрес Союза писателей России по поводу *скреп, корней* и эксплуатации *духовности*. Не акцентировались мировоззренческие, идеологические, творческие разногласия. В качестве претензии высказывалась исключительно возможность материального самолюбирования вследствие близости к источникам финансирования. О вторичности текстов *в русле распутинской прозы*, исчерпанности традиционных для *сибирской литературы* сюжетов и мотивов говорили члены Союза писателей России (*Но чем дальше, тем больше повторений. Но Сибирь стала более разнообразной, нужны другие изобразительные средства*).

Наиболее продуктивным и значимым для самоактуализации писателя, независимо от членства в том или ином союзе, в 21 г. XXI в. явился концепт «Великая русская литература» и принадлежность к ней.

Второй блок вопросов интервью и анкет касался выбора локальной или глобальной стратегии самопрезентации писателей и сообществ («Нужен ли учебник по региональной литературе?», «Какие там должны быть главы, разделы?», «Можно ли говорить о сибирской литературе как отдельном культурном явлении?», «Если можно, то какие особенности сибирской литературы вы бы выделили?») «Насколько уместно распространенное в современной прессе деление на столичных и местных писателей?»).

Вопрос о необходимости учебника по региональной/сибирской литературе в контексте остальных вопросов блока оказался провокационным. Ибо все опрошенные, за исключением одного человека, активно поддержали такую

идею, многие подробно описали его содержание и рубрикацию. Однако о региональной/сибирской литературе как отдельном культурном явлении согласны говорить меньше половины респондентов (*«Отдельное культурное явление» – это ведет к сепаратизму. Нужно говорить о русской литературе Сибири (как части России), о литературе народов Сибири, создаваемой на родном языке. При Институте истории, филологии и философии в Новосибирске работал отдел, который так и назывался: «Сектор русской литературы Сибири»; Нет, нельзя. Точнее, лучше не надо. Ни к чему хорошему не приведет. Водораздел проходит по конкретным именам; Не уверен, что литература может быть региональной; Проблема литературы, что культурное пространство стало разорванным на регионы; Нет, нельзя. О литературе, отражающей сибирский менталитет и создававшейся до XXI в., – можно).*

Данное противоречие обусловлено тем, что, с одной стороны, оперирование понятием «Сибирская/региональная литература» ограничивает, не дает вписаться в более широкое культурное пространство (*Нет. «Сибирскую» литературу придумали литературоведы. Ее характеристика – некоторая местечковость, обособленность от России*), но, с другой – выделяет/может выделить литературное произведение в бескрайнем поле современной литературы. Благодаря прецедентным смыслам и знаковым именам принадлежность к данной культурной константе является символическим капиталом для местных писательских сообществ (*Разумеется, но лишь в русле всей РУССКОЙ литературы*).

Определение респондентами «особенностей сибирской литературы» отражает устойчивую примитивизацию смыслов, стереотипичность представлений о сибирской литературе в региональном писательском сообществе. Для иллюстрирования используются концепты-клише (*сибирская природа; матерые характеры; жизнь людей на сибирских просторах; неповторимость, чистота, энергетика Байкала, земля как источник силы; суровые условия; покорение новых земель, открытия; преодоление, любовь к родной земле, духовные традиции поколений; вклад Сибири в историю России; доброта, народный/образный язык*).

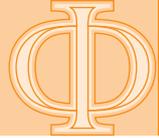
Русская литература Сибири отражает природу, культуру, жизненный уклад, характеры жителей сибирских регионов.

Это – колоритность, суровость (все-таки тайга рядом).

Типизация сибирских характеров (волевой человек, чудик и т.д.), природа всегда описывается как живая и разумная стихия.

Использование сибирских говоров для создания местного колорита.

Возможность/невозможность вписать себя и свое творчество в широкое культурное пространство («Насколько уместно распространенное в современной прессе деление на столичных и местных писателей?») иркутские писатели рефлексировали в аспекте социальных/культурных бонусов и предпочтений, недоступных вследствие геополитических причин. В целом подобные противопоставления представляются членам писательских сообществ Иркутска некорректными (*В столице больше «чистых» писателей, которые занимаются*

только литературой; В провинции приходится еще где-то работать...; Столичные издаются большими тиражами; В регионах... культурный слой тоньше; Пренебрежение столицы к провинциалам любого уровня было, есть и будет; В отличие от центральной, европейской литературы – меньше разной зауми, близость к реальным проблемам; Вообще неуместно. Много столичных писателей пишут слабо. Но у них больше возможностей публиковаться. Сибирские писатели ничуть не хуже. Близость к центру не показатель таланта; Многие столичные когда-то были местными).

Итоговый, имплицитно связующий вопросы интервью и анкет в единый текст концептуальный вопрос о сегментации и иерархизации современного поля литературы в представлении иркутских писателей – членов легитимных институций звучал как «Можете ли вы назвать выдающихся писателей современности?». И оказался самым сложным для респондентов. Большинство отказались от ответа (*Это сложный вопрос; Сложно ответить; Не готов ответить; Чтобы ответить на подобный вопрос, нужно время для подготовки; Кроме меня, еще несколько (это шутка); Выдающихся писателей назовут лет через 50; Кто выдающийся – покажет время; А.С. Пушкин*). Остальные задавали уточняющие вопросы (*Следует уточнить: современных писателей России, мира или только сибиряков?; Вопрос принадлежности. Выдающихся – в каких временных рамках и в каких территориальных масштабах? Проживающих в Сибири или пишущих о Сибири?; Из сибирских (иркутских, бурятских, забайкальских), а если учитывать, что Иркутская губерния некогда простиралась до Тихого океана, то и якутских, и приморских?*) или делали много оговорок (*Говорить про живых и в добром здравии сложно, пусть читающий народ со временем рассудит; Для меня это выдающиеся личности из общей массы пишущих и знакомых мне людей; Применять слово «выдающиеся» от лица других людей не могу. Всё относительно*).

Меньшинством опрошенных были названы следующие имена: *Но есть бесспорные классики: В. Личутин, Н. Зиновьев...; Если – живших чуть ранее моей зрелости, но знакомых мне по своим произведениям, то: Владимир Клавдиевич Арсеньев, Александр Алексеевич Побожий, Вячеслав Яковлевич Шишков, Анатолий Степанович Иванов, Георгий Мокеевич Марков... Поэт Николай Зиновьев. Прозаик Юрий Поляков. Из ныне здравствующих – Мариам Петросян, Наринэ Абгарян. Из ушедших не так давно – Валентин Распутин, Виктор Астафьев; Ближе к дате сего дня – Валентин Григорьевич Распутин, Иван Иванович Козлов, Анатолий Григорьевич Байбородин, Альберт Семёнович Гурулёв, Ким Николаевич Балков, Юрий Иванович Баранов, Владимир Гомбожапович Митыпов, Георгий Рудольфович Граубин, Арнольд Иннокентьевич Харитонов, Александр Константинович Лаптев, Владимир Павлович Максимов, Андрей Александрович Антипин и другие; Могу назвать только отдельные книги отдельных авторов, оставившие наиболее яркий след в современной литературе: «Кысь» Т. Толстой, «Лавр» Е. Водолазкина; Однако сейчас все более актуальным становится реализм, однако прошло слиш-*

ком мало времени, чтоб назвать действительно знаковые произведения. Присмотримся пока к Юрию Лунину и Андрею Антипину; Игорь Тюленев, Пермь; Виктор Кирюшин, Москва; Валентина Ефимовская, публицист, Питер; Валентина Ерофеева, Омск; Поэт Суровцева Татьяна Николаевна, член Союза писателей России. Хотя знаю еще некоторых ярких поэтов, не состоявших в Союзе; Евгений Водолазкин, Елена Лапшина, Александр Кабанов, Людмила Улицкая; В.Г. Распутин и А.В. Вампилов; Астафьев, Распутин, Василь Быков.

Заключение. Анализ эмпирического материала, полученного в результате интервьюирования и анкетирования современных литераторов, позволяет выделить два основных равнозначных инструмента самоактуализации и самопрезентации современного иркутского писателя.

1. Институциональная прикрепленность к тому или иному писательскому сообществу (Союзу писателей России, Союзу российских писателей, представительству Союза российских писателей, Иркутской областной писательской организации).

2. Концепт «Великая русская литература» и принадлежность к ней.

Членство в определенной организации используется как символический капитал посредством борьбы двух дискурсивных практик: эксплицитной «традиционалистской» и имплицитной «иной» (не обозначенной ее приверженцами, но являющейся, по мнению их оппонентов, «антитрадиционалистской»).

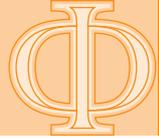
Именно институциональная прикрепленность, по мнению конфликтующих сторон, обуславливает способы взаимодействия с культурно значимыми концептами «Писательское сообщество», «Читатель», «Русская литература», «Сибирская литература», «Традиции», «Новаторство».

Однако, как показало исследование, открытая борьба *патриотического/руссофильского/либерального/прозападнического* дискурсов более не актуальна. В той или иной мере их ключевые концепты «отработаны» в дискурсивной войне, стали легкой мишенью для пародирования, метонимически узнаваемы.

Эксплицитная универсализация языка открывает больше коммуникативных возможностей, позволяет уйти от ответственности за дискредитированные радикальные смыслы, избежать обвинений в жесткой детерминированности и редукции культурного пространства.

Примечательно, что продуцируют универсальные смыслы те члены сообществ, которые претендуют на экспертность и ведущую роль в данных институциях. И делают это на уровне деклараций. На уровне социальных практик (проведение фестивалей, мероприятий, организуемых тем или иным союзом) отрабатываются традиционные, привычные, легко узнаваемые референтной группой (рядовые члены сообщества, институции-посредники, «свой» круг читателей) смыслы.

В географическом и социокультурном аспектах респонденты абсолютным большинством выбирают «национальную» стратегию самопрезентации, вписывая свое творчество в пространство русской литературы, причем в такое ее направление, как реализм.

Библиографический список

1. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
2. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Праксис, 2013. 640 с.
3. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: НЛЮ, 2000. 352 с.
4. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алтейя, 2014. 576 с.
5. Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. М.: Федерация, 1929. 373 с.
6. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. М.: НЛЮ, 1994. 352 с.
7. Йоргенсен М.В., Филипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 336 с.
8. Суций С.Я. Художественное общество: тенденции советского периода (на материалах Ростовской области) // Социологические исследования. 2016. № 1. С.77–85.
9. Фельдман Д.М. Литература и политика: российские писательские сообщества 1890–1920 годов в политическом контексте // Россия и современный мир. 2017. № 3. С. 177–199.

Сведения об авторе

Секерина Маргарита Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и методики, Иркутский государственный университет; e-mail: mseckerina@yandex.ru

DOI: <https://DOI.ORG/10.25146/2587-7844-2021-16-4-95>

SOCIO-CULTURAL PARADIGM OF THE LIFE OF THE NON-METROPOLITAN WRITERS« COMMUNITY

M.A. Sekerina (Irkutsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The research focuses on the specifics of the modern Siberian writers' understanding of their place in the social and cultural space, the process and mechanisms of finding this place both in practical (everyday) and existential (existential) aspects.

The purpose of the article is to consider the forms and methods of organizing writers' communities in Irkutsk, discourses of self-presentations and their correlations with worldview and geography.

Review of the scientific literature on the problem. Humanitarian studies of writers' communities are few and limited both by certain chronological frames of the object under study (literary communities of the nineteenth century, the turn of the nineteenth/twentieth centuries, the Soviet period) and methodology-wise. Modern writers' associations, organizations specific both institutionally and ideologically, rarely fall into the prism of humanitarian studies.

Methodology (materials and methods). The research is interdisciplinary, which determines the choice of its materials and methods: sociolinguistic (interviews and questionnaires, correlation analysis), discourse analysis, contextual analysis, and cognitive-discursive approach. This article is based on the materials of interviewing and surveying forty-five writers of Irkutsk and the Irkutsk region.

Research results. Membership in a certain organization is used as symbolic capital due to the struggle of two discursive practices – explicit “traditionalist” and implicit “other” ones (not designated by its adherents, but, according to their opponents, “anti-traditionalist”).

It is the institutional attachment, according to the conflicting parties, that determines the ways of interaction with the culturally significant concepts of “Writer’s Community”, “Reader”, “Russian Literature”, “Siberian Literature”, “Traditions”, and “Innovation”.

In geographical and socio-cultural aspects, respondents, by an absolute majority, choose a “national” strategy of self-presentation, inscribing their creativity in the space of Russian literature, in such direction as realism.

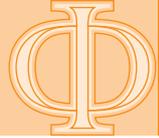
Conclusion. The analysis of the empirical material allows us to identify two main equivalent tools of self-actualization and self-presentation of the modern Irkutsk writer:

1. Institutional attachment to a particular writers' community (the Union of Writers of Russia, the Union of Russian Writers, the representative office of the Union of Russian Writers, the Irkutsk Regional Writers' Organization);
2. The concept of “Great Russian literature” and belonging to it.

Keywords: *contemporary writer, cultural space, community, institution, self-presentation, self-actualization, hierarchization, concept, interview, Siberian literature, Russian literature, Subject.*

References

1. Aleksander J. Cultural trauma and collective identity // *Sotsiologicheskiy zhurnal Sociological Journal*. 2012. No. 3. P. 5–40.
2. Aleksander J. *Meanings of Social Life: Cultural Sociology*. Moscow: Praxis Publ., 2013. 640 p.
3. Berg M. *Literature. The problem of appropriation and redistribution of power in literature*. Moscow: NLO Publ, 2000. 352 p.

4. Bourdieu P. The social space: fields and practices. Saint Perersburg: Aleteia Publ, 2014. 576 p.
5. Feldman D.M. Literature and Politics: Russian Writing Communities of 1890–1920 in a Political Context // Rossiya and sovremennyy mir Russia and the modern world. 2017. No. 3. P. 177–199.
6. Grits T., Trenin V., Nikitin M. Literature and Commerce. Moscow: Federatsiya Publ, 1929. 373 p.
7. Gudkov L.D., Dubin B.V. Literature as a social institution. Moscow: Federatsiya Publ, NLO, 1994. 352 p.
8. Sushchiy S.Ya. Art Society: Trends of the Soviet Period (based on materials from the Rostov Region // Sociological research (Sotsiologicheskie issledovaniya). 2016. No. 1. P. 77–85.
9. Yorgensen M.V., Filips L.J. Diskurs-analiz as Teoriya and metod. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr Publ, 2008. 336 p.

About the author

Sekerina Margarita Aleksandrovna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Philology and Methodology, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia); e-mail: mseckerina@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-16-4-96>

УДК 23/28, 366

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ РИСОВАННЫХ ЛИСТОВ ЕНИСЕЙСКИХ ЧАСОВЕННЫХ

Е.М. Юхименко (Москва, Россия)

Аннотация

Статья посвящена памятникам современной старообрядческой культуры – рисованным настенным листам с большими текстовыми фрагментами, созданным проживающими на Енисее старообрядцами часовенного согласия. Эти листы являются одновременно продолжением древнерусских и старообрядческих традиций и формой современного агитационного искусства. В данной статье произведения старообрядцев XX в. рассмотрены в контексте их исторических истоков.

Постановка проблемы. Поскольку для старообрядческой культуры в целом характерны глубокое знание предшествующей книжной культуры и традиционализм мышления, для всесторонней оценки рисованных листов как явления культуры представляется необходимым установить, в какой мере создатели этих памятников, имеющих ультрасовременную форму, руководствовались традицией.

Цель статьи – выявить литературные и изобразительные источники рисованных листов енисейских часовенных и охарактеризовать особенности их использования.

Обзор научной литературы. Памятники были недавно введены в научный оборот группой ученых, проводивших археографические экспедиции в Енисейской Сибири. Опубликованные работы А.А. Пригарина, Е.В. Быковой, А.В. Кострова, А.А. Стороженко посвящены в основном проблеме визуализации образов и характеристике среды бытования названных листов.

Методология. В работе используются классические историко-филологический и сравнительный методы.

Результаты исследования. Установлены конкретные источники таких листов, как «Две дороги – два пути», «Корабль веры» («Крестный корабль»), «Всемирная сеть. Мировая паутина», выявлены использованные их создателями точные текстовые и изобразительные цитаты из разных изданий лицевого Апокалипсиса, Жития Василия Нового. Кроме того, показана традиция, в рамках которой был создан лист «Внутреннее состояние сердца человеческого при жизни праведной и греховной».

Заключение. Детальный анализ рисованных картинок, бытующих у современных старообрядцев-часовенных на Енисее, показывает, что при всем их современном содержании и форме они продолжают и творчески развивают вековую старообрядческую традицию, в основе которой лежит высокая книжная культура. Глубокое знание этой традиции как раз и подтверждают разнообразные не только текстовые, но и изобразительные цитаты из Апокалипсиса и других авторитетных эсхатологических сочинений.

Ключевые слова: старообрядческая культура, памятники, книжная культура, часовенное согласие, рисованные картинки, тексты.

Постановка проблемы. Старообрядческая культура представляет собой особенное явление русского мира. В ней соединились древние средневековые традиции и рефлексия на «вызовы» времени, привержен-

ность к вековым устоям церковной и бытовой жизни и относительная открытость к внешнему миру. Объективные обстоятельства разбросали приверженцев древнего благочестия по всему земному шару. Сибирь, место ссылки и проповеди протопопа Аввакума, стала краем старообрядческим еще во второй половине XVII в. Общеизвестно, что таковым она остается и до сих пор. Агафья Лыкова имеет мировую славу.

При всем разнообразии форм и мест проживания старообрядческая культура ее носителей имеет ряд общих, фундаментальных черт. И это не только очевидные: использование старопечатных книг в богослужении, признание икон, созданных по старинным образцам, сохранение дораскольных форм имен, крюкового пения, – но и более глубинные. основополагающей характеристикой старообрядческой культуры является ее книжная основа. Книга (широко понимаемая – свод священных текстов, святоотеческое наследие, богослужебные и назидательные тексты) является связующей нитью всех других областей культуры, таких как обучение грамоте, система внебогослужебного чтения, создание памятников церковного искусства, способ передачи информации. Даже в весьма актуальном творчестве старообрядцев, представляющем собой личное осмысление писателями и художниками текущих явлений и событий, всегда возможно увидеть, что их восприятие базируется на многовековой православной традиции, их рассуждения основываются на книжных знаниях, библейская ретроспекция неизменно присутствует в их взгляде на окружающую действительность. Убедительным доказательством служат современные старообрядческие лубки, созданные и бытующие на территории Енисейской Сибири.

Обзор научной литературы. Эти чрезвычайно интересные для истории староверия памятники были обнаружены совсем недавно во время экспедиционных поездок к старообрядцам Енисея и введены в научный оборот коллективом исследователей – А.А. Пригариним, Е.В. Быковой, А.В. Костровым, А.А. Стороженко. Ими был опубликован ряд статей [Быкова, Пригарин, 2019; Костров, Моррис, 2019; Быкова, 2021] и две монографии [Быкова, Костров, 2019; Костров, 2021], в которых рассматриваются общие культурологические и этнологические вопросы. Наше внимание рисованные картинки, экспонировавшиеся в Москве на выставке «Пространство смыслов: современный старообрядческий лубок на Енисее» (Москва, Музей-квартира А.М. Горького, ИМЛИ, 28 февраля – 28 мая 2020 г.), привлекли образами-цитатами из предшествующих памятников. Источниковедческий подход нам представляется необходимой составной частью всестороннего изучения этих памятников.

Цель статьи – выявить литературные и изобразительные источники рисованных листов енисейских часовенных и охарактеризовать особенности их использования.

Методология. В работе используются классические историко-филологический и сравнительный методы.

*Результаты исследования***Рисованная картинка «Корабль веры» (рис. 1)**

Е.В. Быкова и А.А. Пригарин пишут, что эта рисованная картинка, найденная в экспедиции 2017 г., – «свободная изобразительная реплика лубка, где изображен крестный корабль как символ спасения. Цитирование изображений с лубочных картинок и переработка под свои религиозные взгляды – один из любимых приемов в старообрядческом изобразительном искусстве. Спасение праведников на парусном корабле и черти на берегу, тянущие грешников в лодке, с транзитом на борту – яркий образец визуальной назидательности. По словам старообрядцев Эржея Каа-Хемского района, картина с кораблем им очень нравится своими яркими красками и понятностью» [Быкова, Пригарин, 2019, с. 85].

В принципе, все сказанное отвечает действительности, однако при более внимательном рассмотрении созданная старообрядцами картинка оказывается куда более интересной.

Сюжет «Корабль веры» берет начало в гравюре к изданию сборника проповедей Лазаря Барановича «Меч духовный» (Киев, 1666). Полностью этот иконографический сюжет складывается в миниатюре к собранию сочинений Симеона Фессалоникийского в переводе Евфимия Чудовского конца XVII в. Нам известны три таких миниатюры (в московском списке 1793 г., выговском 1820-х гг. и в издании единовеческой типографии 1894 г.), а также икона первой половины XVIII в. (ГТГ). Во второй половине XIX в. сходный сюжет под названием «Корабль Церкви Христовой» печатался отдельными листами (в литографиях А.В. Морозова, 1844, 1869; И.А. Голышева, 1872, 1880, в металлографиях А. Логинова, 1850, В. Дмитриева, 1858). Однако данные лубки, представляющие собой упрощение и переосмысление сюжета, никак не могли быть источниками енисейского лубка. Именно на книжной миниатюре, имеющей название (вверху) «Корабль знаменующь Церковь воюющую и от еретиков гонимую на земли», дано ярко выраженное противопоставление истинной церкви и воюющих против нее еретиков, изображены вавилонская жена на седмиголовом змии (справа) и горний Иерусалим в правом верхнем углу. Сохранив общую композицию миниатюры, взятой, скорее всего, из единовеческого издания 1894 г.¹ (рис. 2), енисейский художник не стал, что называется, «углубляться» во все типы еретиков, которые были изображены и подписаны на оригинале, а изобразил, согласно подписи, еретиков, лжеучителей и разбойников. Думается, разбойники появились от того, что надо было как-то интерпретировать фигуру с луком (в миниатюре рядом с ней подпись «Калвин»); рядом стоящая фигура – в оригинале «ерипоп Алексия», лента в его руке с надписью «Бе некогда егда бесъ» в енисейской картинке превратилась в какую-то изогнутую дубину. Сделанные старообрядческим художником собственные добавления к группе на берегу очень показательны: за вавилонской женой, также заимствованной из Апокалипсиса, изображены

¹ Симеон Солунский. Сочинения. М.: В тип. единовечес, 1894.

Максимиан и Диоклетиан, лютые гонители веры Христовой, и патриарх Никон в белом клобуке; стан врагов истинной веры пополнен и бесами.

Еще одно существенное добавление помещено справа, его можно понять, лишь выявив источник этой изобразительной цитаты. Им является лицевой Апокалипсис, миниатюра к главе 35 (рис. 3)²; ее смысл поясняют надписи, имеющиеся в некоторых рукописных списках памятника: «Жене даны два крила орла великаго, да парит в пустыню», «Змии гоняще жену и пусти воду изо уст, хотя жену потопити», «Земля поможе жене и пожре воду сию». В издании 1910 г. название главы 35 «Како змии гоняи церковь не престаает суще». Вполне понятно, что этот сюжет – спасающаяся в пустыни жена, знаменующая собой истинную Церковь, – отражал сущность мировоззрения енисейских старообрядцев.

Существенное переосмысление источника мы видим в изображении плывущих на корабле. В оригинальной композиции – это лики святых: апостольский, мученический, святителей и преподобных (в официальных лубках: «святые и епископы»). На енисейской картинке – это именно староверы: иноки, инокини и благочестивые миряне, причем эти группы отделены друг от друга высокими, в человеческий рост, перегородками, как того требуют строгие церковные уставы, соблюдаемые старообрядцами. Над мачтой корабля – изображение Эмануила с подписанием «С нами Богъ», чего не было на миниатюрах.

Таким образом, при сравнении настенной картинке с выявленным конкретным источником замысел енисейского художника проступает более отчетливо, более глубокое содержание обретает и его творчество. Под картинкой расположен большой пояснительный текст, который также лежит в русле старообрядческих традиций.

Рисованная картинка «Две дороги – два пути» (рис. 4)

Этому листу посвящена монография, в которой представлено комментированное прочтение визуального образа [Быкова, Костров, 2019]. Изображение столь насыщено, что даже при наличии отдельной монографии еще не все сюжеты получили свое исчерпывающее истолкование.

В продолжение темы предыдущего лубка о енисейских старообрядцах как последнем оплоте благочестия представляется крайне важной надпись, которая объединяет изображения иноков и сцены скитской жизни: «Буии мира». Авторы монографии со ссылкой на словарь И.И. Срезневского трактуют слово «буии» как «отважный, сильный, смелый» [Быкова, Костров, 2019, с. 58], однако, учитывая книжную культуру староверов, следовало обратить внимание на другое значение этого слова (кстати, указанное Срезневским как первое), связанное с церковными текстами: ‘глупый, несмысленный’. Именно с этим значением данного слова (а также ‘простой, невежественный’) понятие «буии мира» употреблено апостолом Павлом в Первом послании Коринфянам: «но буяя мира избра

² Апокалипсис трехтолковый. М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 1910. Ил. 35, перед л. 123.

Бог, да премудрыя посрамит, и немощная мира избра Бог, да посрамит крепкая» (1 Кор. 1: 27–28). Эта фраза, отражающая один из постулатов христианской веры, имеет большую герменевтическую традицию и включает в себе мысль о превосходстве истинно верующих, пусть и необразованных, невежественных (в средневековом значении этого слова), худородных, уничиженных, над премудрыми, сильными властью, знатными по рождению, ибо Бог избрал первых, чтобы посрамить и упразднить последних: «яко да не похвалится всяка плоть пред Богом» (1 Кор. 1: 29). Иоанн Златоуст, разъясняя эти фрагменты, пишет: «много болше буге Божие от человеческого мудрости»³.

С понятием «буии мира» у апостола Павла связано также понятие «буйство проповеди»: «...благоизволил Бог буйством проповеди спасти верующих» (1 Кор. 1: 21).

Важно подчеркнуть, что апостольское противопоставление «буйства» и внешней мудрости было полностью усвоено енисейским художником конца XX в.: в начале гладкого и широкого пути (рядом с мотоциклом) подписано – «мудрые мира». Таким образом, тот факт, что автор картинки употребил апостольское выражение «буии мира» по отношению к староверам-скитникам, указывает на высочайшую степень оценки избранного ими пути и свидетельствует о большой книжной начитанности и богословской системе мышления составителя.

Обращение к христианской антитезе «невежество – премудрость» имеет в старообрядчестве давнюю традицию. Тезис о «буих мира», посрамляющих «премудрость века сего», широко использовали первые старообрядческие учителя, в особенности протопоп Аввакум [Панченко, 1973, с. 167–209, Клибанов, 1994, с. 20–23; Поньрко, 1994, с. 109–110]. Этой теме посвящено его послание («Писанейцо») к известному своей обширной образованностью Федору Михайловичу Ртищеву. Автор, убежденный, что «не внешняя мудрость пользует церковь, но чистая вера и простота рыбарская», использует и скрытую цитату из апостола Павла: «Ныне же, аще кто не будет буй, аще не всяко умышление и всяку премудрость истощит и вере себя предасть, – не возможет спастися» [Демкова, 1974, с. 388]. В Пятой беседе (О внешней мудрости) протопоп Аввакум обличает «альманашников» и «звездочетцев»: «все сии мудри быша и во ад угодиша». Из-за их гордыни «отверже их Бог: благоизволил буйством апостольским спасти хотящих наследовати спасение» [Житие..., 1979, с. 92].

Противопоставление «внешней» мудрости и божественного познания истины сохранили и выговские писатели. Киновиарх Андрей Денисов, создатель Выговской литературной школы, писал в похвальном слове о Зосиме и Савватии Соловецких: «Не видим ли како буге Божие мудрее человек есть? Не видим ли, како не ведущии алфы определить превзыдоша высоту премудрости и Сократа премудраго, и Платона хитрословеснаго, и Аристотеля, отца философов, и Омира, творцев начальника?» [Юхименко, 2004, с. 510–511].

³ Иоанн Златоуст. Беседы на 16 посланий апостола Павла. Киев, 1623. Стб. 553.

Использование антитезы «мудрые мира» – «буии мира» в названном лубке свидетельствует о продолжении часовенными Енисея глубинной христианской и старообрядческой традиции в конце XX – начале XXI в. С учетом выясненного аспекта многосложная композиция обретает полноту смысла: перед христианином раскрывается еще одна дихотомия: не только широкий и узкий путь, но и внешняя премудрость и истинная вера.

Интересны в настенной картинке «Две дороги – два пути» и изобразительные реминисценции (в опубликованной монографии [Быкова, Костров, 2019] они не указываются). На широком пути, ближе к финишу – раскрытой пасти ада, нарисованы семиголовый зверь – антихрист и сплетенные в одно целое Гог и Магог. Рядом написан текст: «Главы из Апокалипсиса. О звере имущем рогов 10 и глав 7, от них же едину яко заколену рече. Глава 36, стих 155. О имени зверине. Гл. 38. Пятою чашею царства звериного омрачается. Гл. 50, стих 19[6]». Тексты, а главное – отсылки, весьма специфические, отсылают нас прямо к изданию лицевого трехтолкового Апокалипсиса, выполненному в Московской старообрядческой книгопечатне (беглопоповской) в 1910 г.⁴ Именно в этом издании в заголовки были вынесены главы, а не зачала, и стихи имели сквозную, а не поглавную нумерацию. Однако картинка воспроизводит миниатюру не к этим главам, а к главе 51, о шестом ангеле, изливавшем свой фиал на реку Евфрат, «да уготовится путь царем, сущим от восток солнечных»⁵.

В нижней части листа изображены мучения грешников. Авторы монографии, конечно, отмечают, что эта тема представлена у старообрядцев в Цветниках, Синодиках, лицевых Апокалипсисах, Житии Василия Нового и разных сборниках [Быкова, Костров, 2019, с. 54, 55]. Это, безусловно, так. Но в случае с листом «Две дороги – два пути» можно сказать конкретный источник – это печатное Житие Василия Нового 1912 г.: совпадают и виды мучений и изображения грешников⁶ (рис. 5).

Данный лист представляет большой интерес с точки зрения современного эсхатологического осмысления окружающего мира. Вполне понятно, что эта традиция идет от первых старообрядческих учителей. В Дубчесских скитах ее продолжили настоятели старцы Симеон (Лаптев) и Антоний (Людиновсков), а также ученик старца Симеона Афанасий Мурачев, в 1983 г. написавший трактат «Предатомные предвестии». Автор листа «Две дороги – два пути» изобразительными средствами продолжил ту же линию.

Рисованная картинка «Всемирная сеть. Мировая паутина» (рис. 6)

Краткая содержательная характеристика этого памятника дана в статье [Быкова, Пригарин, 2019]. Авторы отметили, что сложная визуальная композиция с большим количеством символов сопровождается текстами из Апокалипсиса и современным духовным стихом «Билеты в “рай” (глобальный)».

⁴ Апокалипсис трехтолковый. М., 1910. Л. 126, 134, 161.

⁵ Апокалипсис трехтолковый. М., 1910. Ил. 51, перед л. 164.

⁶ Житие и сказание отчасти чудес преподобнаго Василия Нового и видение ученика его Григория. М.: Тип. при Преображенском богаделенном доме, 1912. Ил. 13.

Представляется интересным провести конкретный анализ изобразительных и текстовых цитат из Апокалипсиса.

В верхнем левом углу мы видим изображение двух зверей (вероятно, взятом с рукописной миниатюры: один зверь со скипетром сидит на престоле, другой за его спиной держит его образ к зач. 46). Рядом тексты о двух зверях с указаниями: «Апокалипсис, стих 166» [гл. 37] и «Зач. 38, стих 167», что свидетельствует об использовании печатного Апокалипсиса 1910 г.⁷

Ниже общая композиция, объединяющая сюжеты, изображенные на миниатюрах к зачалам 36 (зверь выходит из бездны и сидит на престоле, у ног его змий) и 38 (людям пишат на челе имя/число зверя) (рис. 7, 8). Над композицией приведена цитата из Апокалипсиса: «Глава 13, зач. 36, стих 1». Совершенно определено, она взята из другого печатного издания книги: федосеевского, в типографии при Преображенском богаделенном доме. М., 1913⁸. Обратим внимание, что к этой композиции, внизу, присоединено изображение змия, держащего в пасти пластиковые карты, подпись: «Змий предлагает “дщицы”».

В левом нижнем углу практически полностью воспроизведена миниатюра к зачалу 37 (О звери, имущем два рога). Текст дан с указанием: «Глава 11, стих...». Ошибка, допущенная в этом указании, вновь обращает нас к изданию 1913 г.: приведенный текст там дается в главе 13, но это указано лишь в колонтитуле следующего листа, а рядом с самим текстом указан номер стиха – 11, но без обозначения «стих»⁹.

Еще один апокалиптический сюжет – у правого поля листа: вавилонская блудница, сидящая на семиголовом змии. Она изображалась в миниатюрах к зачалам 53 и 54 с подписанием: «Вавилон – великая мати любодеицам и земским мерзостем» (повторено и на лубке).

Как видим, автор лубка пользовался не одним изданием Апокалипсиса, возможно, имел под рукой выписки из одного из них, скорее всего, из книги 1910 г. издания, поскольку миниатюры по своей раскраске больше тяготеют к изданию 1913 г., откуда была сделана и часть выписок.

Еще одним источником, текстовым и изобразительным, для енисейского художника-старообрядца послужило лицевое Василия Нового. Внизу листа помещена миниатюра с изображением мучающихся в огненной геенне грешников, рядом выписан текст «О отступниках и мучителя» с указанием листа: «лист 116». Эта отсылка точно соответствует печатному изданию памятника в преображенской типографии 1912 г.¹⁰ Однако в рисунке творчески переработаны несколько миниатюр издания: одного мучающегося Диоклетиана, изображенного на миниатюре 30, было явно недостаточно.

⁷ Апокалипсис трехтолковый. М., 1910. Ил. 37 перед л. 131, ил. 38 перед л. 134.

⁸ Апокалипсис трехтолковый. М.: Тип. при Преображенском богаделенном доме, 1913. Л. 173.

⁹ Апокалипсис трехтолковый. М.: Тип. при Преображенском богаделенном доме, 1913. Л. 179.

¹⁰ Житие и сказание отчасти чудес преподобнаго Василия Нового и видение ученика его Григория. М.: Тип. при Преображенском богаделенном доме, 1912.

Анализ трех лубков показал, что енисейские художники свободно владели материалом, творчески использовали изобразительные источники – печатные издания начала XX в. лицевого трехтолкового Апокалипсиса и лицевого Жития Василия Нового, имевших также обширную рукописную традицию.

Единство всей старообрядческой культуры демонстрируют его два произведения енисейских художников.

Рисованная картинка «Возрасты жизни человеческой» выполнена на основе выговского рисованного листа середины XIX в. (наиболее вероятно, через посредство издания) [Неизвестная Россия, 1994, с. 67 кат. 29]. Оригинал воспроизведен достаточно точно, немного изменены картинка у последних ступеней лестницы. Дополнительная картинка иллюстрирует 70 лет.

Лубок «Внутреннее состояние сердца человеческого при жизни праведной и греховной» (рис. 9)

Ему посвящена отдельная статья Е.В. Быковой [Быкова, 2021], в которой проанализирована лицевая рукопись с таким названием (51 лист, 20 миниатюр), созданная в 1950–1960-е гг. инокиней Македонией в скиту енисейских часовенных. Исследовательнице удалось установить, что источником для данной рукописи послужило печатное издание московской типографии И.Д. Сытина и К° «Внутреннее состояние сердца человеческого» 1897 г. На основе рукописи был создан современный лубок.

Однако этот необычный сюжет приобрел популярность в России гораздо раньше и также был связан со старообрядческой средой.

Названное издание И.Д. Сытина является поздней переработкой более раннего, знаменательного для своего времени и популярного издания. В 1819 г. в русском переводе была опубликована книга знаменитого немецкого религиозного проповедника пастора Иоганна Евангелиста Госнера (1773–1858) «Зеркало внутренняго человека, в котором каждый себя видеть, состояние души своей познавать, и исправление свое потому разполагать может, в десяти картинах представленное с объяснением оных» (Спб.: В Медицинской тип. 1819. 148 с., X л. ил.). Впервые книга «Зеркало внутреннего человека...» Госнера была опубликована на немецком языке в 1812 г., вскоре была переведена на большинство европейских и 23 неевропейских языка. Книга приобрела популярность и в России: в 1821 г. вышло еще одно издание перевода Александра Федоровича Лабзина (1766–1825), в 1822 г. вышел новый перевод под названием: «Сердце человеческое есть храм божий или жилище сатаны. Представлено для удобнейшаго понятия в десяти фигурах, для поощрения и способствования к христианскому житию. Новый перевод с немецкого издания, напечатаннаго в С. Петербурге 1820 года» (Спб.: В тип. Н. Греча, 1822. IX, 1, 52, 2 с., 10 л. ил.).

В эти издания вошли 10 гравюр, в их числе 8 фигур в виде сердца и две сцены («Смерть безбожника и воздаяние грешнику» и «Смерть смиренного и праведнаго») (рис. 10, 11). В немного измененном виде эти рисунки были

включены и в издание И.Д. Сытина, в котором, однако, имя немецкого автора уже не упоминалось.

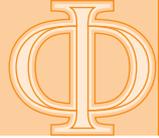
Нам известен еще один случай использования в старообрядческой среде книги И. Госсера. В журнале «Родная старина» № 7 за 1929 г. было воспроизведено в черно-белом варианте 8 миниатюр с изображением сердца из старообрядческой рукописи. О самой рукописи (современное ее местонахождение не известно) сообщается в статье И.Н. Заволоко «Зерцало души»: «В собрании книг староверческого наставника в Латгалии найден редкий экземпляр <...> сборника поморского письма. <...> Этот сборник наряду с статьями и нравоучениями религиозно-нравственного характера содержит картинки, написанные от руки» [Заволоко, 1997, с. 168]. Опубликованные картинки (в тексте дается также их словесное описание, в подписях к иллюстрациям указано: «Из поморской лицевой рукописи XVIII века»), совершенно очевидно, воспроизводят гравюры к изданию книги И.Э. Госснера, но в них внесена «старообрядческая» правка: голове придан вид благочестивый (мужчина с бородой), крест везде изображен восьмиконечным, храм, имеющий вид костела, заменен на привычный православный, не говоря уже о написании имени Спасителя [Заволоко, 1997, с. 167, 169, 171, 172] (рис. 12).

Заключение. Вся совокупность материала – существование нескольких печатных изданий и обращение к ним старообрядцев разных согласий, регионов и эпох – позволяет сделать вывод о том, что сторонников древнего благочестия также интересовал этот популярный трактат о внутреннем человеке, в назидательных целях они допускали и использование наглядных картинок из этого совсем не старообрядческого издания.

Детальный анализ рисованных картинок, бытующих у современных старообрядцев-часовенных на Енисее, показывает, что при всем их современном содержании и форме они продолжают и творчески развивают вековую старообрядческую традицию, в основе которой лежат высокая книжная культура и религиозный образ мышления. Яркими свидетельствами глубокой укорененности этой традиции являются текстовые и изобразительные цитаты из Апокалипсиса и других авторитетных эсхатологических сочинений в произведениях конца XX – начала XXI в.

Библиографический список

1. Быкова Е.В. Внутреннее состояние сердца человеческого при жизни праведной и греховной: рукописная книга и современный лубок староверов-часовенных на Енисее // Традиционная культура. 2021. Т. 22, № 2. С. 143–152.
2. Быкова Е.В., Пригарин А.А. Мир визуальных образов старообрядцев Тувы: от иконы и лубочной картинки до фотографии [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019. № 1. URL: [https:// nit.tuva.asia/nit/article/view/803](https://nit.tuva.asia/nit/article/view/803) (дата обращения: 08.10.21). DOI: 10.25178/nit.2019.1.6
3. Быкова Е., Костров А. Старообрядческий лубок «Две дороги – два пути»: комментированное прочтение визуального образа. Киров, 2019. 192 с.
4. Демкова Н.С. Из истории ранней старообрядческой литературы // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 385–392.

5. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. 368 с.
6. Заволоко И.Н. Зерцало души // Родная старина: сб., посвященный вопросам религиозно-нравственного и национального просвещения. [Переиздание]. М., 1997. С. 166–170.
7. Клибанов А.И. Протопоп Аввакум и апостол Павел // Старообрядчество в России: сб. науч. тр. / под ред. Е.М. Юхименко. М., 1994. С. 12–33.
8. Костров А.В. Феномены культуры современных старообрядцев-часовенных Енисейской Сибири. Красноярск, 2021. 412 с.
9. Костров А.В., Моррис Т.Б. Визуально-текстовая агиография в настенных листах современных старообрядцев часовенного согласия [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/831> (дата обращения: 08.10.21). DOI: 10.25178/nit.2019.1.7
10. Неизвестная Россия: К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни: Каталог выставки. М., 1994. 96 с.
11. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973.
12. Поньрко Н.В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 104–112.
13. Юхименко Е.М. *Невежество и премудрость* в интерпретации выговских писателей-старообрядцев // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 508–516.

Сведения об авторе

Юхименко Елена Михайловна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела рукописей и старопечатных книг, Государственный исторический музей (Москва); e-mail: el-yukhim@yandex.ru

DOI: <https://DOI.ORG/10.25146/2587-7844-2021-16-4-96>

LITERARY AND PICTORIAL SOURCES OF THE SHEETS PAINTED BY THE YENISEI OLD BELIEVERS OF CHAPEL CONCORD

E.M. Yukhimenko (Moscow, Russia)

Abstract

The article is devoted to the monuments of modern Old Believers' culture – hand-drawn wall sheets with large text fragments created by the Old Believers of the Chapel Concord living on the Yenisei. These sheets are both a continuation of the Old Russian and Old Believer traditions and a form of modern propaganda art. In this article, the works of the Old Believers of the 20th century are considered in the context of their historical origins.

Statement of the problem. Since the Old Believers' culture as a whole is characterized by deep knowledge of the previous book culture and traditionalism of thinking, for comprehensive assessment of the painted sheets as a cultural phenomenon, it seems necessary to establish to what extent the creators of these monuments, which have an ultramodern form, were guided by tradition.

The purpose of the article is to identify the literary and pictorial sources of the painted sheets of the Yenisei chapels and to characterize the features of their use.

Review of scientific literature. The monuments were recently put into scientific circulation by a group of scientists who conducted archaeographical expeditions in Yenisei Siberia. The published works by A.A. Prigarin, E.V. Bykova, A.V. Kostrov, and A.A. Storozhenko are mainly devoted to the problem of visualization of images and characteristics of the environment for these sheets.

Methodology. Classical historical, philological and comparative methods are used in the work.

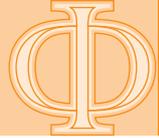
The results of the study. Specific sources of such sheets as “Two Roads – Two Ways”, “Ship of Faith” (“Ship of the Cross”), “World Wide Web. The World Wide Net” revealed the exact textual and pictorial quotations used by their creators from various editions of the facial Apocalypse, and the Life of Basil the New. In addition, the tradition is shown, within the framework of which the sheet “The inner state of the human heart during a righteous and sinful life” was created.

Conclusion. A detailed analysis of the hand-drawn pictures that exist among modern Yenisei Old Believers of the Chapel Concord, shows that with all their modern content and form, they continue and creatively develop the age-old Old Believers' tradition, which is based on a high book culture and religious thinking. Deep knowledge of this tradition is precisely confirmed by a variety of not only textual, but also pictorial quotations from the Apocalypse and other authoritative eschatological writings.

Keywords: *Old Believer culture, monuments, book culture, Chapel Concord, hand-drawn pictures, texts.*

References

1. Bykova E.V. The inner state of the human heart during a righteous and sinful life”: a handwritten book and a modern splint of Old Believers-chapels on the Yenisei // Traditional culture. 2021. Vol. 22, No. 2. P. 143–152.
2. Bykova E.V., Prigarin A.A. The world of visual images of the Old Believers of Tuva: from icons and splint pictures to photographs [Electronic resource] // New studies of Tuva. 2019. No. 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/803> (access date: 08.10.21). DOI: 10.25178/nit.2019.1.6
3. Bykova E., Kostrov A. Old Believer lubok “Two roads – two ways”: commented reading of the visual image. Kirov, 2019. 192 p.

4. Demkova N.S. From the history of early Old Believer literature // TODRL. L., 1974. Vol. 28. P. 385–392.
5. The life of Archpriest Habakkuk, written by himself, and his other writings. Irkutsk, 1979. 368 p.
6. Zavoloko I.N. Mirror of the soul // Native antiquity: A collection dedicated to the issues of religious, moral and national enlightenment. [Reissue]. M., 1997. P. 166–170.
7. Klibanov A.I. Protopop Habakkuk and the Apostle Paul // Old Believers in Russia: Collection of scientific tr. / Ed. by E.M. Yukhimenko. M., 1994. P. 12–33.
8. Kostrov A.V. Cultural phenomena of modern Old Believers-chapels of Yenisei Siberia. Krasnoyarsk, 2021. 412 p.
9. Kostrov A.V., Morris T.B. Visual-textual hagiography in the wall sheets of modern Old Believers of the Chapel of Consent [Electronic resource] // New studies of Tuva. 2019. No. 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/831> (access date: 08.10.21). DOI: 10.25178/nit.2019.1.7
10. Unknown Russia: To the 300th anniversary of the Vygovskaya Old Believer Desert / Exhibition catalog. M., 1994. 96 p.
11. Panchenko A.M. Russian poetic culture of the XVII century. L., 1973.
12. Ponyrko N.V. Aesthetic positions of writers of the Vygovskaya literary school // Book centers of Ancient Russia. XVII century: Various aspects of research. SPb., 1994. P. 104–112.
13. Yukhimenko E.M. Ignorance and wisdom in the interpretation of Vygov writers-Old Believers // TODRL. SPb., 2004. Vol. 55. P. 508–516.

About the author

Yukhimenko Elena Mikhailovna – DSc (Philology), Senior Researcher of the Department of Manuscripts and Old Printed Books, State Historical Museum (Moscow, Russia); e-mail: el-yukhim@yandex.ru

Рис. 1. Рисованная картинка «Корабль веры», созданная на Среднем Енисее
 Fig. 1. A hand-drawn picture of the “Ship of Faith”, created in the Middle Yenisei area

Рис. 3. Миниатюра к главе 35 из лицевого трехтолкового Апокалипсиса (М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 1910). Хромолитография
 Fig. 3. Miniature to Chapter 35 from the facial three-thick Apocalypse (M.: Moscow Old Believers Printing House, 1910). Chromolithography

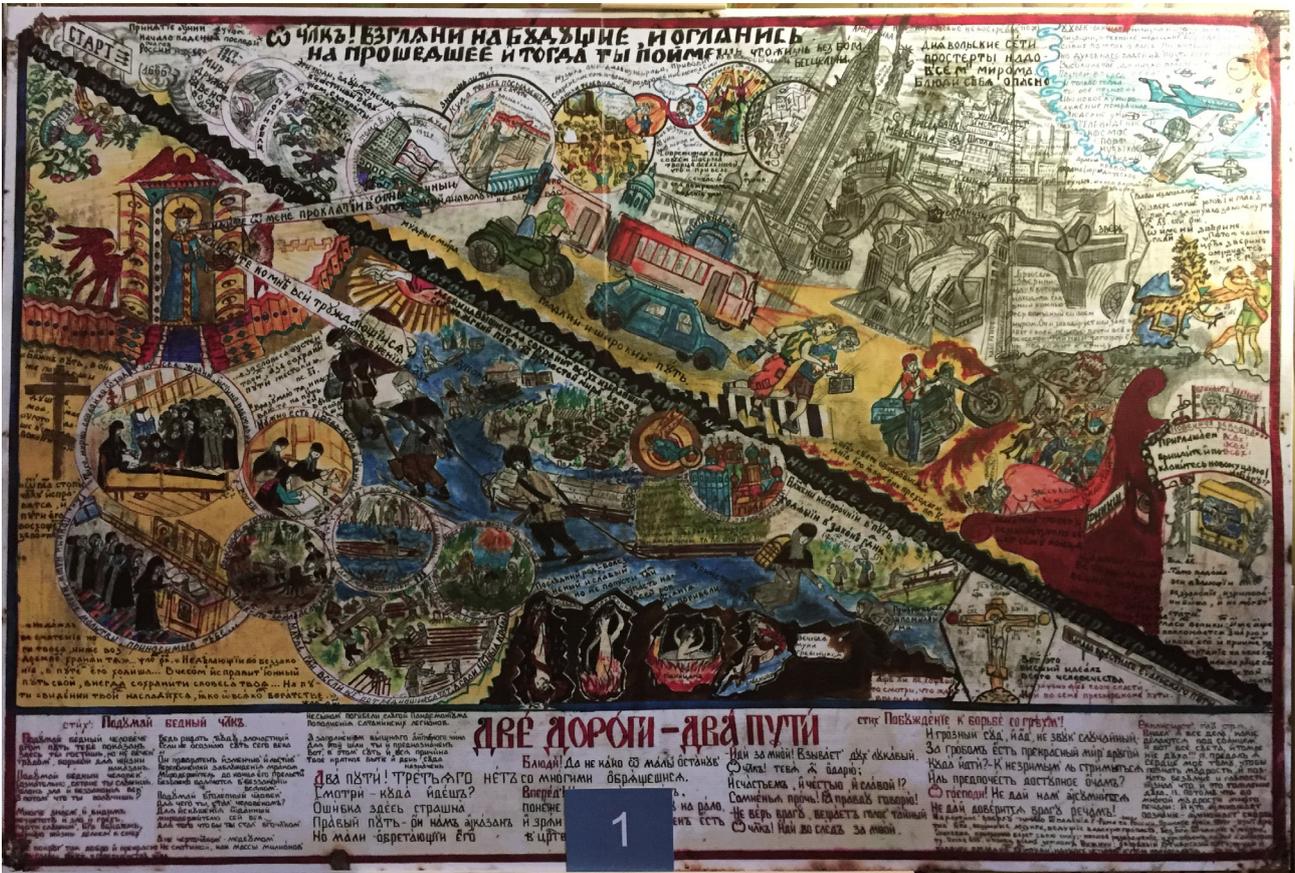
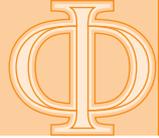

Рис. 4. Рисованная картинка «Две дороги – два пути», созданная на Среднем Енисее
Fig. 4. Hand-drawn picture “Two roads – two ways”, created on the Middle Yenisei

Рис. 5. Миниатюра (ил. 13) из изд.: Житие и сказание отчасти чудес преподобного Василия Нового и видение ученика его Григория. М., 1912. Хромолитография
Fig. 5. Miniature (fig. 13) from the edition: The Life and legend of the miracles of St. Basil the New and the vision of his disciple Gregory. M., 1912. Chromolithography

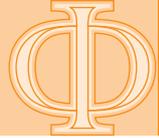

Рис. 6. Рисованная картинка «Всемирная сеть. Мировая паутина»,
созданная на Среднем Енисее
Fig. 6. A hand-drawn picture “The World Wide Web. The World Wide Web”,
created on the Middle Yenisei

Рис. 7. Миниатюра к началу 36 из лицевого трехтолкого Апокалипсиса (М.: Тип. при Преображенском богаделенном доме, 1913). Хромолитография
 Fig. 7. Miniature to the conception 36 from the facial three-thick Apocalypse (M.: Type. at the Transfiguration Almshouse, 1913). Chromolithography

Рис. 8. Миниатюра к началу 38 из лицевого трехтолкого Апокалипсиса (М.: Тип. при Преображенском богаделенном доме, 1913). Хромолитография
 Fig. 8. Miniature to the conception 38 from the facial three-thick Apocalypse (M.: Type. at the Transfiguration Almshouse, 1913). Chromolithography

Рис. 9. Рисованная картинка «Внутреннее состояние сердца человеческого при жизни праведной и греховной», созданная на Среднем Енисее
Fig. 9. A hand-drawn picture “The inner state of the human heart during a righteous and sinful life”, created on the Middle Yenisei

Рис. 10. Иллюстрация I из изд.: Госснер И.Е. Зеркало внутреннего человека. Спб., 1819
Fig. 10. Illustration I from ed.: Gossner I.E. Mirror of the inner man. St. Petersburg, 1819

Рис. 11. Иллюстрация V из изд.: Госснер И.Е. Зеркало внутренняго человека. Спб., 1819
Fig. 11. Illustration V from ed.: Gossner I.E. The mirror of the inner man. St. Petersburg, 1819

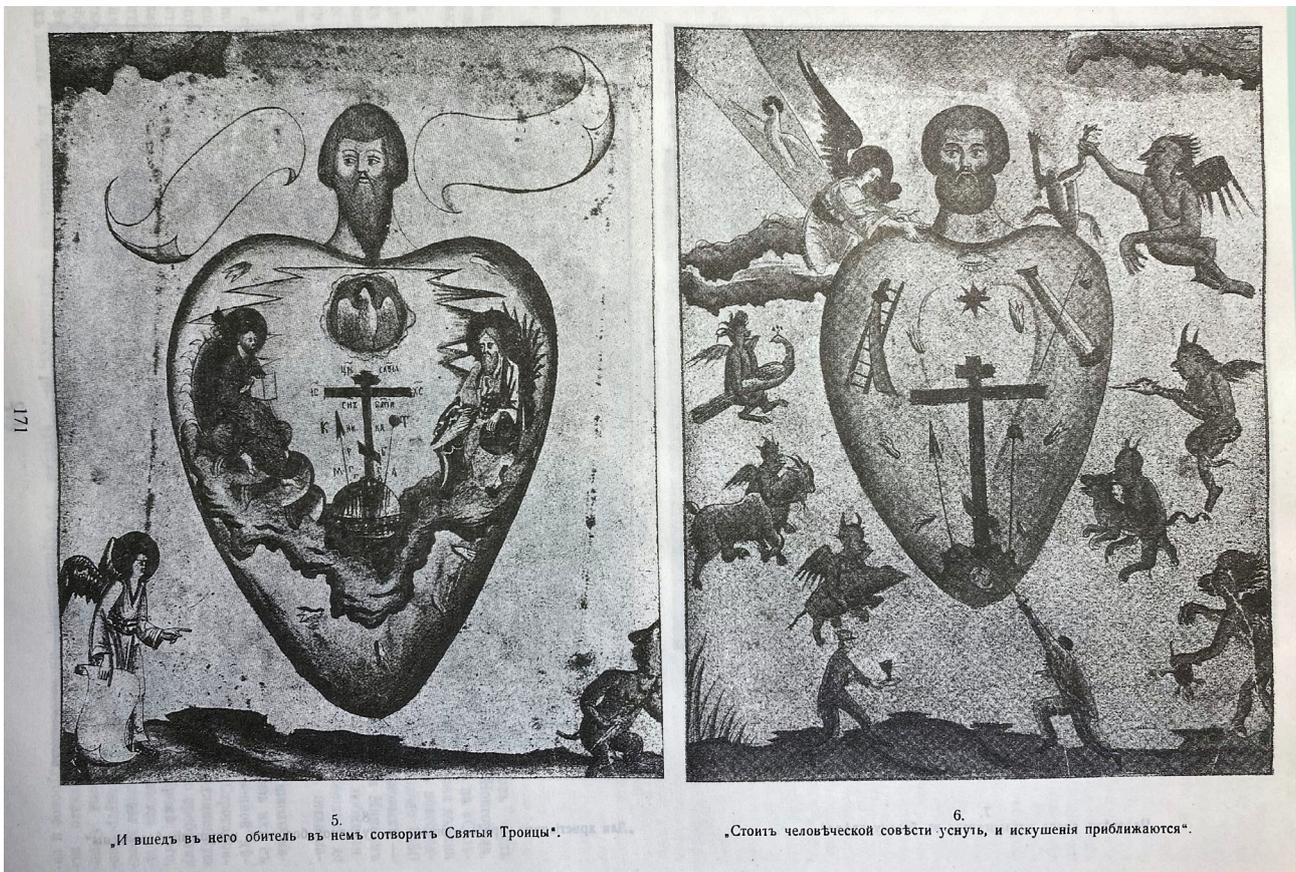

Рис. 12. Миниатюры из поморской рукописи, опубликованные в Журнале «Родная старина» (Рига, 1929. № 7)

Fig. 12. Miniatures from the Pomeranian manuscript published in the Magazine “Native Antiquity” (Riga, 1929. No. 7)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (от 20 000 до 40 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

3. При цитировании обязательно указание ссылок на *все* источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора / авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями

ГОСТ Р 7.0.5–2008 и в соответствии с международными стандартами, принятыми редакцией (перевод на английский язык);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным *переводом* названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

I. Библиографический список на русском языке и References.

II. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.Г. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

.....

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).

2. Романов Р.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 302 с. DOI: 10.12737/17756

3. Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры: монография / отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савеленок. М.: МАКС Пресс, 2020. 244 с. DOI: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2

4. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In: European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Сведения об авторе на русском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT AND TECHNOLOGY EDUCATION A.G. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

References (перевод на английский)

1. Lustig M.V., Koester J. Intercultural competence: Interpersonal communication across cultures. 6th ed. Boston: Pearson Education Inc., 2010. 388 p.
2. Plotnikova S.N. The role of interpretative discourse in the organization of communication community. In: Russian Philology and Comparative Studies: international collection of scientific papers on philology. Moscow: Knigodel, 2019. Is. 13. P. 304–312. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.20

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (access date: 05.02.2011).

About the author

Spiridonova Galina Sergeevna – Candidate of Philology, associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail:

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2021. № 4 (16)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 30.11.21.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 17,0